

KP2
M231

А. Иванченко

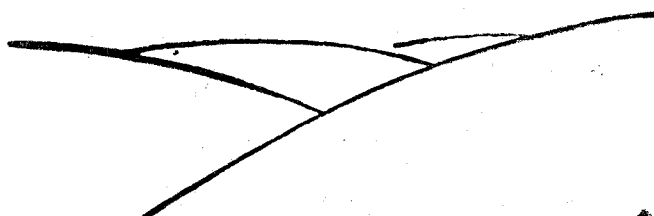
**ЗОЛОТОЙ
МАТЕРИК**

НИИТ

Р2

И 231

А. Иванченко

26555

ЗОЛОТОЙ МАТЕРИК

МАГАДАНСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Александр Семенович Иванченко — московский журналист. В 1960 году он совершил поездку по Магаданской области, был на горных предприятиях, встречался с людьми различных профессий.

Эта книга интересна для широкого круга читателей, особенно для молодежи, которая приехала осваивать Крайний Север. В книге приводятся дневники С. Раковского, В. Цареградского и других первооткрывателей богатств Колымы.

Дорогим моим Василию Филипповичу Чалому и Марии Филипповне Шишатской, без помощи и доброго участия которых эта книга не была бы написана.

А В Т О Р

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СИНИЙ ПАКЕТ.— ГРОЕ В ТАЙГЕ.— ЮЛДУЗ.— ЧТО ВИ-
ДЕЛ НА КОЛЫМСКОМ НЕБЕ БОРИС.— ВЕСНА ОКА-
ЗАЛАСЬ НЕДОЛГОЙ.— МЫ ТОЖЕ ХОТИМ НА КОЛЫ-
МУ.— ДРАКОН С ТЫСЯЧЬЮ И ОДНИМ НЕИЗВЕСТ-
НЫМ.— РОЗОВАЯ ЧАЙКА.— «ПОЦЕЛУЙ» ТИГРА.—
КОГДА ВСПОМИНАЮТСЯ ГРУСТНЫЕ ПЕСНИ.— СТИ-
ХИЙНОЕ ПОЛУБЕДСТВИЕ.— МИР НАС ОКРУЖАЕТ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ.— ОБРАТНЫЙ АДРЕС НЕИЗВЕ-
СТЕН.— ОНА МЕНЯ ТОЛЬКО МАНИЛА

Отвернувшись от матери, с фотографии мечтательно смотрел вдаль чернобровый, губастый паренек в ковбойке. Мать бережно держала в пригоршне карточку и плакала.

Извечное несогласие — отцы и дети.

В восемнадцать лет сын избрал свой, не похожий на указанный родителями житейский путь. Убедить его словами они не смогли, и отец, как бывало прежде, взялся за ремень. Родительская строгость не помогла.

Где он и что с ним, они не знали больше года. Потом почтальон принес плотный синий пакет. В нем была фотография и письмо, неграфленые, заполненные по-ученически четким почерком страницы:

23 февраля 1960 года.

Гилкой.

Здравствуйте, дорогие мои!

Извините, что долго не писал. Честно говоря, не хотелось. Теперь постараюсь искупить свой грех. Если хватит терпения, буду описывать наше житье-бытье день за днем. Пришлю вам целую летопись. Только получите не скоро. Отсюда письма не ходят. Кругом тайга.

Тогда я собирался в Красноярский край, но дорогой раздумал и поехал в Хабаровск. Подальше интереснее. Из Москвы добирался «зайцем» на товарняках. В Амуре еле отмылся.

Хабаровск красивый, весь на холмах, зеленый и чистый. Я сразу пошел в геологическое управление. В тот же день меня зачислили рабочим в полевую партию и выдали триста рублей аванса, на которые я купил одноствольное ружье, немного патронов и яловые ботинки.

Все лето был в тайге. Носил в поисковых маршрутах рюкзак с образцами.

Наше хваленое Подмосковье с дальневосточной тайгой даже сравнить нельзя. Попадают ели в четыре человеческих объёма. Зайдешь в такой ельник — и неба не видно. Солнце точно просеивается сквозь ветки. Я часто жалел, что не умею рисовать.

Осенью вернулись на базу. До февраля камеральничал, помогал начальнику партии оформлять летнюю полевую документацию. Дело несложное.

В феврале за нашей партией закрепили новый район. Начнем работать в бассейне Гилюя и его притоков. Здесь пока ничего нет, тайга дикая. К весне мы должны оборудовать летний стан, построить избу, баню, лабаз и ледник. И еще кое-что по мелочам: установить палатки, пологи от комаров, сделать возле избы кухню, общий обеденный стол, скамейки, волейбольную площадку (в нашей партии волейбольная горячка) и мачту для флага. Изба будет служить полевой камералкой. В ней нужно поставить рабочий стол, сколотить несколько табуреток и стеллажи для образцов.

Нас четверо, трое трудящихся и одна нахлебница. Трудящиеся — Борис Кривенко, Толик Ефремов и я; нахлебница — Пальма, дальневосточная лайка, убийственно ленивая, но симпатичная, чистюля, беленькая и шерсть как шелковая. В конце мая сюда забросят основной состав партии. К тому времени со всем надо управиться.

Строить стан мы напросились сами. Настоящего строителя среди нас нет. Борис радист и геолог-практик. А мы с Толиком просто рабочие. Он тоже в прошлом году закончил десятый класс. Всегда носит с фотоаппаратом, утром повесит на шею и до вечера не снимает. Но что у него получается, никто не видел. Пленки он проявляет, а карточки не печатает. К нам однажды приехал из Москвы корреспондент, всех фотографировал, обещал прислать карточки. Конечно, не прислал. С тех пор мы называем Толика «корреспондентом». Они и

внешне немного похожи. Оба длинные, худые, в очках. Я Толику достаю только до плеча. Рост у него прямо гигантский. А характер тихий. Когда говорит, краснеет и руки трет. К Борису обращается на «вы», хотя Борис не претендует на это. Борис — бывший детдомовец, простой и веселый. Верхняя губа вздернута, и кажется, будто он не перестает смеяться даже во сне. Роста он моего, но значительно солиднее и крепче. Нос, как мой, картошкой, лицо конопатое, вместо ресниц и бровей незаметный белый пушок, а волосы цвета красной меди.

Борис у нас за старшего. Ему уже двадцать восемь лет. Он служил в армии в Средней Азии и женат на узбечке. Жену зовут Юлдуз, по-русски — звезда. Сейчас она в Днепропетровске, кончает горный институт, специализируется по золоту. На преддипломную практику ее посылали на Колыму. Борис ездил туда, брал месяц отпуска за свой счет.

27 февраля.

Хотел в тот раз описать еще местоположение, но под вечер прилетел вертолет и пришлось срочно заняться разгрузкой. Это последний рейс. Теперь связь с внешним миром мы будем поддерживать только по рации.

Работать нам предстоит на территории Амурской области. Место для лагеря — в устье Степанака, на левом берегу Гилюя, километрах в сорока от его впадения в Зею.

Ширина Тилюя здесь метров сто. Правый берег — хребет, круто спадающий в реку. Прямо против нас, на той стороне, почти вертикальный подъем, который выше по Гилюю превращается в отвесные скалы.

Ниже по течению наперерез реке — сопка. Возле нее Гилюй резко поворачивает вправо, и на первый взгляд непонятно, куда он вдруг девается. Будто неожиданно уходит в землю.

Со всех сторон горы. Солнце показывается в 8 часов, а скрывается около 17. Ночью пейзаж грозный. Холодная бездна неба, ледышки звезд и скрипучая морозная тишина. На фоне белого снега на склонах гор голые лиственницы, как фантастические черные скелеты. А днем тайга прозрачная и выглядит мирно. В тихую погоду утром много инея. На деревьях он висит гроздьями и кажется вырезанным из тонкого стекла.

Живем мы в палатке. Рядом с ней вчера построили лабаз, в пять раз быстрее, чем думали. Он похож на избушку на курьих ножках, от земли поднят на столбах на полтора метра. Если так пойдет дело и дальше, нам не страшно будет взяться и за строительство второй Братской ГЭС.

Сегодня новенький лабаз начали загружать, перетаскивали в него продукты. Этого занятия хватит и на завтра. Грузчики мы, за исключением Бориса, неважные.

28 февраля.

Все продукты и прочее — в лабазе. Во второй половине дня перетаскивали туда же «витамины» для наших будущих лошадей: комбикорм и овес. Удовольствие ниже среднего — тащить на себе семьдесят килограммов, да еще в гору (вертолет садится метрах в двухстах ниже по течению Гилюя, на льду).

С лабазом покончено. На очереди изба. С ней придется повозиться. Дом все-таки.

После полудня прогулялись с Толиком вверх по Степануку. Для моего ружья ничего не нашлось, зато пригодился фотоаппарат Толика. Конечно, относительно. Карточек Толик все равно не напечатает.

Уже появляются наледи. В нескольких местах встретили в русле Степанука гидроленколиты — ледовые куполы высотой в два-три метра. Лед под напором воды поднимается и с шумом трескается. Толщина льда в трещинах достигает полутора метров. Когда мы рубили прорубь на Гилую, чтобы брать воду, выдолбили «дырочку» в мой рост. Можете представить, какие наведываются сюда морозы.

5 марта.

Свои возможности мы явно недооценивали. На что планировали не меньше недели, то делаем за день-два. С такими темпами избу построим в худшем случае к апрелю.

Избу решили строить на бугре, в пятидесяти метрах от Гилюя.

Всю эту неделю вели подготовительные работы: валили лес, пилили и таскали бревна, копали мох, расчищали площадку. Кажется, у строителей это называется «нулевым циклом».

«На досуге» (два раза за полночь) благоустраивали свой быт. Сделали в палатке нары, обложили камнем железную печку, перетрясли постели. Теперь в наших «апартаментах» шикарно. Жара такая, что ходим в трусиках. Утром, перед обедом и перед сном обтираемся до пояса на улице снегом. Толику эти процедуры даются с трудом, но действуют на него положительно. Наш «корреспондент» расцветает на глазах. Ложимся мы часов в 9—10, встаем в 7.

Ничего выдающегося пока не произошло, если не считать, что ночью напротив палатки прорвало лед. Из-под него бурными потоками вырываются две речки, и по ледовой спине Гилюя движется двумя рукавами Гилюй-2. Вся долина окутана паром. Прорубь затопило, воду будем брать из наледи. Это связано с мокрыми неприятностями, но мы настроены оптимистически.

11 марта.

Собирался писать каждый день, а пишу с перерывами. Все еще некогда. Работаем, как экскаваторы.

Седьмого марта под вечер разгулялась пурга. Работать стало невозможно, и мы улеглись спать раньше обычного. Ночью я почувствовал, что меня засыпает снегом. Сразу вскочил и как раз вовремя. С палатки сорвало верх и вот-вот могло унести. За каких-нибудь полчаса, пока мы возились с ним, в палатку навалило снега до колен.

«Разбойничий налет» закончился сравнительно благополучно. Потери незначительные: Толик разбил одно стекло от очков, я прожег ватные брюки, Борис приморозил на руках пальцы. Это не страшно, пройдет.

А так все хорошо.

Следующий день — 8 Марта. Поскольку женщин среди нас нет (Пальма не в счет), мы решили отметить этот день сами. Не пропадать же празднику.

Борис достал из «нз» бутылку портвейна, и мы провозгласили три тоста: первый — за женщин как таковых, второй — за матерей, третий — за союз женщин и мужчин. Ты, мама, и ваш с папой союз тоже имелись в виду. Хотели выпить еще за то, какие мы молодцы, но вина на этот эгоистический тост не хватило.

Папа читает и, наверное, хмурится. Не сердись, отец, выпиваем мы только по праздникам и немного. И ты

ведь себе иногда позволяешь. Или я тебе по-прежнему кажусь щенком?

Я не о вине, вообще.

Ладно, не будем об этом.

Весь день наслаждались бездельем. Наверное, по случаю женского дня Борис много говорил о жене. Обычно о ней он рассказывает редко. Мы знали только, что она узбечка и учится в институте, а Юлдуз, оказывается, еще и «жертва корана». После шестого класса на нее надели паранджу и в двенадцать лет просватали. Жениха она никогда не видела.

Все расстроилось неожиданно. Умер жених. Родители снова разрешили Юлдуз пойти в школу, но в восьмом классе таким же манером опять просватали. Но со свадьбы Юлдуз сбежала. Спрятаться в кишлаке было негде, и она примчалась в соседнюю воинскую часть. Первым, кого она там встретила, был Борис. Юлдуз ему все рассказала.

Борис дал ей денег на дорогу и написал своим друзьям в Днепропетровск, чтобы они помогли ей. В Днепропетровске она работала на том же заводе, где до армии работал Борис, и училась в вечерней школе. А когда Борис демобилизовался, он уговорил ее работу бросить, закончить десятый класс и поступить в институт.

Сначала они были как брат и сестра. Борису она нравилась, но он ничего ей не говорил об этом. Уехал на Дальний Восток, посылал деньги, в письмах называл сестрой (родных братьев и сестер у Бориса нет).

Поженились они в позапрошлом году. Юлдуз сама предложила. Теперь вместе уедут на Колыму. В конце апреля Юлдуз защитит диплом. Он у нее на материалах Колымы.

Борис говорит, что на Колыме им понравилось. Рассказывает, будто видел на колымском небе пять солнц: вокруг настоящего солнца еще четыре таких же. Взглянуть бы самому, что это за диво.

15 марта.

Сегодня воскресенье, мы отдыхаем. Воскресенье есть воскресенье. Не отдыхаю только я. Мне выпало дежурить. На мне вся стряпня, мойка посуды, уборка. Вставать я обязан на два часа раньше других. Такова участь каждого дежурного.

Вчера закончили сруб, выпилили проем для дверей. Сначала наше строение напоминало колодец, а сейчас уже похоже на дом. Уложили около шестидесяти бревен, хотя принесли восемьдесят. Оставшиеся пойдут на стропила под крышу и на дрова. Лес сухой, живые деревья мы не валим. Жалко.

Главное сделали. Теперь надо браться за пол, потолок, крышу, окна и дверь. Плохо, что у нас ничего нет. Нет петель для двери, нет стекла для окон, нет досок. Все делаем своими руками, как Робинзон Крузо. Доски тоже пилим вручную. Пилишь и переживаешь: все время кажется, что доска перекосилась.

За последние дни потеплело. Днем на пригорках тает снег. Обнажился правый берег Гилюя. Южные склоны гор потемнели. Ночью подмораживает, но ветра нет и мороз не чувствуется.

Коротко о наших выходных. Проходят они в основном одинаково. Если тихо и хорошая видимость, с утра двое идут на охоту. Дежурный остается дома стряпать. К обеду «охотники» возвращаются, обычно с пустыми руками. Начинается трапеза — мгновенное поглощение всего, что в поте лица приготовил за полдня дежурный. Потом мертвый час (для двоих, око дежурного не дремлет, он продолжает трудиться). После сна чаепитие. Затем все вместе ходим на лыжах по тайге или развлекаемся в палатке, смотря по погоде.

Комплекс развлечений следующий: чтение книг (от «Общей геологии» и «Минералогии» до «Василия Теркина» и «Дон Кихота»), занятия немецким языком и физикой (мы с Толиком), рассказы всевозможных историй (Борис), физическая культура (коллективные упражнения в стрельбе, прыжках в длину и высоту, борьба самбо и т. д.).

Сегодня общий порядок несколько нарушился. Борис, наконец, наладил радию. Она хорошо принимает широковещательные радиостанции. Впервые слушали музыку и последние известия. Настроение на градус выше.

18 марта.

Наша стройка продвигается. Вчера и позавчера говорили лес для потолка и пола — лиственницу до десяти сантиметров диаметром. Принесли и отесали больше ста штук. Сегодня сделали потолок и прорезали окна.

С рацией жизнь веселее. Знаем, что в Москве пять градусов тепла, что на Кубани начали сев, а в Антарктиде пятидесятиградусные морозы. Знаем, что в Конго обстановка по-прежнему тревожная, что никак не утихнут мирятся в Лаосе. Восхищаемся Фиделем Кастро.

Ловим Москву, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Благовещенск, иногда Якутск. Но чаще всего Магадан. Борис упивается Колымой. Он агитирует нас ехать с ним и Юлдуз в Магадан. Рассказы о пяти солнцах всякий раз цветистее.

Правду сказать, долго засиживаться на одном месте мне не хочется. Земля такая огромная, а жить человеку дано не так уж много. Подумать только, сколько в мире интересного: вот эта тайга, северные тундры, пески пустынь, горы! Побывать бы хоть на каком-нибудь острове в Ледовитом океане, а потом очутиться на экваторе или в Океании. Из тайги попасть в пальмовую рощу, из тундры — в южную степь. Можно в далекие страны и не ездить, путешествовать только по Советскому Союзу. Для этого тоже нужна целая жизнь.

27 марта.

Дом полностью достроили двадцать третьего. Убрали мусор, сделали нары, стол и четыре табуретки. Радость у нас, конечно, великая. Первую ночь спали в новой «квартире». Изба получилась хорошая, с нашей точки зрения. Только в окнах вместо стекол марля. Но это не страшно. Сейчас тепло, а если по ночам бывает холодно, окна занавешиваем одеялами.

К полудню прояснилось, подул теплый ветер, солнце прогревает сильнее. Появились насекомые и маленькие очень нарядные, ослепительно белые с черным птички. Порхают на нашем «дворе», хлопчут. Тоже строят, вьют на деревьях гнезда. Толик их подкармливает, и они нас не боятся. Одна птичка так расхрабрилась, что склеывала крошки с его ладони.

Особенно красиво на Гилую. Лед блестит и окрашивается в разные цвета: голубой, зеленый, синий, бирюзовый. На льду многочисленные лужи, покрытые мелкой рябью. Снег сахарно-белый, голубоватый в тени, желтоватый на ледяных буграх. Все это сливается в панораму весенней реки, окаймленной бурными склонами гор с пятнами последнего снега.

28 марта.

Весна оказалась недолгой. Утром встали и поразились — все белое. Снег валит густой мутноватой пеленой. Гор не видно. Палатку совсем занесло (вовремя мы «испарились!»), тропы исчезли, деревья и антенна покрылись тяжелыми мокрыми хлопьями.

Птички тревожно жмутся к нашей застрехе и пытаются проникнуть в дом. Для них это серьезное стихийное бедствие.

30 марта.

Снегопад прекратился. Я решил пройти километра два-три вверх по Гилую. Со мной пошла Пальма. Наверное, лежать в доме ей надоело.

В долине снега было по грудь, и я шел по косогорам. Только спустился к Гилую, и сразу напал на рябчиков. Пару убил. Начинались сумерки, пора было возвращаться. В обратный путь я отправился по руслу Гилюя, не рассчитав, что этот путь тяжелее: нужно идти по метровому снегу. Я устал, вымок и понял, что надо пробиваться к тем сопкам, по которым я шел сюда. Когда я добрался до своего старого следа, уже совсем стемнело. К счастью, был хорошо виден хребет — правый берег Гилюя.

Небо очистилось от туч и густо усеялось звездами. Луны не было. По очертанию гор я видел, что осталось идти километра полтора. Вскоре я услышал свист и ответил выстрелом. Затем две ракеты осветили котловину. Я еще раз выстрелил. Теперь ребята знали, что я близко, и можно было передохнуть. Пальма тоже устала. В некоторых местах она полностью уходила в снег.

Я пришел домой в третьем часу ночи.

2 апреля.

Дни потянулись нудные. Утром встаем, завтракаем, потом каждый занимается своим делом. Иногда пилим дрова, иногда кто-нибудь идет на охоту или просто сидит и читаем. После ужина слушаем радио.

Недели через две Борис собирается «сбежать» на базу и позвонить в Днепропетровск. Хочет узнать, как Юлдуз защитила диплом. Если назначение ей дали на Колыму, он заранее предупредит начальника, что будет брать расчет, и закинет словечко о нас с Толиком. Мы тоже хотим на Колыму.

В связи с тем, что Борис на какое-то время нас покинет, он решил обучить нас обращаться с рацией. Усиленно занялись «морзянкой». Передавать радиogramмы за две недели мы не научимся, но принимать должны. Борис сообщит нам результаты, а то мы умрем от нетерпения, пока дождемся его самого. До базы почти сто семьдесят километров. Насчет моего поступления в институт не волнуйтесь. Учиться мы с Толиком будем заочно, поступим через год. Конечно, на геологический. Ты, папа, не обижайся, станкостроение мне не нравится.

4 апреля.

Вчера был буранный ветер, особенно на хребтах. Кажется, что идет большой вал воды. Но день был ясный, пригревало солнце. Две трети нашего берега и «двор» от снега очистились. На Гилые он еще лежит слоем сантиметров в десять. Степанак течет. Вода разлилась на огромное пространство. Сегодня снова занимались «морзянкой», потом Толик пошел за рябчиками. Он часто прогуливается. Говорит, что идет за рябчиками, а в действительности просто бродит и щелкает фотоаппаратом. Стрелять во что-то живое ему мучительно, поэтому он в основном стреляет мимо — «перья вниз, мясо кверху». Для отвода глаз вроде целится (бульон из рябчиков он ест с удовольствием).

12 апреля.

Начали строить баню. За один день свалили лес, распилили и натаскали бревен, заложили сруб. Когда мы строили дом, эту же работу сделали за неделю. Мы все-таки молодцы.

Погода непонятная — то тепло, то холодно. Снега уже осталось мало, только на северных склонах гор и в низинах.

На Гилые снег не сошел. Самое открытое место, а на льду показались лишь отдельные проталины. Весна что-то запаздывает. А может, здесь она ежегодно такая? Обычно, когда тают снега, в Москве по улицам бегут ручьи. У нас же ничего подобного — снег тает, ручьев нет, разве что Степанак течет, но это речка, не московский ручеек.

Что творится в окрестностях вокруг нас, не знаем. На охоту и на прогулки не ходили всю эту неделю. Занимались «морзянкой» и строили баню. Она уже готова, оста-

лись кое-какие мелочи. По размерам баня уступает дому незначительно, но построили мы ее в три раза быстрее. Завтра-послезавтра возьмемся за ледник. Его мы сделаем дней за пять, и тогда Борис сможет уйти на базу. Премудрости рации постепенно раскрываются. Борис безбожно придирается и по десять раз объясняет то, что понятно с первых слов. Принимать радиogramмы я научился, но звуки точек и тире разбираю с трудом. Передать могу две-три фразы, но медленно и примитивные: «Просим врача. Все хорошо. Вас слышу». Еще позывные и «Понято». Толик принимает лучше, звуки различает безошибочно, но работать ключом не умеет совсем — не его стихия. Писк «морзянки» напоминает голоса птиц, родное, а ключ — техника, чуждый дракон с тысячами и одним неизвестным.

19 апреля.

День прошел тоскливо. Читали и жгли клещей. Они появились недавно, теперь их полно. Энцефалита в этом районе нет, но приятного от них мало. Скоро проведем дезинфекцию территории — пойдут в ход дымовые шашки и шестьдесят килограммов дуста.

«Сдали в производство» ледник — обшитую досками яму, глубиной в два с половиной метра.

26555
Делать нечего. Мечтаем о нашей «стране пяти солнц». Какая она? Борис говорит, что гористая, затаежена, богата красками. А я почему-то представляю ее ровной, как стол, безлесой и бледно-бледно-желтой, такого цвета, какой ее рисуют на картах. Все желтое: травы, кустарники, даже пыль. Это летом. А зимой — необозримое белое безмолвие. По нему где-то далеко-далеко движется черная точка. Она приближается и все увеличивается. Вот она уже совсем близко, и теперь ясно видно, что это мчится собачья упряжка. Собаки ныряют в снег, выскакивают из него и с визгом на ходу отряхиваются.

Я знаю, что там много поселков, приисков, есть города, но представить их не могу. В воображении Толика тоже всего этого нет. Колыма ему кажется птичьим базаром. В какой-то книжке он вычитал, что устье реки Колымы — единственное место на земном шаре, где гнездятся розовые чайки — мечта всей жизни Нансена. Он увидел розовую чайку незадолго до смерти во время своей последней зимовки в Арктике.

МАГАДАШ
ГОРОДСКАЯ

БИБЛИОТЕКА 17

Подстрелил ее и пустился в пляс. Команда корабля испугалась, все подумали, что Нансен сошел с ума.

Розовая чайка... Говорят, есть чайки, черные, как вороны. Они почти вымерли и тоже встречаются только возле устья Колымы. Размах крыльев у них больше метра.

26 апреля.

Боря ушел сегодня в пять утра. Вчера весь вечер прошел в сборах и наставлениях: не сделать пожара, не спустать на воду резиновую лодку, пока лед полностью не сойдет, не ходить далеко на охоту, не стрелять сохатых (мы видели здесь трех самок и здорового быка, охота на них запрещена) и, конечно, не кукситься. Я взял под козырек — «будь сделано». Толик в знак солидарности взволнованно протер свой единственный «дополнительный глаз» (я уже писал, второй он разбил).

Прощались обыкновенно:

— Ни пуха, ни пера!

— К черту!

Я еще крикнул вдогонку:

— Привет базел!

Борис, наверное, не расслышал: в этот момент его спина с рюкзаком и берданкой скрылась за деревьями.

Толик передал с Борисом письмо в Иркутск, родителям. Я писать раздумал: в одном письме всего не расскажешь. Ждите эту летопись.

Наконец, выдалась отличная погода. Ветра нет. Небо ясное, голубое до синевы. Солнце печет нещадно. Чтобы не думать о Борисе и других грустных вещах, посвятили сегодняшний день мачте. Сначала хотели ее сделать такой, как везде, уже даже вырубили и принесли соответствующую лесину, но потом пришла идея «выкинуть штуку».

Около нашего дома стоит толстая полусухая лиственница высотой метров сорок. Только правый берег Гилюя да та сопка, что на кривуне, выше нее. Я еще неделю назад пытался залезть на это дерево, но не смог — первый сук от земли в десяти метрах. На этот раз мы взяли лестницу от лабаза. Она маленькая, но все-таки сук стал ближе. В итоге получилась довольно сносная, к тому же небывалая мачта-дерево. Я слегка поцарапался, зато флаг нашей партии будет на должной высоте.

29 апреля.

Проснулись сегодня почему-то очень рано, на зорьке. Побродили по тайге. Везде еще грязь, ходить трудно. Вернулись домой, напились чаю и до обеда занимались науками: читали физику и химию.

Во второй половине дня решили закончить те мелочи, которые оставалось сделать в бане. Она у нас по-черному, как здесь (в Сибири и на Дальнем Востоке) распространена. Стали конопатить мхом стены. Мха было мало. Толик пошел накопать нового, но тут же влетел в баню как ошпаренный — медведь! Действительно, на той стороне Гилюя, прямо против нас, не спеша шел медведь. Недолго размышляя, мы побежали в дом. Я схватил ружье, а Толик бросился за биноклем и фотоаппаратом.

Когда мы выскочили из дома, медведь, приподнявшись на задних лапах, стоял на том берегу и смотрел в нашу сторону. Я прицелился и выстрелил. Было бы удивительно, если бы я попал. Услышав выстрел, он торопливо повернулся и полез вверх по крутому склону. Толик попеременно то смотрел в бинокль, то «щелкал».

Вот какие случаи у нас иногда проскальзывают. Это, конечно, пустяк. В прошлом году мы с Борисом чуть с тигром не поцеловались. Вышли в маршрут, идем и — привет! — прямо навстречу оскаленная пасть. Мы остолбенели. До тигра метров пятнадцать, а у нас только ракетница и малопулька, и ту я закинул за плечи. Пока снимешь, тигр от тебя мокрое место осгавит. Хорошо, что Борис не растерялся. Полосатый тоже нас не ожидал и несколько «смутился». Остановился и смотрит. Пока он раздумывал, Борис успел выхватить ракетницу и выстрелить. Наверное, выжиг тигру глаза. Словом, обошлось без кровопролития. Мы потом хвастались до конца сезона и зимой не раз вспоминали. Врали изо всех сил, будто голыми руками разложили тигра на все лопатки.

3 мая.

Как-то вдруг почувствовалось лето. Теплый ветерок, бархатно-мягкое солнце и чистое-чистое небо. Жаль только, что кругом все еще серое, а на Гилюе — бело. Лед превратился в шугу и идет по реке сплошной массой.

Первого слушали из Москвы передачу о параде и демонстрации. Немного взгрустнулось, вспомнил, как давно-давно мы с папой ходили на демонстрацию.

Прилетели первые утки. Мы договорились сделать одну сидьбу на двоих. Я буду сидеть с ружьем, а Толик с фотоаппаратом. Сначала он сфотографирует уток на плаву, потом даст мне сигнал стрелять и будет снимать их в воздухе. Поздно вечером пришла в голову мысль отметить праздник. По-быстрому все приготавили и в двенадцатом часу приступили. Торжество прошло тихо. Если пьере из сушеной картошки, пили крепкий чай с конфетами и вспоминали песни, почему-то больше грустные: «Ряби-нушку», «Раскинулось море широко», «Бродягу» и нашу доморощенную:

Хмурится небо, тяжело стонет тайга.
Дым костра мне уж больше не сладок.
Я не знаю, час тот настанет когда,
Только вижу в мечтах полустанок...

5 мая.

Погода по-прежнему отличная. Утром часа полтора загорали на берегу Гилюя. Шуга на реке почти вся сошла, и я даже пару раз искупался.

По случаю хорошей погоды занялись самым отстающим участком «производства» — домашним хозяйством: постирали белье, рубашки и простыни, вымыли полы, сожгли мусор, накололи недели на две дров.

В 15.00, как условились с Борисом, прослушивали нашу волну. Рация молчит. Наверное, «старшому» сейчас не до нас. На базу он должен был прийти еще три дня назад.

6 мая.

Сегодня произошло самое интересное или, может быть, самое страшное событие за все 73 дня нашего пребывания на Гилюе.

Пятое чувство подняло нас в 4.30 утра. Солнце еще только-только просыпалось. Выходим и — чуть ли не у порога огромные глыбищи льда. Дом со всех сторон окружен водой и беспорядочным скопищем льда. Большие и маленькие, разбитые в осколки и размолотые в густую кашу, они заполнили весь двор, всю долину Гилюя и добрую часть тайги. Вода всего на несколько сантиметров ниже насыпи, на которую поставлена изба, а мы на островке.

Ночью сорвало те пласты осеннего льда, которые, я думал, останутся в воде на все лето. Обезжав наш остро-

вок, мы убедились, что самое страшное позади. Критический момент мы проспали. Вода уже понижалась. Даже хорошо, что мы проснулись часом позже. Мы бы, конечно, начали спасаться и обязательно что-нибудь утопили или покалечились сами.

Река шла необычно высоко. Всегда мы смотрели на нее сверху вниз, а теперь почти поменялись ролями. Заключенная в ледяные берега — две пятнадцатиметровые полосы вдоль настоящих берегов — она двигалась подобно эскалатору.

В полуостров наш островок превратился в полдень. Вода спала метра на два. Гилюй продолжал идти сплошной белой лентой. Чистую воду мы увидели лишь перед заходом солнца.

Наводнение оставило недурное наследство — ледяные горы на грунте. Подход к реке закрыт. Новые берега обрываются вертикально — пятиметровая ледяная стена.

Потерь у нас нет, только испортилась дорога в баню и трудновато подойти к лабазу. Зато стало очень просто ходить за водой. Отойди пять метров от избы, возьми кусок льда, принеси его в дом — и через час вода.

Борис (рация) молчит, так что сообщить миру о стихийном полубедствии пока нет возможности.

13 мая.

Борис не возвращается и не вызывает нас по рации. С нами вообще прекратилась всякая связь. Каждый день пытаемся вызвать базу, но никто не отвечает. Вроде делаем все по правилам. Раньше я получал ответ через одну-две минуты.

Толик предлагает идти на базу и все выяснить. Я согласен, но идти нельзя. Во-первых, дорогу мы почти не знаем. Потом, и это главное, вот-вот начнется заброска партии, а принимать ее мы еще не готовы. Нужно переоборудовать наш дом из жилого в служебный, сделать на улице кухню, натянуть тент для столовой, разбить палатки.

Погода установилась. Грязь высохла. Тает на берегу Гилюя лед, на деревьях набухают почки. Зеленой дымкой тронуло лиственницы. Расцвели первые подснежники. Везде очень красиво. Но любоваться пейзажем некогда. Не ходим даже на охоту. Работаем с семи утра и до десяти вечера.

19 мая.

Бориса и связи нет. Толик опять рвется на базу. Я стараюсь убедить его, а заодно и самого себя, что с Борисом ничего не случилось.

Плохое настроение способствует хорошей работе. Уже установили палатки. Их пять. Около них сделали дорожку. Обложили ее дерном и посыпали белым песком. Напротив натянули брезентовый тент. Под ним сколотили длинный стол и во всю длину стола две скамейки. Для красоты вокруг «столовой» посадили кусты багульника. В конце стола врыли столб, на котором укрепим радиоприемник — нам обещали его дать при заброске партии.

Сегодня заканчивали кухню — каркас из четырех столбов и жердей, обшитых досками. Труднее было с печкой. Если ее сложить из камня, в кухне будет слишком дымно, а наши «буржуйки» чересчур малы. Решили сделать печку из листа железа и обмуровать ее камнем. Сейчас она уже готова, и я, как дежурный, ее испытал. Дрова горели весело, дыма не было, ужин сварился за сорок минут.

Вечером переселились в двухместную палатку. Пальма переселиться не пожелала, спит на своих перинах в доме. Завтра ее придется потревожить. Избу начнем превращать в камералку.

21 мая.

Новостей нет. Рация продолжает молчать.

Ты ушел, и след твой затерялся,
В дебрях таежных скрылась тропа.
У меня лишь посох твой остался
Да зовущая твоя мечта...

Дни сейчас самые майские — погода меняется несколько раз в сутки. Сегодня в полдень прошла гроза с крупным, в воробьиное яйцо, градом — первая в этом году.

Тучи набегают так же быстро, как и уходят. Иногда одновременно светит солнце и идет дождь. Стоишь на берегу Гилюя, обжигаешься солнцем и видишь, как на другом берегу хлещет ливень.

Гилюй обмелел. Посредине обозначилась коричневая полоса — дно. На обрывах расцвела черемуха. До чего же она пышная! Есть черемуха и в Подмоскovie, но разве ее сравнишь с этой? Кусты будто окутаны белым руном,

мягким, как пух. Угрюмые утесы теперь кажутся цветником.

К нам нагрянуло лето. Мне нравится просыпаться на зорьке, когда далеко на востоке появляется чуть заметная розовая полоска. В голубеющем рассвете Гилюй синий. Его осторожно гладит сизый туман. Тихо воркуют перекаты, птицы щебечут, сонно колышется тайга. Громкие лиственницы, как чудо-великаны, хотят вздохнуть, но только приподымут грудь и, не вздохнув, опускают, не осмелясь нарушить тишину. И вдруг — резкий свист, будто кнутом рассекли воздух. Утка пролетела. Первая, разведчица. За ней — вторая. Еще минута тишины, и вот уже несется утиная стая. Потом опять тишина. Недолгая. Скоро по горам скользнут лучи еще невидимого солнца и сразу же где-то в вышине послышится гусиный гомон.

Мир нас окружает замечательный.

23 мая.

Бориса нет почти месяц. Рацию мы больше не включаем. Бесплезно, только расстраиваемся. И партию не забрасывают.

Сегодня ровно три месяца, как мы на Гилюе. Устройство лагеря закончили полностью. Теперь наш дом совсем не похож на жилой. Это скорее рабочий кабинет. Нет никакой посуды, мешочков с продуктами, тряпок, обуви. Везде чистота и порядок.

Вчера заканчивали волейбольную площадку, а сегодня были бухгалтерами. Все подсчитали и подготовили списки для передачи лагеря начальнику партии.

Сделано все. Нет конца только нашему ожиданию.

27 мая.

Этим числом я заканчиваю свою летопись. Наконец наши муки кончились. 25-го начали заброску партии. Прилетел Борис, живой и здоровый. Оказывается, за день до его прихода на базу начальник партии уехал в Хабаровск защищать наш прошлогодний отчет. Боре пришлось ехать следом за ним.

В общем, мы волновались напрасно. Все хорошо, даже лучше, чем мы предполагали. Борису удалось взять отчет всем троим. Юлдуз уже ждет нас в Хабаровске. Борис встречал ее, из-за этого задержался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Разгружают последний вертолет. Минут через тридцать мы улетим на базу, погом поездом — в Хабаровск и дальше самолетом — на Колыму. Я спешу начатую здесь «летопись» здесь и закончить. Еще надо проститься с ребятами и разок взглянуть на Гилую. Покидать этого приятеля все-таки немного жаль.

Собирается гроза — гремит и грохочет кругом. Я сижу на бугорке возле дома. Вид отсюда самый расчудесный: река, горы в зеленом ковре хвои, белая черемуха на обрывах, молнии меж свинцовых туч. Увидим ли такое в «стране пяти солнц»?

Ну все, Борис кричит, нужно бежать. Летопись отправлю вам из Хабаровска. Обратного адреса не даю, он пока неизвестен. Напишу с Колымы.

Теперь все.

До свиданья.

Ваш сын Валерий Каминский.

Я читал Валеркину «летопись», а его мать сидела напротив и кончиком платка вытирала слезы.

Шел сентябрь. Обещанное письмо с Колымы давно должно было прийти. Оно не приходило. Отчаявшись, мать решила ехать разыскивать сына. Кто-то ей сказал, будто я хорошо знаю Колыму и могу ей помочь советом. Тот, кто это сказал, ошибся. Колыму я не знал, она меня только манила.

ПОЛЯРНЫЕ АЛМАЗЫ.— НЕУДАЧНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
САШИ РУБЦОВА.— УВАЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ
ВАВИЛОВА К ВАЛЕ ПОЛЯКОВОЙ.— ПИСЬМО КОСТИ
ПОЛЯКОВА. — ГОРОД ЛЮБОВЬ. — ОПТИМИСТИЧЕ-
СКИЕ РАДИОГРАММЫ.— ХОЧУ УВИДЕТЬ ЗЕМЛЮ,
О КОТОРОЙ МЕЧТАЛ КОСТЯ ПОЛЯКОВ.— САРАТОВ
И НИНА МИРОНОВА.— ПИСЬМО ИЗ МАГАДАНА
И ЗАПИСКА ВАЛИ ПОЛЯКОВОЙ.— КОЛЫБЕЛЬ ХО-
ЛОДА И СОКРОВИЩ

К олыма... Когда я думаю об этой далекой земле, мне часто вспоминается лето 1958 года. С небольшим отрядом геологов я шел вниз по реке Алазее к Восточно-Сибирскому морю. Где-то там, в устье реки, по геологическому прогнозу предполагалась кимберлитовая трубка — коренное месторождение алмазов.

Нас было шестеро: начальник отряда Вавилов, уже немолодой, много походивший по Крайнему Северу таежный волк, его помощник Саша Рубцов, раскудрявый весельчак, когда-то служивший во флоте и не упускающий случая похвастаться своей морской хваткой, пятидесятилетний завхоз отряда Федор Галка, которого все почему-то звали «американцем», молодой шурфовщик Николай Белкин, я, московский журналист, и коллектор Валя Полякова, маленькая, худенькая девушка лет двадцати четырех.

В пути с нами приключилась неприятная история: на алазейских перекатах вдребезги разбился наш кунгас. Снаряжение и продукты удалось спасти, но мы остались без транспорта.

Саша предложил соорудить плот. Предложение было разумным, однако Вавилов отнесся к нему скептически.

— Пустое дело, — озабоченно осматривая побывавшие на дне реки геологические приборы, хмуро сказал он.

Дружно поддержанный остальными участниками похода, Саша настоял на своем. Плот совместными усилиями построили. Но, прежде чем погрузить на него

наше имущество, Вавилов приказал Саше пройтись сотню метров для пробы.

И тут мы убедились в правоте нашего начальника.

Едва Саша вырулил на середину реки, плот начало бешено крутить и швырять от берега к берегу. Нависшие над водой лиственницы грозили столкнуть Сашу в реку. Он еле успевал нагибать голову. Плот был абсолютно неуправляем и летел через перекаты, как быстрая моторка. Мы не могли за ним угнаться.

— К отмели, бей к отмели! — спотыкаясь и падая, кричал Николай.

С остервенением работая веслом, Саша изо всех сил старался причалить к косе, но его старания были напрасны. Плот неизменно уходил в противоположную сторону. Впереди забелел бурун. В белой пене чернела громадная коряга. С разгону налетев на нее, плот встал на дыбы, перевернулся и поплыл дальше, оставив Сашу в водовороте.

Наш brave моряк вышел из воды измотанный и жалкий, с улыбкой провинившегося школьника. В душе мы ему сочувствовали, но вслух сочувствия не высказывали, боялись разозлить Вавилова.

Против ожидания грозный начальник вел себя мирно.

— Побаловался — и довольно, — спокойно сказал он и к всеобщему удивлению и радости расхохотался: — Есть же дуралеи такие! Эта речка черту рога ломает, собаке под хвост твой плот годится.

Саша благодарно промолчал, и его престиж в отряде был восстановлен.

Положение создалось незавидное. На кунгасе мы везли почти тонну груза: рацию, поисковые приборы, кайла, лопаты, лотки для промывки шлихов, постели, продовольствие, — словом, всё, без чего не обойдешься ни в одном геологическом походе. Теперь содержимое кунгаса беспорядочной грудой лежало на берегу. Нужно было решить, что делать: то ли захватить самое необходимое и добираться до устья Алазеи пешком, то ли построить лабаз, спрятать груз и возвращаться на базу.

Перспектива возвращения нравилась меньше всего. И не только потому, что оно было бы бесславленным. Я заметил, что Вавилов тоже не хотел этого — из-за Вали.

— Павел Денисович, там же зимой стоянку делали, все заготовили, мы не пропадем, — чуть ли не со слезами

просила она, и Вавилов не обрывал, не хмурился, как в разговорах с другими. Отвечал уважительно:

— Погоди немножко, с базой надо связаться, может, вертолет пришлют.

База ответила: «Вертолетов ближайшие недели нет. Целях экономии времени советуем плыть Алазее плоту».

Молча перечитав радиogramму, Вавилов сунул ее завхозу.

— Что думаешь, Захарыч?

— Мне не впервой, я пойду, — расчесывая пятерней пышную черную бороду, с неприступной важностью изрек «американец».

— Федор Захарыч! — бросилась ему на шею Валя.

Первые дни погода, как выразился Саша, «держалась сознательно». Небо было синее, ясное, солнце — неравнодушное и нежаркое. Но благодатное время скоро кончилось. До устья Алазеи оставалось километров двести — двести пятьдесят, когда подул северный ветер и обрушились проливные дожди. Вес рюкзаков увеличился вдвое. Мы едва волочили ноги. Труднее всех приходилось Вале. Ее доброе, улыбочное лицо осунулось, широко открытые, совсем еще детские глаза воспалились.

Вавилов долго приглядывался к ней, потом, когда мы, прыгая по кочкам, форсировали очередную марь, остановил, по-отечески строго сказал:

— Будет, девонька, развязывай лямки!

Он потянулся за ее рюкзаком, но Валя испуганно отскочила.

— Не надо, я не устала!

Помощи она не принимала. Упрямо сдвинув брови, шла, ни на шаг не отставая от нас. А вечерами, на привалах, вместе со всеми разбивала палатку, собирала сучья для костра, готовила ужин. Саша подшучивал:

— Знаешь, я, между прочим, парень холостой, особо не старайся, а то влюблюсь — и баста.

— Так прямо и влюбитесь? — проворно хозяйничая у костра, с простодушной лукавинкой улыбалась она.

— А что, сердечный агрегат у меня в порядке.

Такой разговор повторялся каждый вечер. Обычно его обрывал Вавилов:

— Хватит болтать, спать пора!

Изнуренные дневным переходом, мы залезали в спальные мешки, и через минуту палатка наполнялась мощ-

ным храпом. А Валя, уронив на колени заглубившие руки, подолгу сидела у затухающего костра. Иногда она вынимала из нагрудного кармана телогрейки два пожелтевших обрывка топографической карты, исписанных на обороте размашистым, торопливым почерком. Часами, то с ласковой улыбкой, то с тихой грустью всматривалась она в написанное и, случалось, с ее ресниц срывались слезы.

Что она читала, я не знал. О ней мы вообще знали мало. Только что на Север она приехала из Симферополя, после четвертого курса педагогического института пошла на курсы коллекторов полевых геологических партий. Может быть, начальник отряда и завхоз знали больше, но нам они ничего не рассказывали. А расспрашивать мы не решались. В тайге спрашивать человека о том, чего он не считает нужным сказать сам, не принято. Но придерживаться обычаев тайги мне было трудно, мучило журналистское любопытство. И я спросил Валью, что она так часто перечитывает.

— Письмо,— просто сказала она.

— Интересное?

— Нет...— Она смутилась.— Это муж писал.

— Разве вы замужем?— удивился я.

— Да, он...— Она вертела в руках письмо и растерянно улыбалась.— Если хотите... Можете прочитать...

Я взял робко протянутое письмо.

«Валюша, солнышко, опять мы не сможем увидеться и, думаю, долго. Никак не выберусь в отпуск. Трубка подводит. В Якутии их открыто порядочно, а моей все нет. Я даже начинаю волноваться, как бы поиски алмазов не закончились раньше, чем я ее открою. Она обязательно будет богата и щедра на алмазы, как любовь на ласку. Я и назову ее «Любовь». Хочу, чтобы каждый, кто прочитает это слово на карте, вспомнил свою любимую.

Смеюсь, конечно. Веселое настроение что-то нашло. И грустно. Ты даже не представляешь, сколько отсюда до Симферополя. Нашим собачонкам бежать да бежать. Мы на них гоняем иногда по тысяче километров, а в прошлую зиму махнули, наверное, все две. Забавный был у меня компаньон. Мы его прозвали «американцем». Прижимистый, все у него по расчету, но добрый. Жаль только, что наша поездка пока ничего не дала. Ползими готовили стоянку для отряда, а потом нас послали совсем

в другой район. Знал бы, не рвался бы зимой в тундру. Кругом будто замерший белый океан: ни дерева, ни домика, только наша палатка, мы да собаки. Прожоры они страшные. Брали в дорогу четыре мешка юколы — всю слопали, еще и половину нашего пайка съели. Не жалко, пусть лопают. Скоро им на пенсию уходить. На электричках в тундру будем ездить. Кимберлитовая трубка в устье Алазеи или где-нибудь поблизости все равно есть. И город будет. Сама увидишь, как по моему маршруту электропоезда побегут. Представь себе: вверху гудят провода, мимо проносятся станции, полустанки, жизнь кругом, а в вагонах пассажиры сидят и спрашивают друг друга:

— Вам куда?

— В город Любовь.

Хорошо, правда? Даже моему «американцу» понравилось.

Я тут с идеей ношусь, доказываю, что поиски алмазов ниже Полярного круга пора кончать. Открытых в предполярной тайге кимберлитовых трубок хватит разрабатывать лет на сто, а то и на двести. Теперь надо перебираться ближе к побережью Ледовитого океана, в тундру. Особенно меня привлекает тундровый район Колымы. Фактически ведь он до сих пор не изучен. Богатства там должны быть большие, может, не одни алмазы. Зря меня не пускают дальше Якутии. Территория другого геологического управления.

Сейчас всё зависит от трубки. Будет она, значит идею поддержат. Неужели и на будущее лето не найду? Ты как считаешь? Завтра я снова выезжаю к устью Алазеи, надо подремонтировать прошлогоднюю стоянку, за год там уже все разрушилось. Ты не волнуйся, я буду жив и здоров. Береги себя, будь умницей, не скучай.

В Симферополе теперь, наверное, дожди идут?

Ну, ладно. Целую.

Твой Костя».

О геологе Косте Полякове мне уже рассказывали. Он дал прогноз алазейских кимберлитов, теоретически доказал, что они там должны быть непременно, но открыть их ему так и не удалось.

В ту зиму, когда он вторично пошел в тундру готовить стоянку для отряда, два месяца не утихала

свирепая полярная пурга. Но время не ждало. Нужно было до распутицы завезти в тундру все необходимое для нормальной жизни и работы геологов в летние месяцы.

Костя решил идти, не ожидая затишья. Его спутниками и проводниками были бывалые северяне каюры якут Егор Булунов и эвен Алексей Нечетов.

Поход продолжался весь январь и половину февраля. На базу все время доставляли радиogramмы.

«Привет всем, кто нас слышит. Собачонки сильнее пурги. Сегодня махнули километров сорок. Ветер удивляется, мороз нокаутирован».

«Небольшая заминка. Прошли километров пять. Все живы. Ветер бахвалится замести. Не выйдет. Привет товарищам. Напишите домой».

«Проскочили километров тридцать, повторяю, тридцать. Все нормально».

«Одолели километра два. Глубина снега три метра. Собачонки тонут, но тянут. Привет товарищам».

«Временный привал. Пали две собачонки. Пурга тянет ноту «ре». Наскучила. Пытаемся поймать Москву. Слышим «Амурские волны». Мечтаем городе Любовь. Сообщите жене моем здравье».

«Прошли километра полтора. Пали еще три, повторяю, три собачонки. Снаряжение, продовольствие сохранности. Предположению пятнадцать дней будем устье Алазеи. Все здоровы. Летом закурим трубку Любовь, табак будет отличным. Поддержите жену».

На этой радиogramме связь прервалась. Сколько ни посылали в эфир позывных, ответа не было. Что случилось с людьми, на базе не знали. Плотная снежная мгла и сильный ветер не давали организовать поиски. Пробовали выслать в тундру два вертолета, но оба вернулись, не сумев пробиться сквозь снежный заслон.

Ничего отрадного не принесла и весна. Под крылом самолета плыли бескрайняя рыжая марь, островки кар-

ликовых берез да редкие, петляющие меж каменных сопок ручьи. И никаких признаков человека.

Пилоты возвращались на базу угрюмые и злые. Спустившийся к низовьям Алазеи глиссер пришел назад, изуродованный бесчисленными перекатами, без винта и каких-либо результатов.

Стало ясно, что люди погибли. Очевидно, их замело где-нибудь на топкой мари, которая с наступлением распутицы скрыла все следы.

Я думал о Косте Полякове. В воображении вставал высокий, сухощавый человек, почему-то с воспаленными глазами.

Шумели над головой поджарые лиственницы, урчала рядом Алазея. Валя сидела у затухающего костра и молча смотрела в темноту...

С тех пор прошло больше двух лет, а я все не могу забыть этот поход. Тогда я хотел пробыть с отрядом Вавилова весь летний сезон, а затем непременно походить по Колыме, увидеть ту землю, в которой Костя Поляков мечтал открыть «не одни алмазы». К сожалению, замысел мой не удался.

Обстоятельства сложились так, что мне срочно пришлось добираться до ближайшего полярного аэропорта и лететь в Москву, а оттуда — в Саратов. Я сказал здесь о Саратове потому, что, как ни странно, там меня тоже ждала Колыма.

Дни на Волге стояли пыльные и жаркие. К вечеру жара спадала, но в гостиничном номере становилось невыносимо душно. Я бросал все свои дела и до полуночи слонялся по улицам.

Однажды меня обогнала высокая девушка в легком бордовом платье, с пушистыми каштановыми кудрями. Я мельком заметил, что она чем-то удручена. В руке ее был платочек. Она кусала его, сдерживая рыдания.

— Что с вами? — невольно вырвалось у меня.

Девушка подняла на меня полные слез глаза. Не знаю, что ее подкупило во мне, но мы разговорились и познакомились. Звали ее Ниной Мироновой.

— Я сама во всем виновата, — грустно сказала она. — У нас распределение было в институте, а мы поругались!

На зло ему попросила направить меня в Магадан. Теперь надо ехать...

— Помирились?

— Как будто.

— И он не пускает?

Она вздохнула.

— Самой не хочется. Не думала, что серьезно получится. Это же Колыма...

Навстречу нам с песнями шли пестрые ватаги студентов. Наверное, они сдали последние экзамены и праздновали начало каникул.

Нина им завидовала.

— Счастливые! — провозжая их долгим взглядом, тихо сказала она. — Я ходила сегодня по институту и гладила стены. Смешно, да?

Ее усталое, покрытое мелкими веснушками лицо вдруг стало строгим.

— Вы не думайте, я не маменькина дочка. — Хотела доказывать и... расплакалась. — Как вспомню про Магадан, так и реву. Одна-одинешенька буду! Он же не поедет, только говорит, что любит меня... Это я сумасшедшая... Вы понимаете, я не могу отказаться, меня уже оформили, билет на самолет купила. Помогите мне, вы же корреспондент!

Я, как умел, успокаивал ее, рассказывал о Косте Полякове, о Валюше и отряде Вавилова. Но мои слова ее не утешали.

Мне было трудно понять, чего она боялась: то ли неизвестной Колымы, то ли разлуки. Помочь ей, конечно, я ничем не мог.

Но расстались мы друзьями. Из Магадана Нина прислала мне письмо:

«...Страшно глянуть на карту. А отпуск здесь дают сразу за три года. В Саратове меня забудут. Я всем им пишу письма и ни от кого не получила ответа. Пришло письмо только от мамы. Хоть вы напишите быстрее. Сейчас тут жуткие морозы и туман. Я нигде не бываю, даже в кино не хожу. И читать не могу. Свою архитектуру уже ненавижу. Я знаю, вы могли мне помочь, но не захотели. Я на вас не обижаюсь. Видно, судьба у меня такая...»

Почти одновременно пришла коротенькая записка от Вали Поляковой:

«Вы просили сообщить, чем закончатся наши поиски. Порадовать пока нечем. Поход к устью Алазеи не дал ничего определенного. На будущее лето Вавилов решил продолжать поиски еще западнее Колымы, на реке Хроме. Я не теряю надежды, товарищи тоже верят в прогноз Кости, но он мог и ошибиться. Хотя не хочется думать об этом. Может, мы напрасно удаляемся от Колымы? Рано или поздно я все-таки поеду туда жить и работать. Костя много писал мне о ней. Он никогда не видел ее, но очень любил».

Колыма...

«Я живу в каменном веке. Эта страна похожа больше на бред полубезумного фантаста, чем на реальный кусок нашей старушки планеты. Черный голый камень на сотни миль устилает склоны хребтов, варварские названия которых я не в состоянии запомнить.

На такие же сотни миль идет равнина, усыпанная кочками, как злокачественными прыщами кожа больного. Травы имеют единственный цвет: грязно-бурый, единственный запах — запах болота и гнили.

Ужасен вид местных аборигенов. Задавленные природой, они не умеют смеяться, ни даже хорошенько обмануть. Я уверен, что бог, создав эту землю в припадке мрачной ипохондрии, забыл о ней и сам дьявол стал ее хозяином. Чем же иначе, как не дьявольской шуткой, можно объяснить, что именно в этих ужасных краях мы достаем белоснежные шкурки, украшающие плечи наших дам, и что именно здесь, может быть, прячется золотой телец, голова которого у нас на Юконе».

Человек, написавший эти строчки, был из Сан-Франциско.

До революции он скупал на Колыме пушнину. Впервые я услышал его записки еще мальчишкой.

На одном из уроков географии нам прочитал их наш старенький мечтатель Григорий Артемьевич Ковалев. Я помню, сколько негодования тогда было в его глазах. Он горячо доказывал, что Колыма вовсе не такая, какой изобразил ее чужестранец. Но какая она в действительности, Григорий Артемьевич не знал. Он всю жизнь мечтал побывать где-нибудь у берегов Охотского или Берингова моря, но мечта его так и не сбылась. Однако это не мешало ему рисовать в нашем воображении чудесную страну мужества и романтики, где все манит таинствен-

ностью, где каждого ждут великие открытия и великие подвиги.

И не было среди нас такого, кто бы не мечтал увидеть эту необыкновенную, суровую землю. Мы все ее любили заочно, как хорошую сказку.

Страна пяти солнц, колыбель холода и сокровищ...

Она меня преследовала.

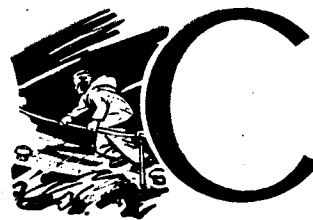
Я не только хотел, я не мог ее не увидеть.

Она была моей мечтой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СРЕДСТВО ПРОТИВ МОРСКОЙ БОЛЕЗНИ.— НЕПРЕДВИДЕННАЯ ОСТАНОВКА В ХАБАРОВСКЕ.— МНЕ ПРИКАЗЫВАЮТ ПРИКРЫТЬ ТРЕТИЙ ГЛАЗ.— ВИРТУОЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ ЮРКИ БУШУЕВА.— ЛЕКЦИИ КАПИТАНА КОСНЫРЕВА.— ПРОЩАЮСЬ И СНОВА ВСТРЕЧАЮСЬ С НОВЫМ ПРИЯТЕЛЕМ.— ГЕРОИЧЕСКАЯ ВАХТА.— ОСТРОВ НЕДОРАЗУМЕНА.— Я НЕ ЧУВСТВУЮ РАССТОЯНИЯ

Сентябрьское Охотское море встретило пенными беляками. Похожие на громадные клочки второсортной ваты, они устилали море от горизонта до горизонта. Гулко ударяясь о борт, беляки разбивались, захлестывали палубу серой накипью. С каждой пройденной милей удары усиливались. Море гремело грозно и ожесточенно. В каюте невозможно было ни сидеть, ни лежать.

Кроме вахтенных матросов, на палубе и в коридорах никого нет. В обычно шумных салонах первого и второго класса ни единой живой души. Пустуют даже столики в ресторане.

Столпотворение лишь у буфетной стойки. На кокетливую, будто совсем не чувствующую шторма буфетчицу смотрят десятки страдальческих глаз: быстрее! Все жаждут одного — селедки, которая хоть как-то спасает от проклятой морской болезни.

К ночи второго дня шторм достиг двенадцати баллов. Что это такое, трудно вообразить.

Я бывал на многих морях, но такого свирепствования стихии не видел нигде. Гибель судна казалась неминуемой. Были минуты, когда гребень волны вздымался выше флагштока.

На Охотское море я попал случайно. Сначала я собирался лететь в Магадан самолетом, но в Хабаровске воздушная дорога на Колыму неожиданно прервалась. В аэропорту сообщили, что на трассе туманы, обложная облачность и грозы.

Первый самолет на Магадан должен был идти числа тринадцатого, через пять дней. Срок — ориентировочный, названное число — чертова дюжина. К тому же исходило все это от синоптиков, которые, как известно, во вчерашней погоде разбираются куда лучше, чем в завтрашней.

Более энергичные ломались к забаррикадированному за прочным столом начальнику аэровокзала, но тот только разводил руками:

— Прогноз есть прогноз. Может, улетите тринадцатого, а может, и не улетите.

Короче говоря, хваленая авиация вынуждала сидеть и ждать у моря погоды. Так не лучше ли попытаться счастья на самом море? От Хабаровска до Магадана есть два водных пути. Ехать поездом до Находки и там садиться на морской экспресс Находка — Магадан или пройти речным пароходом до Николаевска-на-Амуре и сделать пересадку на морское судно в Николаевске. Второй путь длиннее, но встречавший меня в Хабаровске мой друг Аркадий Макеев советовал плыть непременно Амуром. Из Хабаровска в тот день отходил в Николаевск пароход «Семен Дежнев», и это было самым веским аргументом.

— Подумай только, пойдешь на Колыму с самим Дежневым, ее первооткрывателем!

К тому же Аркадий обещал «потрясающе изумительную» красоту Амура.

Надо отдать ему должное — красота Амура действительно покоряет.

Я вырос на Днепре, плавал по Дунаю и Волге, видел Иртыш, Обь, Енисей, Ангару, прошел вдоль всей Лены. Могучие, величественные реки, но ни одну из них я не сравню с Амуром — сытым, важным, горделиво раздольным. Берега то в крутых, похожих на окаменевшие зеленые волны сопках, то, насколько хватает глаз, — в заливных лугах. Прибрежная тайга с палубы парохода кажется шелковой. Она в звонкой тишине.

Иногда через сопки точно бревно проволоки — это дороги к таежным поселкам. Что они где-то есть, не верится. Ширь тайги чудится бесконечной, нетронутой.

Как грандиозен лик восточных окраин нашей Родины, так грандиозна эта река. Площадь ее бассейна больше,

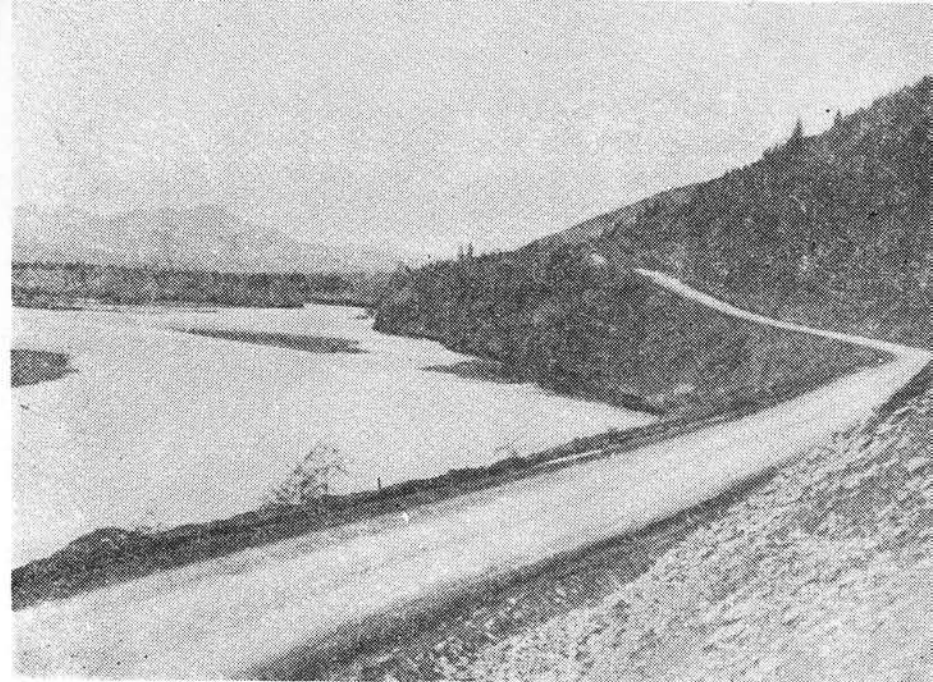
*Спит земля, тысячелетия в свой сон вобрав,
Спит земля... Человека ждет.*

СТРАНА ПЯТИ СОЛНЦ

Человек идет. И на его пути рождаются...

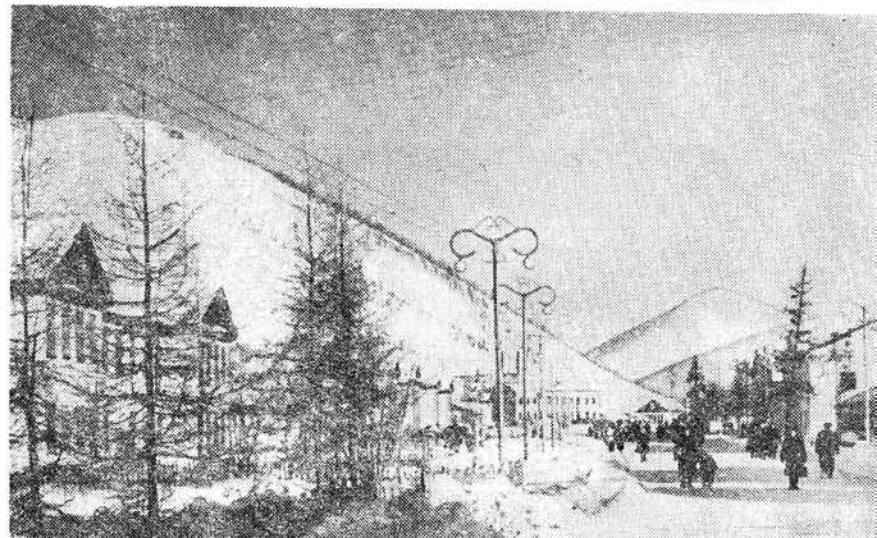
палатки...

дорога...

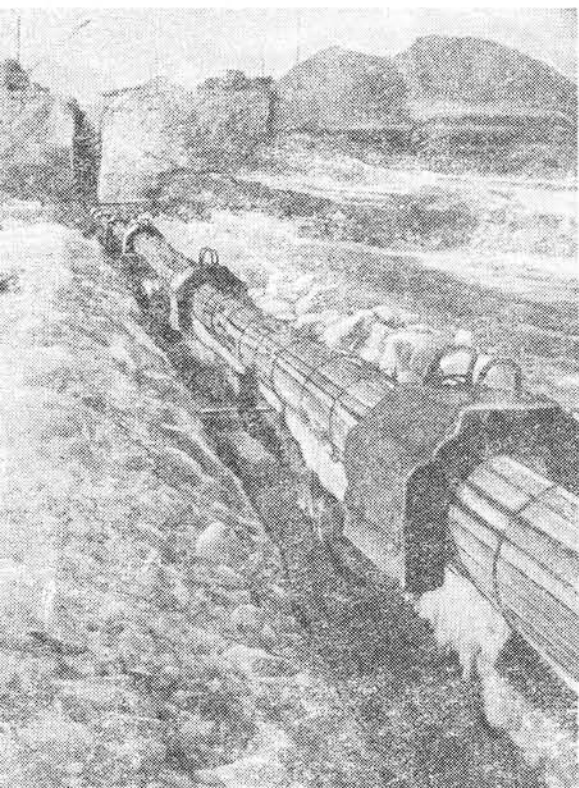

поселок...

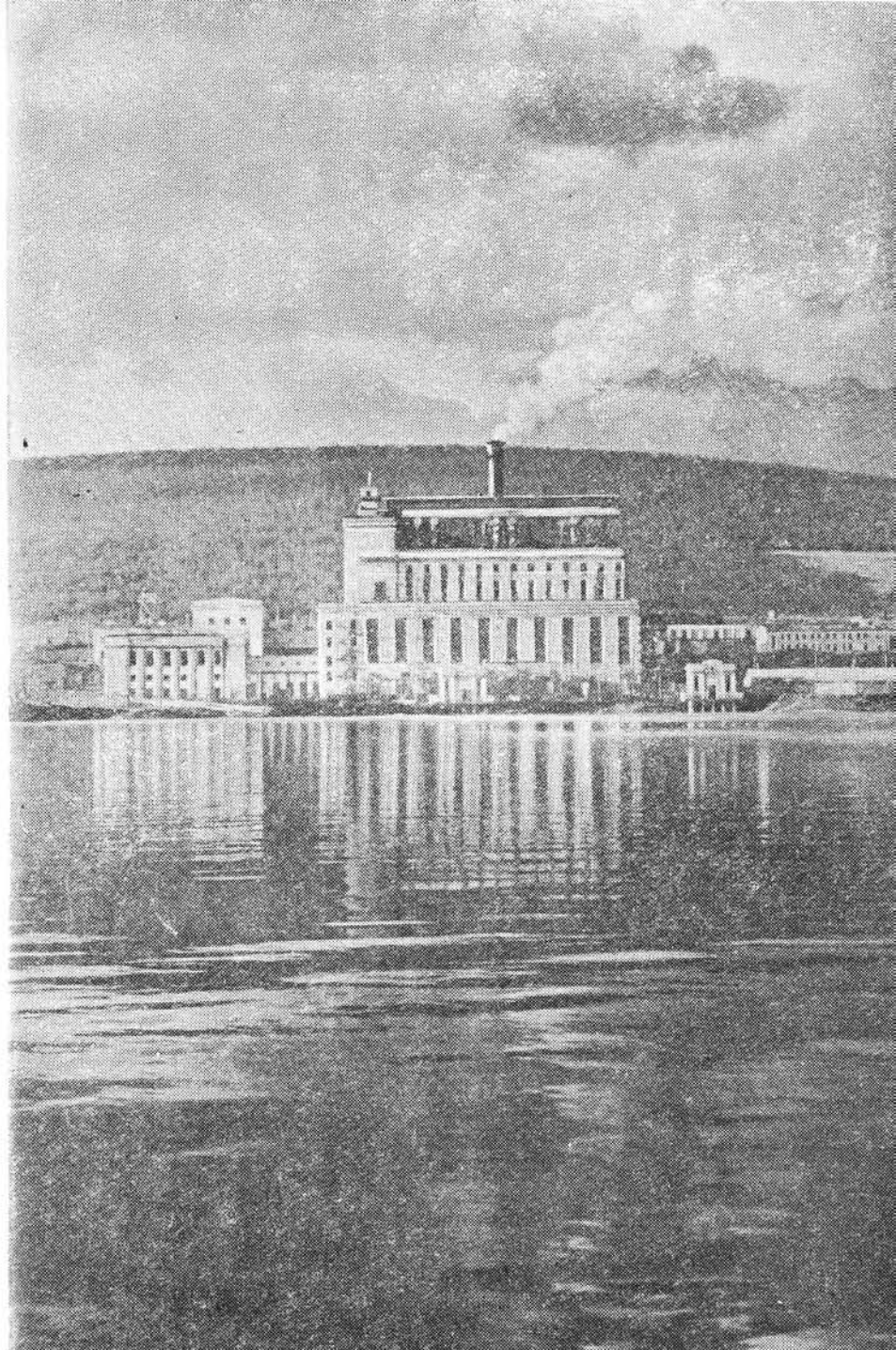

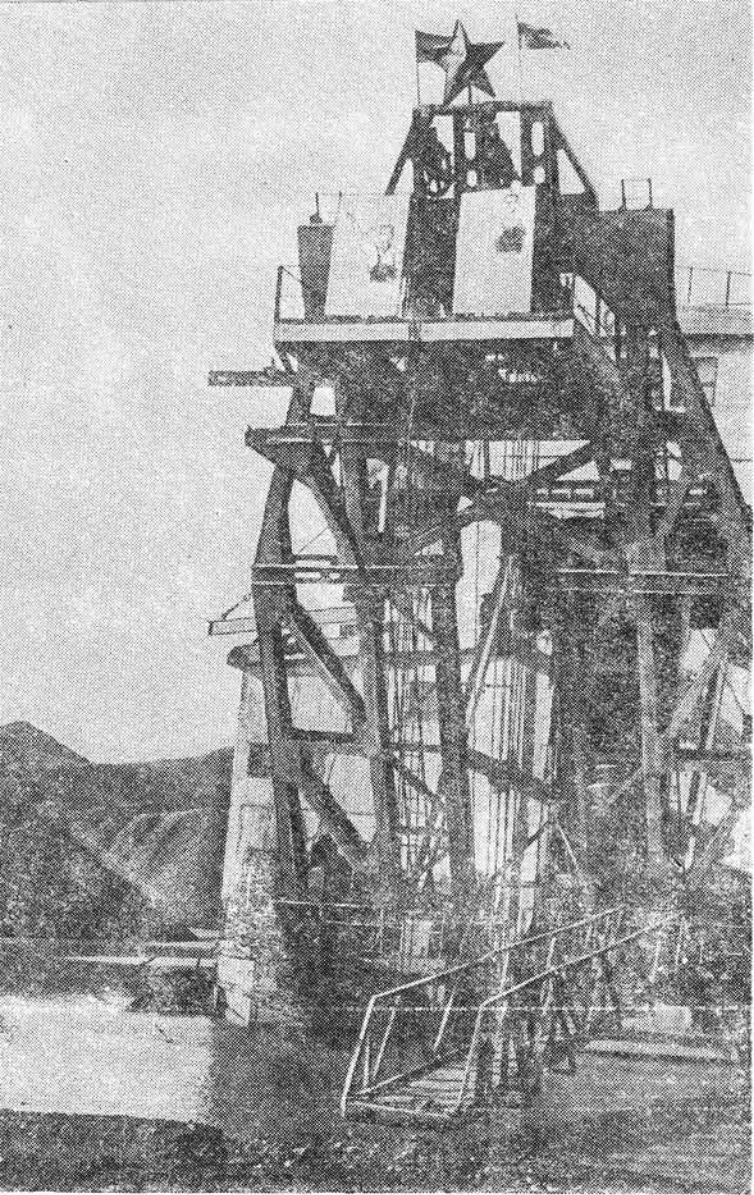
город...

водопровод...

электростанция. →

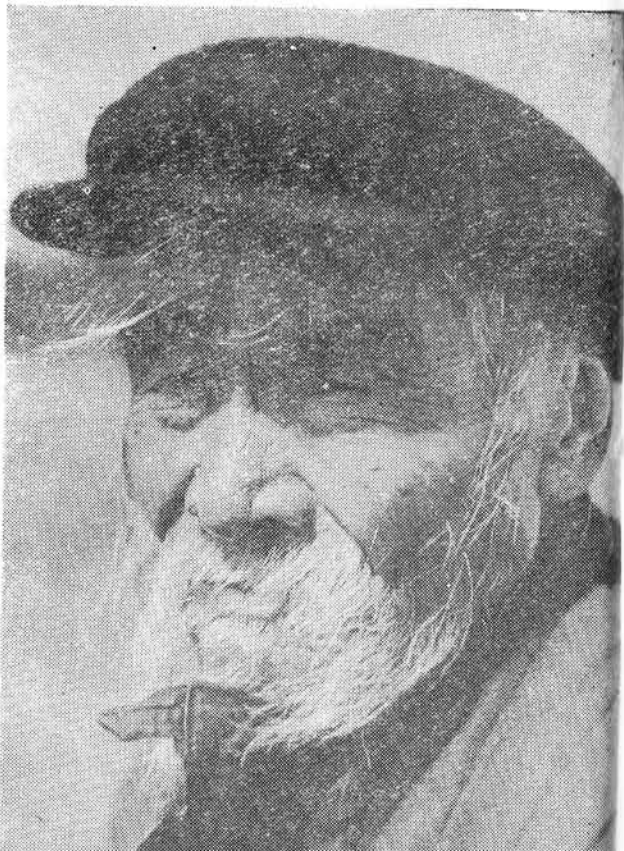
Следом шагает

техники мощь...

и крыльев могучая сила.

*Дмитрий Иванович Се-
лицев прожил на Ко-
лыме сто лет. Он видел
все: начало этого края
и его расцвет.*

чем Охотское море, а длина вместе с притоками равна двум расстояниям от Москвы до Владивостока. И двадцать тысяч километров судоходны! А русский царь Николай I когда-то сказал: «Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить».

...Режет грудью тугую волну белокрылый «Семен Дежнев». И не проходит часа, чтобы кто-нибудь его не приветствовал то приспущенным флагом, то короткими гудками.

Идут навстречу китайские, японские, английские, аргентинские суда. Это Амур торговый. Тянут тяжелые караваны барж наши буксиры. Это Амур — строитель, Амур транспортный, самая большая дорога Дальнего Востока.

Чем ближе к морю, тем река просторней, шелк прибрежной тайги ровней. Изредка к воде жмутся рубленые рыбацьи домики — два, три, реже — пять. Возле каждого на высоких шестах натянута сеть, стоят длинные, как пироги, лодки.

Издали кажется, будто моторизованный двадцатый век еще не коснулся этих берегов.

Я ходил по палубе и с упоением щелкал фотоаппаратом.

Вдруг:

— Эй ты, друг, а ну прикрой третий глаз!

Оглянулся — никого. Опять щелкаю и опять слышу:

— Кому сказал, прикрой третий глаз!

На сей раз таинственная личность объявилась. Из окна салона первого класса выпрыгнул паренек лет семнадцати. Сбитое на затылок кепи, лихая шевелюра, матросский тельник во всю распахнутую грудь, на рукаве — красная повязка, в руках — швабра. Смотрит сердито.

— Ты почему не подчиняешься?

Хотелось улыбнуться, но я тоже нахмурился.

— А ты кто такой, чтобы я тебе подчинялся?

— Не видишь — дежурный матрос!

— Ну, а я корреспондент, фотографировать мне разрешается.

— Это еще неизвестно, кто ты такой. Может, ты Пауэрс!

Ничего не поделаешь — начальство!

Пришлось предъявить удостоверение.

Гнев сразу сменился на милость:

— Здорово у нас, правда? А в тайге бархатное дерево растет. И красное попадает, только редко. Ягоды пропасть, больше всего голубики. Я видел поляну километр в ширину и два километра в длину, вся голубая, ягоду горстями бери. Мы с Васькой дикий виноград собирали и лимонник для аптеки, за него платят много.

За пять минут он успел рассказать и про тайгу, и про своего друга Ваську Сенотрусова, которого выгнали из седьмого класса и он не попросил прощения у директора, а пошел в ремесленное учиться на слесаря, но слесарем не работал, потому что в матросы захотелось. Потом без всякой связи заключил:

— А золото скоро обесценится.

— Почему? — поразился я.

— Это я книжку одну читал, там пишут, что янтарь когда-то был дороже алмаза, а сейчас химическое сырье. Некоторые липнут к деньгам, а у меня есть — все спущу. Капитан спрашивает, куда зарплату деваю. Будто ее некуда деть? Нашему капитану только до революции капиталом быть.

Логика его мышления была поистине виртуозна.

— Я в вечерней школе учусь. Закончу десятилетку, а потом — в мореходку. Только не очень хочется. Я в педагогический пошел бы по истории, самое милое дело. Вот и Амур нравится, а чего-то не хватает. Уехать бы куда-нибудь подальше, в Сибирь или еще куда, чтоб посмотреть.

И только когда с мостика крикнули: «Бушуев, к капитану!» — второпях спросил:

— А вы куда, в Николаевск?

— Нет, в Магадан.

— Ого, далеко! Ну, я побежал, наверное, ругать будет. Я еще в салоне не убрал.

Его как ветром сдуло. Через минуту примчался снова, запыхавшись, сообщил:

— Не ругал, пленку сказал включить, слушайте!

И исчез.

Из палубного репродуктора послышался хрипловатый баритон:

— Товарищи пассажиры, наш пароход приближается к пункту своего назначения — городу Николаевску-на-Амуре. Предлагаем вам краткий рассказ...

Это была уже четвертая лекция, которую передавали по судовому радио за два дня нашего пути. Сначала рассказывали о Ерофее Хабарове и Хабаровске, потом о Комсомольске, о Семене Дежневе и нашем судне. И вот теперь — о Николаевске. Все четыре рассказа подготовил и записал на пленку капитан парохода Андрей Федосевич Коснырев, большой патриот своего края, хорошо владеющий пером. Его лекции написаны увлекательно и романтично. Он рассказал пассажирам всю историю Приамурья от Пояркова, Хабарова и Невельского до наших дней. Кто знает, может быть, слушая лекции капитана, Юрка Бушуев и решил, что история «самое милое дело».

Хотя наше знакомство с Юркой длилось меньше часа, мы успели стать приятелями и расставаться с ним было немножко грустно. Мне и в голову не могло прийти, что мой новый приятель будет плыть со мной до самого Магадана. Уже на морском пароходе выхожу из каюты и — надо же! — нос к носу сталкиваюсь с настоящим, живым Бушуевым!

— Ты чего здесь?

Отвечает совершенно невозмутимо:

— К вам иду.

— Да нет, на этот пароход как ты попал?

— Матросом. Я в Магадан хочу, а денег на дорогу нет. Рейс проматросю и сойду.

— А мать что скажет?

Насупился, ответил не сразу:

— Напишу.

За кормой уже ревел шторм. Моего бесшабашного Юрку ждала первая морская вахта. Он забежал ко мне на минутку — показаться. Еще через минуту я видел, как он задраивал на палубе люк. Черные волны поднимались до высоты пятиэтажного дома. Судно то валилось на борт, то вертикально взлетало вверх, то, переползая гребень волны, торчмя падало в пропасть, и Юрка пропал в шквале брызг. За его работой я следил с ужасом и восхищением.

Налетевшая волна сорвала с него штормовой шлем, залепила волосами глаза, сбила с ног. Он пытался подняться, но снова падал, завинчивал болты люка лежа. Когда его накрывала волна, мне казалось, что он смывает с борта.

Вечером, после вахты, я узнал историю его маленькой, трудной жизни. До шести лет не вставал с постели. Сухожилье. Шла война, отец был на фронте, мать сутками работала. Домой приходила через день, меняла постель, ставила возле него кастрюлю похлебки, кружку воды, спала, рухнув на неразостланную кровать, испуганно вскакивала, торопливо целовала сына и убегала.

Ей было тогда немногим больше двадцати. Низенькая, худенькая и нервная. Иногда она приносила письма от отца, читала и, вытирая кончиком платка глаза, улыбалась Юрке:

— Вставай, сынок, отец вернется — подарок ему будет.

Отец после войны не вернулся. Написал, что женился на другой и будет жить в Куйбышеве. В конце была приписка: «Если у тебя материальные затруднения, подай в суд, буду платить алименты». Прочитав, мать опустила на колени руки, вздохнула:

— Обойдемся, Юра, пусть живет...

Потом отец приехал. Юрка как раз сдал экзамены за четвертый класс. Отец, листая его школьный дневник, сказал матери:

— Я проездом, у меня командировка на Север.

Мать поджаривала над примусом лук, отцу не ответила, сказала Юрке:

— Покупай белый лук, синий не румянится.

Два года спустя мать пришла с работы заплаканная. Взяла рукой Юрку волосы, прошептала:

— Отца посадили. Будет писать — не отвечай.

Отец присылал на адрес соседей денежные переводы. Юрка отправлял их назад, соседей просил матери не говорить.

Еще через два года мать вышла замуж. Юрка уже был в ремесленном. Отчим ревновал мать к нему. Юрка ушел в общежитие. Чтоб не мешать матери — настрадалась много. Три года жили в Хабаровске на одной улице и не встречались. Придет домой, когда мать с отчимом на работе, оставит белье для стирки, черкнет записку или подарок на стол положит и уйдет.

Пошел в матросы, чтобы меньше в Хабаровске быть. Лучше жить где-нибудь подальше. В Магадане, говорят, неплохо. А матросить привык. На море даже интереснее — гремит и красиво.

Без раздумий и печали рассказал Юрка свою жизнь, повторил излюбленное — «главное, чтоб работа была», легко вскочил на ноги и бросил на ходу:

— Ну, я пошел, скоро подъем.

Шторм закончился внезапно, не утих, а именно закончился. Судно словно отбросило его винтами назад. Там он продолжал бушевать, а впереди расстилась ослепительно голубая, отутюженная ветром гладь. Не было ни серых, придавивших море туч, ни серой волновой накипи. Только над заброшенным в море клочком скалистой земли высились белые, точно стая песцов, облака. Мы подходили к острову Недоразумения.

На карте этого острова нет. Он и впрямь недоразумение. Со стороны кажется безжизненной глыбой гранита. Над водой поднимаются угрюмые скалы, увенчанные шапкой облаков. А за скалами — колки берез, буйный гальник, малинники и трава по пояс, сочная, жирная. Забросили бы человека на остров с закрытыми глазами, сняли повязку — и никогда бы он не поверил, что это Крайний Север — холодная, скупая земля.

Моряки говорят: «Подошел к острову Недоразумения — кончились все недоразумения». Сразу за островом — зубчатая громадина мыса Каменный Венец, а за мысом — узкая горловина бухты Нагаева, на берегу которой стоит Магадан.

Тишина и солнце, будто и не было шторма. Бухта окаймлена заснеженными сопками. Прямо по курсу парохода с горы сбегает к воде домики пригорода Магадана — поселка Нагаево. Слева — порт. Швартуемся.

У причалов толпятся неповоротливые сухогрузы: «Дружба», «Советская Латвия», «Обь», «Адмирал Невельской»... Длинные хоботы порталных кранов разгружают мешки муки, ящики яблок, тюки сена, листовую сталь, швеллеры, автомашины, тракторы, рулоны газетной бумаги, обитые досками пакеты книг... Под клювы хоботов непрерывным потоком идут работяги «МАЗы». Две-три минуты — и доверху нагруженная машина откатывается прочь.

Неужели это и есть Колыма? А расстояние, тысячи оставленных позади километров? Изо всех сил стараюсь почувствовать свое неправдоподобное далеко — и не могу. Кажется, будто где-то уже видел и такой порт, и такие

корабли, будто где-то уже слышал точно такой ритм портовой жизни: то ли в заполярном Мурманске, то ли в солнечной Одессе. Знакомыми кажутся лица людей, взлеты кранов, даже сопки: их снег и багряное зарево встречающих зиму лиственниц.

Медленно схожу по шаткому трапу. На полшага впереди, выпятив грудь, важно шагает Юрка. Он в парадной матросской форме, надраен, вычищен, с чемоданчиком — постоянным спутником жителя корабля.

Под ногами земля. Наконец-то!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БАЙДАРА В ОТКРЫТОМ МОРЕ.— НАДПИСЬ НА ЛИ-
СТВЕННИЦЕ.— ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПАРОХОД.— МЕДВЕ-
ЖЬЯ ОСАДА.— КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.— УРАГАН
В БУХТЕ НАГАЕВА.— СМЕЛЬЧАКОВ БЫЛО ПЯТНА-
ДЦАТЬ.— РЕШЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ.—
ТРАГЕДИЯ НА ЛЬДУ БУХТЫ.— ЗАПИСКИ СЕРГЕЯ
БАРКОВА.— ТРЕТЬЯ НАДПИСЬ НА ВАЛУНАХ.— КА-
ПИТАН, КОТОРОМУ БЕРУТ ПОД КОЗЫРЕК РЫБЫ.—
ВОРОТА КОЛЫМЫ

Человек умирал от жажды. Распластавшись в старой рыбацкой байдаре, он обреченно смотрел на плывущие над ним тучи, ловил распухшими ноздрями запах дождя. Внезапный норд-ост угнал его от берегов Камчатки в открытое море. Две недели носила стихия байдару, две недели человек не видел землю. Он исхудал, оброс щетиной, съел всю пойманную рыбу, выпил всю пресную воду. Оставалось лежать и ждать конца.

О близкой земле ему сказал ветер: дохнувший в лицо вест принес слабый привкус хвои. Человек, собрав последние силы, приподнялся. В предрасветном тумане на горизонте высились развалины древнего замка. Но откуда он здесь, на диком Северо-Востоке? Человек еще не потерял памяти и хорошо знал, что за две недели его байдару не могло прибить к обжитым берегам.

В сполохах солнечного восхода контуры развалин средневекового замка становились отчетливей... Волны несли байдару к ним. И только когда рассвело, на месте замка изможденный человек увидел тяжелую громаду зубчатого утеса, за которым открывался вход в бухту. По сиреновой глади бухты шли круги — там резвились тюлени. К воде спускались заросли тайги. Морские животные были безмятежны, тайга — молчалива, каменный мыс — пустынен. Даже неопытный взгляд мог определить необитаемость этой земли.

Но человек не отчаялся. Опираясь на весло, сошел на берег, припал к земле. Слух ясно различил звон бегущей

го по камням ручья. Студеная струя выбивалась из-под груды замшелых валунов. Здесь же стояла одинокая лиственница. Острым ножом человек вырезал на ней: «Благодарение богу, утолил жажду. Именуйте сей ключ Священным, а мыс — либо Замок, либо Каменным Венцом, ибо он венчает благополучно труды мои тяжкие в страждущих двухнедельных скитаниях на байдаре от берегов Камчатских до сих...»

Мы сидели в кабинете капитана-наставника Нагаевского порта Павла Илларионовича Федорова, решали Юркину судьбу. Старый, маленький, в больших темных очках большого дальтонизмом капитан с решением не торопился. И, как все словоохотливые пожилые люди, больше говорил сам.

— Легенду моряки сочинили, ключик выручал часто нашего брата. Есть еще речка Магаданка, но пароходом туда не подойдешь. Первые суда брали воду в ключе — и наши, и заходящие. В тридцать третьем, помню, норвежца милях в сорока от нас заторосило, тоже ключиком пользовался. И надпись оставил. Там, на валунах, вся история бухты. Кто брал воду, тот и расписывался суриком. «Теодор» пример показал.

Это было тридцать один год назад. Распугивая гудками и шумом винтов тюленей, с грузом для первых отрядов покорителей Колымы в бухту Нагаева входил легендарный «Теодор Нетте», тот самый, о котором писал стихи Маяковский. Павел Илларионович был тогда старшим помощником капитана и еще не знал, что здесь ему суждено провести большую часть своей жизни.

Начальник работавшей на берегу геодезической партии пригласил его к себе в гости, в летний барак на Каменном Венце.

— Ну, что тут нового? — уместившись на чурке и обжигаясь кипятком, спросил начальник у сидевших возле стола старика и парня. Старик пожал плечами, а парень, с опаской покосившись на него, сказал:

— Да пока вы встречали «Теодора», Степан Поликарпыч в осаде сидел.

— В какой осаде?

— Да в медвежьей!

— Говори, Поликарпыч, что там у тебя стряслось?

Поликарпыч смачно затянулся махоркой и сделал вид, будто не расслышал.

— Да не тяни ты душу! — в сердцах отшвырнул кружку начальник.

— А что тянуть, — нехотя начал Поликарпыч. — Ленка, — он кивнул на парня, — вслед за вами повеялся в поселок за толом. Утром вода мне понадобилась. Ружьишко на грех в барачке оставил. Прихватил топор, ведро и — к запруде. Гляжу — по ту сторону запруды будто сохатый из-за скалы выходит. Я поднялся на обрыв и за камень залег. Сохатый к воде подошел, переправляться через запруду, смекаю, удумал. Только собрался дунуть я в барак за ружьем: мяса, поди, пудов на восемнадцать наберется, само в руки идет, — смотрю, что за диковинка? У сохатого на загорке будто сидит кто-то. Что такое, не разберу. Сохатый, как пьяный, бредет. Сделает шаг — другой и остановится, сбросить с себя хочет кого-то. Забрел до половины запруды, да и брякнулся. Я за подранка его принял, а из той кучи медведь поднимается. Тут солнышко как раз показалось, вижу стервеца ясно. Отфыркнул воду и, пятясь задом, тащит сохатого к моему берегу. Ведь вот паразит!

Бежать за ружьем уже поздно. Лежу, не шелохнусь, ветер в мою сторону, не учует. Выволок он сохатого на отмель, отряхнулся так, что радуга коромыслом пошла, и давай пировать. Первым делом выел внутренности, тушу не тронул. У меня надежда: сейчас уйдет — тут и мне пожива, солониной давимся. Однако не спешит, то одну часть оторвет, то другую. Часа через два ушел. Подождал я еще с час и решаю: пора! Поднял топор, спустился с обрыва, крадусь к развороченной туше. Вроде спокойно. И только рубанул по задней части, а он тут как тут. Я ходу. Выскочил на обрыв, огляделся — прет прямо на меня. Тут уже я поддал, мигом в барачке очутился. Захлопнул дверь, схватил ружьишко, жду. Слышу, топает неподалеку, к барачку не идет. Подождал я да и отворил дверь. Как будто выжидал этого, окаянный. Я в него дробью, а он как саданет лапой по стволу ружья. Оно и вывернулось у меня из рук. Уж и не знаю, как дверь перед его носом закрыл. Боялся, что ломиться будет, с топором наготове стоял. А он притащил сохатого на крыльцо дожирать, паскудец. Двое суток я промытарствовал. Оно бы ничего, да воды у меня ни слезы не было, вся утроба высохла. Опять же ружья жалко, сто целковых как в прорву выкинул. Этот, — Поликарпыч со зло-

стью ткнул в Леньку пальцем, — опосля всего заявился. Нет чтоб ко времени на подмогу поспеть!

— Да откуда же я знал, что вас в осаду занесло? — возмутился Ленька...

Вот такая была у Павла Илларионовича первая встреча с Колымой. Произошла она на Каменном Венце возле ключа Священного, который стал летописью Нагаевского порта. На его камнях «Теодор Нетте» записан дважды. Вторая запись датирована 1931 годом.

В тот год на берегу бухты шло большое строительство. Тюлени нашли себе для игрищ другие, более тихие бухты, а медведи и сохатые ушли в тайгу подальше от людей. На месте берлог вставляли здания порта, стапеля судоверфи, дома геологов, моряков, строителей. Рождался поселок Нагаево — первый поселок новой Колымы.

«Теодор Нетте» вез колымчанам семь тысяч тонн срочных грузов. Приблизившись к Каменному Венцу, судно застопорило ход и, как обычно, ждало буксира. Но буксир не пришел. Пароход, которого на Колыме все ждали с нетерпением, никто не встречал.

За несколько дней до прибытия «Теодора Нетте» над бухтой пронесся ураган невиданной силы. Все, что было в бухте, стихия уничтожила. Смывла прибрежные постройки, разбила причалы, потопила баржи, лодки и буксирные катера. Пароход разгрузаться не мог: нечем было перевозить грузы. А уже наступила зима. Заснежились сопки, норды пригоняли в бухту дрейфующие льды.

Капитан послал Павла Илларионовича просить строителей соорудить хоть какой-нибудь пирс. Но уговаривать людей не пришлось. На Колыме начинался голод, а в трюмах «Теодора Нетте» было продовольствие.

Когда прораб причального участка Сергей Барков, зеленый, необстрелянный в строительстве парнишка, увидел последствия урагана, он в панике примчался к бригадирю плотников Василию Тузаеву.

— Дядя Вася, что будем делать, «Теодор» на подходе? Нельзя ждать, понимаешь, нельзя! — горячился он.

Однако Тузаеву и в этот сверхбезотлагательный час не изменила привычная сибирская медлительность. Почесывая затылок, он рассудительно толковал Сергею, на какие шутки способно Охотское море.

— Да ты, товарищ бригадир, дело говори! — не выдержал Сергей.

Тузаев обиделся.

— А я тебе что, лясы точу? В воду надо лезть, ряжи опускать!

У Сергея по спине побежали мурашки.

Раз надо, никуда не денешься. Отобрали группу наиболее крепких добровольцев. Смельчаков было пятнадцать. Первым, нахмутив брови, торжественно шагнул в воду Сергей. Одним из «наиболее крепких» он не был — худой, низкорослый, с детства близорукий. Не богатырь, но — начальник! Начальнику в такой ситуации положено быть впереди.

Вторым, пытая и ругаясь, двинулся Тузаев. За бригадиром с легкомысленным аханьем и далеко не ласкающими слух остротами насчет обители Нептуна осторожно ступали Алеша Кондратенко и Петя Бугримов...

И вдруг:

— Сerezенька, у тебя же гланды!

На разрушенный ураганом причал, задыхаясь, с полыхающими ужасом глазами карабкалась Сергеева жена Леночка.

— Как же вы ему позволили, он же простудится!

Ребята должным образом оценили супружеское рвение Леночки и стали просить своего начальника выйти из воды. Сергей, однако, не разделил их союза с Леночкой. Весь зеленый, он сердито поглядывал на жену и героически сдерживал предательский цокот зубов.

Павел Илларионович сошел на берег в самый разгар строительства. Увидев все, поспешил обратно на пароход, и вскоре на помощь строителям пришла на судовых шлюпках вся команда «Теодора Нетте». Работали догемна. Окоченев, выскакивали из воды, глотали порцию «горячительного», час-другой отдыхали и снова возвращались в воду. И вот когда причал был почти готов, ураган повторился.

Чрезвычайная комиссия главенствовавших на Колыме геологов, моряков и строителей приняла решение ждать, пока бухта замерзнет, а для проводки судна в открытое море вызвать из Владивостока ледокол.

На всей Колыме было десять автомобилей. Четыре из них вошли в особую разгрузочную колонну, начальником которой назначили Сергея Баркова. По профессии он был автомеханик, строителем стал по необходимости.

Беда не приходит одна. Только приступили к разгрузке — разыгралась пурга. Машины застряли в трех километрах от берега. Моторы заглохли. Чтобы не замерзнуть, шоферы решили добираться до берега пешком.

С Сергеем была Леночка. Она работала врачом в Нагаево и настояла, чтобы ее взяли в колонну.

Шли, взявшись под руки, но ветер опрокидывал назад. Тулупы распахивались, и людская цепь становилась упругим парусом.

Выстроились друг другу в затылок. Идти стало легче, но у Леночки уже не было сил. Сначала ее взял на руки Сергей, потом несли по очереди. Но люди слабели, идти было все труднее. Сергей решил вернуться с Леночкой к машинам. Он рассчитывал снять с машин брезент и укрыться под ним. Знаками Сергей объяснил товарищам, чтобы они шли дальше, взял жену на руки и повернул назад...

На восьмой день их нашли далеко в стороне. Они превратились в ледяные статуи. На ней был тулуп Сергея, поверх перчаток меховые шоферские рукавицы, лицо закутано шарфом, а он — в телогрейке, руки заложил за пояс. Через плечо у него висел планшет. В нем была карта бухты Нагаева, накладные грузов и записная тетрадь.

В тетради — математические расчеты причала, наброски чертежей, беглые записи:

«К десятому вызубрить сопромат. Провести разведку строевого леса. Потолковать с геологами о здешних грунтах».

«Послезавтра придет пароход. Написать письмо домой, попросить прислать: теплый платок, две вилки, справочник инженера-строителя, логарифмическую линейку, десять листов ватмана, акварельные краски, килограмма полтора чеснока».

У Маркина неправильно ведется подача масла. На Каменном Венце есть хороший известняк».

Цитата из какого-то доклада:

«Если мы, товарищи, построим в бухте Нагаева порт, будет решена задача первостепенной важности. За на-

вигацию мы сможем принимать не менее трехсот судов, а это значит, что на Колыму будет поступать свыше миллиона тонн грузов в год. И тогда мы удовлетворим потребности не только геологов, но и горнодобывающей промышленности. Откроется широкий доступ к богатствам Северо-Востока. Порт для нас — жизнь».

«Дискутировали о счастье. Гурченко дал определение: счастье — путь, вечное движение. Лена нашла это высокопарным. По-моему, смысл все-таки есть, хотя и заумно. Попробовать написать в «Комсомольскую правду». Заодно поднять вопрос о женщине. Среди наших товарищей, особенно среди геологов, появилась тенденция считать жен обузой, мешающей работать в полную силу. Многие клятвенно обещают не влюбляться и не жениться. Сейчас, когда на Колыме в основном мужское население, эти настроения, может быть, и играют положительную роль, но в своем существе они ошибочны, не говоря уже о том, что не все зависит от того, хочешь ты влюбиться или нет».

«В Южной Африке страусы пасут отары. В Бразилии удавы охраняют детей от нападения ядовитых змей, а в Индии ядовитые змеи сторожат амбары».

«Узнать мнение геологов относительно взрыва первой сопки. Убедить Решетникова увеличить норму гвоздей. Выяснить смысл слова «капсе». Вернуть геодезистам рулетку. Заменить настил в третьей палатке».

«Капсе — здравствуй, нюча — русский, кес — 6,5 километра, симбир — все равно, саха — якут, учигей угуй — хорошо спать, ровдуга — выделанная оленья шкура, кыгыл — красный, хатыннах — березовый».

«К приходу «Теодора» закончить причальные трапы, купить у якутов или эвенков что-нибудь экзотическое. Из дома попросить: лимоны, фланельку, детскую клееночку, учебник шофера первого класса для Маркина...»

Тетрадку читали после похорон, читали молча, передавая из рук в руки. Кто-то сказал:

— Надо сохранить.

А Павел Илларионович подумал: «Останусь здесь». Обратный путь «Теодора Нетте» был длинным: Охотское море, Японское, южные моря, Индийский океан, Суэц, Одесса... Не передумал.

В Одесском порту стоял пароход «Уэлен» — первое судно, предназначенное для постоянной работы в Нагаево. На нем не было капитана. Попросился — назначили. Жена побушевала, поплакала — согласилась.

На валунах ключа Священного появилась еще одна надпись: «Уэлен, декабрь 1933 года».

Было розовое, словно умытое солнцем утро. Лениво ворочались в бухте подрумяненные льдины, сонно кружились в воздухе искрящиеся снежинки. От взобравшихся на сопки домиков веяло свежим тесом, домашним дымком, бензином.

У бревенчатого, в третий раз наскоро построенного пирса колыхалась одетая в полушубки шумная толпа колымчан. Над толпой алел транспарант: «Горячий привет пионерам Колымского морского флота!»

Был митинг. Павлу Илларионовичу вручили сплетенный из водорослей жезл, жестяной рупор и белый лист ватмана с контурами западных берегов Охотского моря. Растроганный, он стоял на импровизированной под капитанский мостик трибуне, добросовестно пытался произнести речь:

— Ну, вот мы, как говорится, пришли, будем работать. Вам, как говорится, спасибо...

Давно это было. Сейчас ему уже шестьдесят три. Зрение ослабло, когда выпускает из рук футляр от очков, чуть заметно дрожат пальцы.

Мы сидим в его кабинете, забыв о Юркином устройстве. Я слушаю рассказы старого капитана и завидую. В этом море ему все рыбы под козырек берут.

В окно виден порт: суда под кранами, вереницы машин, бетонированная лента причалов. У самой воды роются бульдозеры. Там будут два новых причала.

Голубеет бухта, рокочут моторы, бьют на рейде пароходы. Это ворота Колымы, священный ее ключ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЮРКУ САЖАЮТ НА БУКСИРНУЮ ТЕЛЕГУ.— ГОРОД НА «КРАЮ ЗЕМЛИ».— Я СНОВА ВИЖУ НИНУ МИРОНОВУ.— АНДРЕЙКА.— НИНА ОБНАРУЖИВАЕТ В СЕБЕ ФАНТАЗЕРКУ.— ЮНОШЕСКИЙ ВОЗРАСТ.— ЗОЛОТОЙ МАТЕРИК.— СТИХИЙНОЕ РОЖДЕНИЕ.— ЧТО БЫВАЕТ В МАГАДАНЕ И НА ШЕСТОМ КИЛОМЕТРЕ.— МНЕ ДАРЯТ ЦВЕТЫ.— КАКИМ ОН БУДЕТ

Глаза у моего Юрки на мокром месте. Нос повесил, фуражку смял.

- Бросаете меня здесь одного...
- Надо, брат, дело такое.
- Конечно, Юрка хоть пропади тут.

Для морской обсолки его приняли матросом на буксирный катер. Обещали через полгода, если не подкачает, перевести на большое судно. А он, понятно, сразу в дальнее плавание метил. Вот и раскис — как же, опытного палубника на буксирную телегу сажают!

Юрка остался на своей «телеге», а я сел в такси и — в Магадан.

Хотя этот город на «краю земли», самым северным его назвать нельзя. Он на одной параллели с Ленинградом. Когда я думал о нем в Москве, мне представлялось нечто типичное для Крайнего Севера: десятка полтора кирпичных двух- и трехэтажных зданий, масса сгрудившихся друг возле друга деревянных домиков, мощные лиственничными чурками мостовые, чахленькие деревца.

Так думалось еще и потому, что мне запомнился Магадан в одном из киножурналов тридцать седьмого года: узенькая, застроенная щитовыми домиками улочка, сугробы до крыш, клубы дыма из тонкой трубы какого-то заводика, палатки и недавно поднявшееся над ними единственное каменное здание с полуаршинной надписью: «Телеграф».

Я понимал, что с тех пор многое изменилось. И все-таки то, что увидел, поразило, в первую же минуту раз-

рушило все, что создало воображение. На бурых сопках — серебристые плечи снега, в затененных низинах — густой туман, а перед окнами домов — грядки: в полный обхват кочаны капусты, картофель.

Это в пригороде. Едешь в город.

«Волга» взлетает на крутую сопку и, резко затормозив, останавливается на площадке телевизионной мачты. Отсюда Магадан как на ладони. Вниз стремительно мчится проспект Ленина — геометрическая ось города. Дома один в один, белые каменные громады, своей архитектурой напоминающие знаменитый киевский Крещатик. На мостовой — асфальт. Тротуары выложены бетонными плитами. По обе стороны мостовой — бордюры из молодых лиственниц, на клумбах — маки, ромашки, васильки.

Справа вход в парк культуры и отдыха, на городской стадион и в самый красивый на всем Севере Дворец спорта. За парком — широкоэкранный кинотеатр «Горняк», жилые дома, здания книжного магазина и «Гастронома», «Универмаг», поликлиника и в самом конце проспекта — гостиница «Магадан». Кстати, слово «Магадан» произошло от эвенского «монгодан». По преданию, много лет назад над северной частью Охотского моря пронесся тайфун. Море перехлестнуло сопки и ринулось в тайгу. Там остались гигантские паводковые завалы. Поэтому эвены и назвали это место Монгодан — морские наносы.

Может, предание говорит верно, однако первые строители Магадана утверждают, что никаких завалов не заметили. Тайга меж сопек и на их склонах была чистая и могучая. На Крайнем Севере такая встречается редко и ее следовало сделать заповедной, но строительство требовало много леса и самые большие лиственницы пришлось вырубить на доски.

Я приехал в Магадан в солнечный день. Но и в дождь город ничуть не хуже. К дождю здесь привыкли. На улицах всегда много народу. По мостовым мчатся сотни машин, автобусов, терпеливо повторяет в микрофон правила уличного движения разъезжающий на «Победе» сотрудник ОРУДа.

Я часами бродил по улицам, подолгу стоял у газетных киосков, у витрин магазинов, слушал шум лиственниц в увядающем осеннем парке или просто ходил и смотрел.

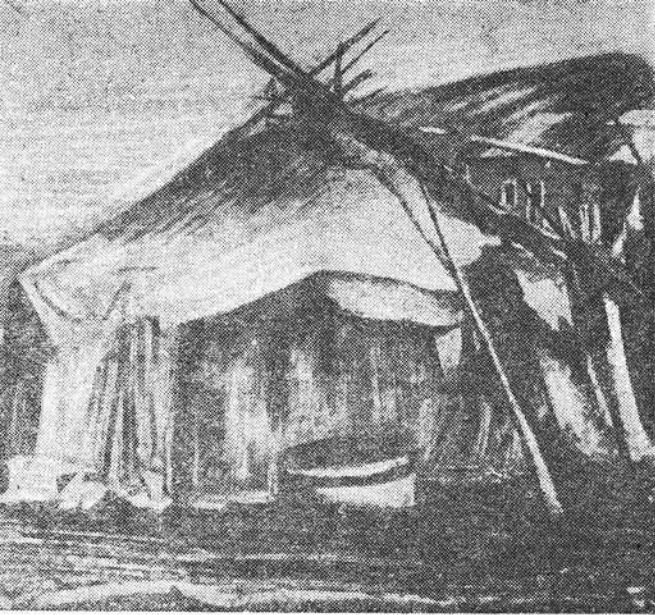

Такой была безмолвная, окутанная вечным покоем бухта Нагаева.

НАЧИНАЛОСЬ

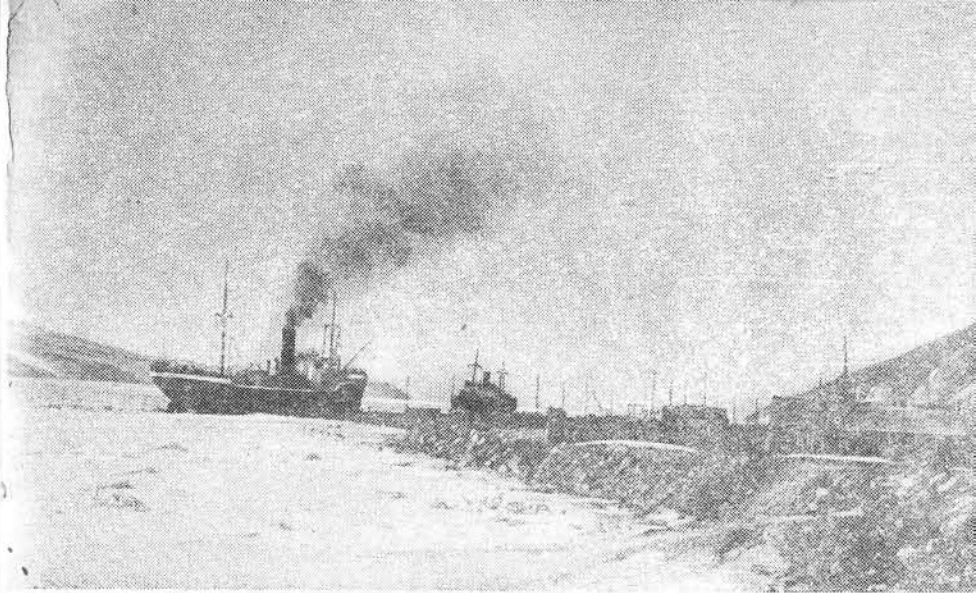
ВСЕ

ТАК

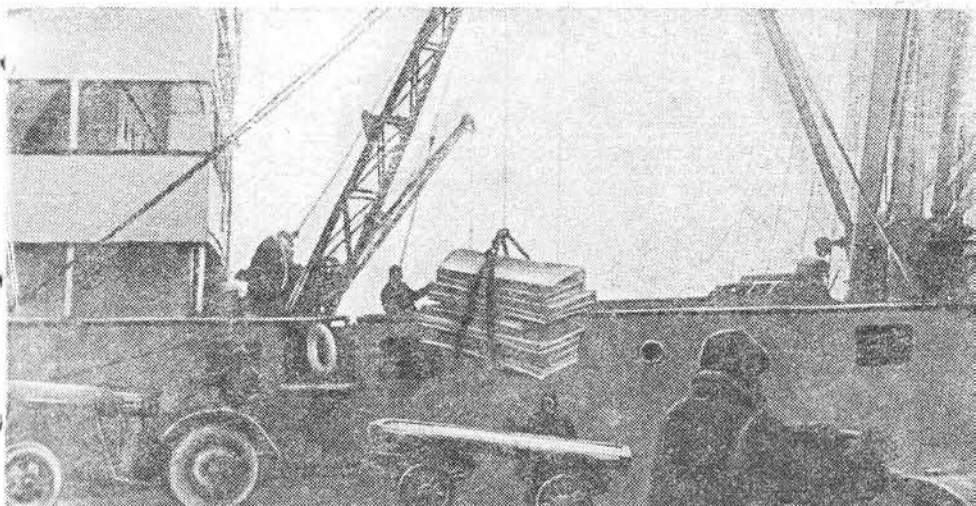
Где-то далеко от бухты ютились в таких жилищах обитатели Крайнего Севера. Их было мало — один человек на четыреста квадратных километров.

С приходом на Колыму первых покорителей Крайнего Северо-Востока на берегу бухты родился колымский поселок Нагаево.

В бухту прибывали корабли.

Шли грузы.

4 февраля 1932 года на пароходе «Сахалин» в Нагаево прибыла первая группа дальстроевцев во главе с директором «Дальстроя» Э. П. Берзиным.

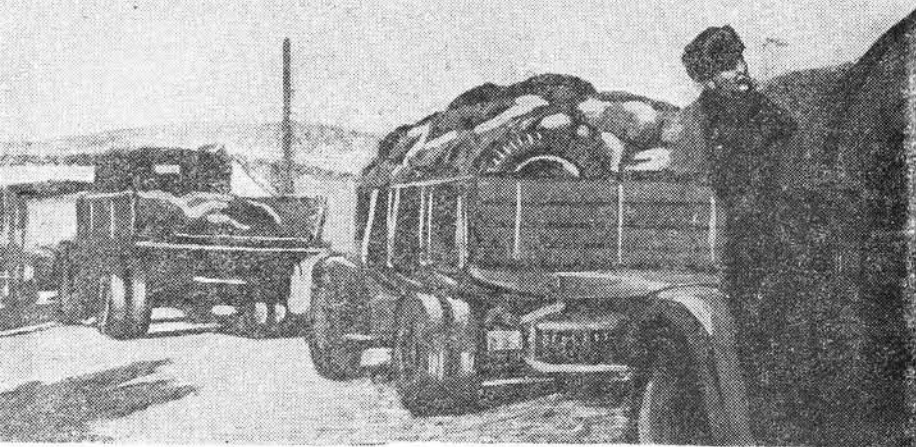
Колыма строилась и мужала, но золото еще долгие годы давалось нелегко. Вот так его искали.

Потом появилась дорога

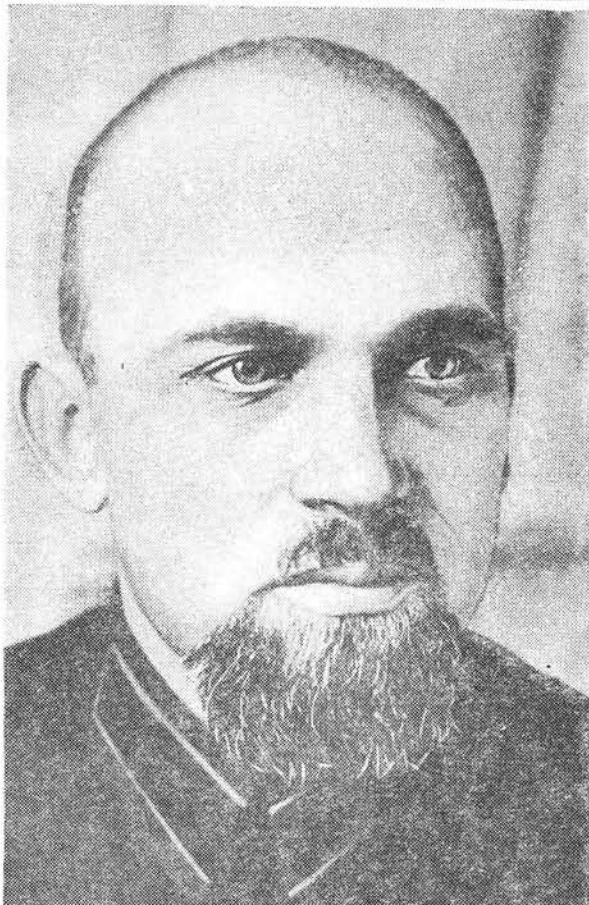

И так добывали. Это было начало.

Колонны грузовиков сменяли уныло тянувшиеся по целинным снегам оленьи транспорты.

Человек, руководивший началом. — первый директор Дальстроя Эдуард Петрович Берзин.

Вот рюк котлован под громадный жилой блок, вот разбивают новый сквер и детскую площадку, а вон там — строительные леса на еще безымянной улице. Уперлись в небо краны. Медленно плывут бадьи с цементным раствором, поднимаются железобетонные стены квартир.

На площади Горького — снова котлован.

— Что здесь будет?

Бульдозерист приглушает мотор, засаленным рукавом устало вытирает взмокший лоб.

— Спрашиваете чего-то, а?

— Котлован, говорю, зачем роете?

Парень трогает рычаги, на ходу бросает вяло:

— Здесь самый большой в городе деткомбинат будет.

Видно, расспросы ему надоели.

Рекламный щит здоровенными красными буквами извещает, что в Магадан приехал на гастроли дважды лауреат международных художественных конкурсов танцор Махмуд Эсамбаев. На этом же щите ветер треплет почерневшие от дождя обрывки афиш Большого театра.

Впереди меня идут двое подростков. Спорят. Один доказывает, что первые передачи Московского телецентра Магадан примет через три года, другой авторитетно возражает:

— Отец сказал — через два.

Напротив здания совнархоза работает автопосадчик. Сажает лиственницы, тополя.

Возле «Гастронома», под тентом летнего ларька, скукает молоденькая продавщица. На прилавке — яблоки, репчатый лук, огородная зелень.

Мне нравилось гулять по городу с Ниной и Андрейкой. Главным среди нас был, конечно, Андрейка. Мы с Ниной люди пришлые, а он тут коренной, магаданец до мозга костей. Дует красные, как помидоры, щеки и ручонкой помахивает, будто рассказывает что-то.

Нина смеется:

— Такая кроха, а надо же — важничает!

Плотнее кугает мальчугана в тепле одеяло, осторожно треплет его щеки. В ее глазах светится добрая материнская нежность. За два года она совсем не изменилась. Те же рябинки на немножко удлиненном лице, те же пушистые локоны, руки тонкие, вот только вместо прежней отрешенности эта нежность в глазах.

Что мы когда-нибудь встретимся в Магадане, Нина не думала. В одном из кабинетов Дальстройпроекта я предстал перед ней неожиданно. Углубившись в чертеж, она сосредоточенно что-то обдумывала. Стал позади, тихо зову:

— Нина Ильинична!

Не слышит. Повторил громче. Встрепенулась, вскинула брови.

— Ой, это вы?!

— В натуральном виде.

— Самолетом?

— Пароходом.

— В Магадан?

— На всю Колыму.

Оглядела, как диковинный экспонат, усмехнулась:

— Будто один день прошел!

Она пригласила меня в гости. Пили шампанское, слушали музыку, вспоминали Саратов.

В окно дробно барабанил дождь. Нина думала о чем-то своем. После саратовской встречи она хоть и осталась внешне такой же, но у глаз появились неприметные с первого взгляда морщинки, губы стали суше.

Грустно улыбнулась, сказала:

— В Саратове плакалась — ехать боялась, а сейчас опять... Будто специально к вашему приезду все готовится.

— На работе неприятности?

— Нет, работа мне понравилась, все в коллективе уважают. Я замуж вышла. И вот перед вашим приездом разошлись. Андрейка еще только два слова знает: мама и папа...

Это случилось как раз накануне моего приезда. Нина рассказывала подробно, не стесняясь. Так говорят о чем-то давно переболевшем. Потом налила в рюмки вина, неожиданно предложила:

— Давайте выпьем за нашу мечту! Я часто медузой бываю. И вдруг обнаружила в себе фантазерку. Мечтаю работать над таким проектом, в котором воплотятся стремления людей преобразовать суровую природу.

На Крайнем Севере, в стране вечной мерзлоты и снежных буранов люди задумают вырастить цитрусовые, сделать Дворец-сад. Стекланный свод, паркет в залах, вдоль стен — аллеи, плетеные скамейки. Мандарины, лимоны

и пальмы под крышу, шапки цветов. Под пальмами, в уголке отдыха мягкие кресла, столы красного дерева, аквариумы. В центре — фонтаны. Широкие мраморные лестницы, статуи, зеркала. Во Дворце будет кино, лекторий, университет культуры, картинная галерея, библиардная, стрелковый тир, гостиная, кафе и отдельно — сказочное царство детей...

В первое же воскресенье Нина вызвалась познакомить меня с историческими местами Магадана. Потеплее спеленали Андрейку, накинули на плечи плащи и двинулись в пешее турне по городу.

Вообще понятие «исторические места» по отношению к Магадану звучит несколько странно. Официальный возраст города двадцать три года. Человек в таком возрасте юноша, только-только вступающий в жизнь. Ну, а город и вовсе младенец. Молод не только внешний облик города, сам воздух кажется молодым. Сколько ни ходи, старушку древность не встретишь. Но есть у города и такая тяжеловесная солидность, чувствуешь, что он тут не для красоты поставлен.

Городом Магадан объявили 14 июля 1939 года. Сообщение об этом центральные газеты поместили где-то на четвертых страницах мелким шрифтом. Целую полосу уделила «новорожденному» американская «Нью-Йорк таймс». Жирный аншлаг извещал: «Россия строит мертвый город. Магадан ждет участь Даусона».

Даусон — канадский город, возникший в период золотой лихорадки. Построен он был с большим размахом, но скоро пришел в упадок и совершенно опустел. Один французский журналист писал: «За многие годы моих путешествий по странам мира я не видел подобного. Лицо этого города ужасает. Разбитые окна дворцов и небоскребов смотрят на тебя, как темные глазницы черепа. Мостовые размыты дождями и загажены тварями, которые когда-то были домашними кошками и собаками. Их наплодилось столько, что они не дают свободно пройти по улицам. Глаза у всех голодные и дикие. Создается впечатление, что ты находишься не в городе, построенном людьми, а в катакомбах, населенных отвратной звериной стаей. Изредка попадаются и привлекательные кварталы, еще сохранившие следы недавнего уюта. И все же над всем витает зловонный дух мертвечины. Он гнетет и неводит на унылые размышления. Неужели человек, это

высшее существо природы, способен так бесцельно растрачивать свои труды и созидательный разум? В Торонто мне сказали, что таков неизбежный финал всех городов золотоносного Севера. Кончается золото, и город становится ненужным. Согласиться с этим я не в состоянии».

Теперь и без комментариев ясно, что в Америке дали ошибочный прогноз. Должно быть, американцам не совсем понятны принципы и задачи освоения окраинных областей Советского Союза.

Магадан возник вместе с возникновением золотой промышленности на Северо-Востоке, но не золото является главной жизненной силой. Колыма — это прежде всего громадная часть нашего Союза, способная вместить на своей территории Германию, Францию и Великобританию. И люди пришли сюда не для того, чтобы «выкачать» из земли драгоценный металл и бросить ее, как переставшее плодоносить поле. Магадан построен и будет жить вечно во имя Человека.

Что касается перспектив на истощение золотых запасов Колымы, то, забегая вперед, хочу рассказать, что ответил на это начальник Северо-Восточного геологического управления Израиль Ефимович Драбкин, проживший на Колыме более двадцати лет.

— Недавно у нас поймали самородок весом в 9 килограммов 637 граммов! Самородки — весом свыше пяти-сот граммов — величайшая редкость. А тут сразу целая золотая глыба. На один такой самородочек можно построить поселок. А разве он один? Уже тридцать лет добываем на Колыме золото, а с россыпей еще и сливки не сняли. И ежегодно открываем новые. Колыма — это громадный золотой материк. Если я перечислю все наши промышленные месторождения, у вас и блокнота не хватит...

Но вернемся к историческим местам. Пожалуй, самое интересное из них — речка Магаданка, мелководная, каменистая и буйная. Если бы не она, возможно, Магадан построили бы не здесь.

До тридцатых годов центром Северо-Востока считался приморский поселок Ола. Затем администрация Колымы переехала в Нагаево.

Строителям Нагаево негде было брать пресную воду. Каменный Венец от поселка далеко, добираться к нему неудобно. Пришлось прорубать в тайге просеку к Мага-

данке. До нее тоже далековато, километра четыре, но без воды сидеть не будешь. Вот и ездили на лошадях к речке. А потом, чтобы не расчищать новые участки тайги, стали строить дома на просеке. Тянули, тянули улицу и дотянули до Магаданки. Потом поближе к воде построили механические мастерские. Вокруг мастерских вырос рабочий поселок.

Так стихийно рождался возле Магаданки город. Таежная просека стала нынешним проспектом Ленина, механические мастерские — крупным заводом, рабочий поселок — Магаданом. Теперь многие сетуют, что город расположен неудачно, со всех сторон ветрами продувается.

Климат в Магадане действительно неважный. Город приморский. Что на вечно неспокойном Охотском море, то и в городе. Чуть заштормило — и в Магадане ливни, ветер. С моря наплывает на город туман. Тогда телевизионная мачта в начале проспекта, кажется, висится над облаками. В Магаданке купаются только отчаянные мальчишки. Вода в ней дымится, точно в холодильнике. Зато уже на шестом километре за городом солнце греет, как на юге.

И зима в городе не типично колымская. На трассе морозы, сушь, от света глазам больно, а в Магадане слякоть. А то сугробы в семь-восемь метров. Если над морем проносятся циклоны, ветры достигают ураганной скорости.

Неудачно выбрана городская площадка. Но ведь ее никто не выбирал, сама выбралась. Даже Нина, привыкшая за два года смотреть на все глазами градостроителя, настроена оптимистически.

— Цветы же растут.

Повод для оптимизма убедительный. И магаданцы умело этим пользуются. Возвращаясь по вечерам в гостиницу, я всегда находил у себя на столе свежие ромашки и два-три василька. Однажды я встретил в вестибюле нашу горничную с полной корзиной ромашек.

— Вы это зачем? — спрашиваю.

Посмотрела хитро и смеется:

— А чтоб жильцы не думали, что у нас в Магадане только ветры да морозы.

Хотелось бы побывать в Магадане лет через пять.

Андрейка уже сам будет ножками топтать. И говорить научится. А у Нины морщинки станут заметнее. Эти два

человека мне будут так же дороги. И так же будет дорог Магадан, город, где скверный климат, где мне дарили цветы. К тому времени он здорово изменится. Центром города станет новая площадь у Дворца профсоюзов, не будет больше маленьких домиков на Портовой и Якутской. Дальше потеснятся пригороды. Белокаменным амфитеатром окружат площадку телевизионной мачты здания будущей Комсомольской площади. И цветов будет больше — на всех улицах, на всех площадях, у каждого дома. Милые и стойкие...

Но это будет, а сейчас с Магаданом пора прощаться. Впереди еще вся Колыма.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АДРЕС ВАЛЕРИЯ ИЗВЕСТЕН.— ОСТРОВ НЕУМИРАЮЩЕЙ МЕЧТЫ.— ОТ УЭЛЕНА ДО ПЕВЕКА.— Я ПРОДОЛЖАЮ РАССКАЗ О ПОХОДЕ К УСТЬЮ АЛАЗЕИ.— ИСЧЕЗНУВШЕЕ ПЛЕМЯ.— О ЧЕМ ПОЮТ ЛЕБЕДИ.— КОТЛЕТЫ ИЗ МАМОНТА.— ПАЛЬМА В ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ.— ЗЕЛЕНЫЙ МЫС.— ТРУДНАЯ ЗИМОВКА.— УНИЧТОЖЕНИЕ МНОГОВЕКОВОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ.— ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ БУЛАНОВ.— Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В ПУТЬ

Хотя побывать на Колыме московскому журналисту очень сложно: слишком далеко и дорого,— я в конце концов все-таки добился своего и получил командировку в Магадан. Мне просто повезло — в мои руки попала «летопись» Валерия Каминского. Она оказалась таким мощным оружием против бухгалтерских бастионов, что уже на второй день командировочное удостоверение лежало у меня в кармане.

Мне поручили написать очерк о Валерии. Разыскать его было не сложно. Еще из Москвы я позвонил в Северо-Восточное геологическое управление. Валерия в управлении не знали — он рядовой рабочий, зато мне сказали, что Юлдуз и Борис Кривенко в полевой партии где-то на реке Конго (не на той Конго, что в Африке, на Колыме есть своя Конго) и скоро должны вернуться в поселок Нексикан. Значит, и Валерий там, а вместе с ним и Толик Ефремов.

Но встретиться с Валерием я не спешил. Сначала я хотел увидеть его «страну пяти солнц» и, может быть, если мне посчастливится, сами солнца.

Времени отпущено не так уж много и не велики возможности, а увидеть хочется бесконечно много. Куда же поехать? Какой маршрут даст наиболее полное представление об этой огромной необыкновенной стране?

В памяти еще живут старые книги о героических походах казака Семена Дежнева и сержанта Степана Андреева, капитана-командора Витуса Беринга и Алексея Чирикова, еще помнятся скудные газетные информации

о беспримерном дрейфе челюскинцев, о папанинцах, о подвигах Шмидта. Вот они, открытые ими берега и воды: Залив Креста, бухта Провидения, мыс Дежнева, Уэлен, пролив Лонга, мыс Шмидта, остров Врангеля...

В мире есть бесчисленное множество захватывающих историй, но, пожалуй, ни одна из них не могла бы сравниться с историей открытия острова Врангеля. Этот остров искали сотни лет, искали преднамеренно, наперед веря, что найдут. О нем еще ничего не знали, а он белым облачком уже был нанесен на карту. Так русские Колумбы рисовали на картах свою мечту.

Давно была открыта нашими мореплавателями Антарктида, давно развеялся русский флаг над Аляской, Северной Калифорнией, осваивалась Камчатка, а Земля Андреева, она же Земля Тикиген, она же Земля Неизведанная, все еще оставалась тайной. Ее искали десятки экспедиций, и никто не мог найти, хотя видели, как утверждали, многие. Неизменным результатом всех экспедиций были жертвы и разочарования.

В 1820 году на поиски легендарной земли из Петербурга выехали лейтенант флота Фердинанд Петрович Врангель и лицейский друг Пушкина мичман Федор Федорович Матюшкин. Их экспедиция продолжалась почти четыре года. И вот когда разгадка давней тайны, казалось, была близка, Врангель записал в дневнике:

«Мы влезли на самый высокий из окрестных торосов в надежде найти средство проникнуть далее (в глубь ледового поля), но, достигнув вершины его, увидели только необозримое открытое море. Величественно ужасный и грустный для нас вид! На пенящихся волнах моря носились огромные льдины и, несомые ветром, набегали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала (трещины) лежащую... С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природой препятствия исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Должно было отказаться от цели, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности. Мы сделали все, что требовали от нас долг и честь. Бороться с силой стихии и явной невозможностью было безрассудно и еще более — бесполезно. Я решил возвратиться».

Потом, кроме предположительной карты Врангеля, была найдена карта русского землепроходца Ивана Львова, ходившего по Ледовитому океану 250 лет назад. На ней тоже был обозначен неизвестный остров. Это облегчило поиски, но с тех пор прошли еще многие годы, пока в 1911 году ледокольный транспорт «Вайгач» поднял на острове русский флаг. Официально ему дали имя Врангеля, молва зовет островом Неумирающей Мечты, а моряки — островом Погибших Кораблей. Трагическую гибель нашли у скал Врангеля корабли «Жаннетт», «Карлук» и добрый десяток других.

Героизм истории открытия этого острова неподражаем. А люди сейчас говорят о нем так просто, будто это не святая святых наших арктических романтиков, а соседняя деревня.

— Ты на Врангеля? Захвати посылочку с помидорами, ребята на полярке просили.

— Да мне некогда, я на денек к гидрографам. Завтра Мишка полетит, передашь с ним.

Этот короткий разговор я услышал в Магаданском аэропорту. Он меня заинтересовал, и я стал наблюдать за отлетающими на Врангеля пассажирами. Почти все налегке. В глазах ни ликования, ни растерянности, ни трепетного ожидания неведомого. Конечно, эти люди будут заниматься в пути самыми примитивными дорожными делами: листать журналы, жевать бутерброды, спать. И никто, обернувшись к окну, не ахнет:

— Товарищи, Врангель!

А если самому сесть в самолет и махнуть на Врангеля? Там тундра, но тундра богатая. Не за красивые же глазки ее пытались прибрать к рукам сразу три страны: США, Англия и Канада. Последних охотников присваивать чужие земли советская канонерская лодка «Красный Октябрь» сняла с острова лишь 20 августа 1924 года.

Остров Врангеля — единственное место, где еще сохранились неисчислимые стаи белых гусей и черных казарок. На этом острове рождают своих детенышей белые медведицы, размножается песок. Летом и осенью к его берегам подходят стада тюленей и моржей.

Каменистые горы сплошь покрыты дымчато-салатовым ягелем, оленьим мхом. И нет ни свирепых оводов, ни тундрового пирата гнуса, от которого на материковском побережье нет спасения.

Сейчас на Врангеля государственный заказник по охране птиц и белых медведей и эскимосско-чукотский оленеводческий колхоз «Рассвет Севера». На остров завезли самолетами маленьких олешков, а теперь врангелевское стадо считается лучшим на всем нашем Севере. В ягеле острова очень много редкостных витаминов, увеличивающих рост оленей. И недра острова не бедные.

Я готов был лететь на Врангеля, но тут родилась другая идея. Зачем прибегать к услугам авиации? Что можно увидеть из окна самолета?

Я прошел по Охотскому морю, побывал на Восточно-Сибирском. Надо попытаться счастья и на других морях Северо-Востока — Беринговом и Чукотском. Помимо того, что можно зайти во все порты Чукотки, эти моря сами очень интересные, особенно Берингово.

В Беринговом море на острове Ратманова люди первыми в стране встречают день. Ратмановское время на десять часов впереди московского. Здесь, от Берингова пролива к проходу между Командорскими и Алеутскими островами и дальше на юг, идет так называемая линия перемены дат. На судах, идущих на восток, пройдя эту линию, перелистывают календарь на сутки назад, а на тех, что идут на запад, прибавляют сутки вперед.

Итак, решено. Иду вдоль берегов Чукотки. Сначала Анадырский залив. Побываю у геологов. Потом бухта Провидения, большой арктический порт. За мысом Дежнева — Уэлен, родина знаменитостей. Там жил и работал талантливый чукотский косторез и сказитель Вуквол, погибший во время Отечественной войны на Ленинградском фронте. Там же родился первый писатель Чукотки Юрий Рытхэу, автор широко известных книг — «Чукотская сага» и «Время таяния снегов».

За Уэленом мыс Сердце-Камень, затем — Нутепельмен, по-чукотски — край земли. Нутепельмен стоит на берегу Колючинской губы, которая почти никогда не бывает спокойной. Это район самых разрушительных ураганов. Раньше чукчи называли его ярангой Еонле — домом Повелителя ветров.

У острова Колючина когда-то зимовала знаменитая «Вега». У этого же острова, поломав о льды лопасти винтов, начал поход под парусами первооткрыватель большого Северного морского пути «Сибиряков». Недалеко от острова погиб героический «Челюскин». Эта трагедия

в Колючинской губе была последней. Теперь Колючинская полярная станция, изучающая гидрологию Чукотского моря, заранее сообщает судам о надвигающихся ураганах. Однажды в Ленинграде я встречался с начальником этой станции Львом Дмитриевичем Пучковым. Непременно постараюсь повидаться с ним. Потом зверобой Нутепельмена перебросят меня на вельботе на мыс Шмидта, тоже к полярникам. Оттуда на попутном судне доберусь в Певек. Там работает старейшая ледовая обсерватория и живет мой давний знакомый, известный на весь мир радист Иван Никитич Хомутов, бородач, перед которым почтительно склоняет голову вся Арктика.

Кроме полярников, в Певеке живут геологи и гидростроители. Парадоксы природы: в поселке, со всех сторон окруженном водой, нет воды. Пресную воду приходится возить за десятки километров с острова Раутон. Много лет с этим мирились и считали, что изменить ничего нельзя. Оказывается, можно. На берегу Ледовитого океана строится огромное водохранилище.

После Певека можно самолетом, уж куда ни шло, добраться до острова Врангеля.

Наперед наслаждаясь романтикой арктического путешествия, я от удовольствия потирал руки, но мой энтузиазм значительно поубавился, когда я узнал, что сейчас по выбранному мною маршруту суда не ходят.

— Летите на Зеленый мыс, там сейчас много интересного, — посоветовала Нина, которая помогала мне утрясать маршруты.

Когда говорят о Зеленом мысе, я сразу вспоминаю наш поход к устью Алазеи.

Закончив свой путь, мы разбили палатки и решили немного отдохнуть. Не отдыхал только Вавилов. Он устроил рацию и сообщил на базу, что все живы, здоровы и завтра отряд приступает к работе. Радист базы сначала передал нам поздравления начальника экспедиции, потом отстучал присланную из Москвы на мое имя телеграмму, в которой требовали, чтобы я немедленно возвращался в редакцию. Вавилову предлагалось помочь мне добраться до базы.

— Какого черта вы сюда тащились? — Вавилов впился в меня своими бросающими в трепет глазищами.

Что я мог ответить? Меня самого телеграмма ошарашила.

В отряде я был человеком бесполезным, но меня нельзя было отправить одного. Транспорт у нас был. Зимой сюда забросили горючего и небольшой вельбот с навесным мотором. Суденышко ненадежное, но выйти на нем в море и, прижимаясь к берегу, добраться до устья реки Колымы, а оттуда до Крестовой было вполне возможно.

Но управлять вельботом я не умел. За руль должен был садиться кто-то из отряда. Выбор пал на Сашу Рубцова, нашего морячка. Поэтому Вавилов и злился. Если избавиться от назойливого корреспондента ему в конечном счете было желательно, то остаться без Саши, на плечах которого лежала добрая половина всех поисковых работ, вовсе не хотелось.

Сколько мы натерпелись с Сашей, одному богу да нам известно. Если вам кто-нибудь посоветует идти в морской поход на вельботе с подвесным мотором, считайте, что он жаждет вам всех зол, какие только есть на земле. Все жилы выматывает проклятуший мотор. Чуть его захлестнет — глохнет. Хорошо еще, что предусмотрительный Саша захватил весла. Но попробуйте не разгибаясь грести восемь дней подряд!

Я поражался Сашиной выносливости. На восьмой день наш мотор, работавший все это время не более полутора часа в сутки, вышел из строя совсем. После трехчасовой битвы с этим отродьем машинного рода я в изнеможении рухнул на дно вельбота. И Саша не возмущился.

— Тут вам неудобно, лягте на мешки, — критически взглянув на дно вельбота, спокойно сказал он.

В походе по Алазее я узнал его плохо. Впечатления серьезного человека он не производил. Так, веселенький морячок. Теперь я видел, что ошибся. Его забота меня растрогала, а смотреть, как он один борется с волнами, стало стыдно. Я с трудом встал и взялся за весло, но Саша весло у меня отнял, сказал строго:

— Отдохните еще! — И, как всегда, расплывшись в улыбке, прихвастнул: — Мы, флотские, закаленные!

Флотскую закалку я уважал, но все-таки сел за весло. Надо было торопиться. Шел дождь, на смолисто-черных волнах клубилась серая пена. Приближался шторм, а скалистый берег был неприступен.

По нашим расчетам, до устья Колымы оставалось миль три-четыре. Мы надеялись проскочить этот путь до шторма.

Удивительно ощущение грандиозности окружающего пустынного мира. Слева — бесконечная мгла моря, справа — такая же бесконечная тундра. Огромное низкое небо. Тяжелые тучи напоминают нагромождение скал. Далеко на мутном горизонте тоже похожие на скалы айсберги. Грохот волн, свист ветра, хлюпанье дождя и все же — тишина. Она незыблема. Голос теряется в пространстве, не спугнув ее. Кажется, что за многие века здесь ничего не изменилось.

Трудно поверить, что когда-то, хотя и очень давно, эта пустыня была самым густонаселенным побережьем Ледовитого океана — здесь жило племя онкилонов. Легенда говорит, что их было столько, сколько звезд на небе. Они исчезли бесследно и загадочно. И кто знает, разгадают ли люди тайну их исчезновения.

Над нами, гонимые надвигающейся бурей, пролетели лебеди.

— Гонг! Гонг! — стлалась вдоль берега лебединая песня.

Заводь спит, молчит вода зеркальная,
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится печальная,
Как последний вздох души.

Это прощальная песня умирающей птицы. Ее слышит один из тысячи, кто видел лебедей.

Лебеди, лебеди, гордые и нежные, почему грустью вы веете на меня?

— И чего оно так: красивые, а вымирают? — провожая взглядом лебедей, вздохнул Саша.

Монотонность и пустынность окружающего нас пейзажа тоже угнетала его.

Иногда на береговой гальке белели кости мамонтов, и мне стоило больших усилий, чтобы удержать себя от соблазна загрузить вельбот гигантскими бивнями и позвонками, пролежавшими здесь с доисторической эпохи.

Русский ученый А. Ф. Миддендорф, побывавший в этих краях, писал, что по количеству мамонтовых костей приколымский берег Восточно-Сибирского моря не имеет себе равных во всем мире. В обрывах и разломах вечной мерзлоты тут встречаются не только кости, но и совершенно сохранившиеся туши мамонтов. Во время Великой Северной экспедиции из такой туши ученые сделали котлеты и нашли их вполне съедобными.

Однажды рядом с костями мамонта мы увидели лохматый ствол пальмы. Откуда появилась в Ледовитом океане эта обитательница далеких южных стран, какие ветры и течения принесли ее к суровому берегу Восточно-Сибирского моря?..

Шторм настиг нас в устье Колымы. Мы стремились к этой реке, никак не ожидая, что в середине июля ее дельта забита льдами.

Узкий проход оставался лишь по центру устья, и мы, спасаясь от шторма, были вынуждены повернуть к нему. Это нам чуть не стоило жизни.

Мы наскочили на так называемый речной бар. Налетевший с моря шквал (высота волны 10—12 метров) на какую-то секунду остановил течение реки. Образовалась водная плотина, которая под мощным напором двух противодействующих сил взорвалась.

Если бы наш вельбот в это мгновение оказался по ту сторону бара, мы были бы спасены. Но пройти линию «плотины» мы не успели и нас погнало в море.

Об управлении вельботом не могло быть и речи. Его швыряло, как брошенную в кипящую воду пробку. Стоял полярный день, но было темно. Насколько далеко угнало вельбот от берега, мы определить не могли. Временами в грохоте волн я слышал истошный вопль Саши:

— Вали!

Что значило: навались на борт сильнее.

Темнота между тем сгущалась, шторм крепчал. Наше положение становилось все хуже. Я уже не говорю, что нас пронизывало ветром и окатывало ледяными брызгами. Главная опасность таилась под ногами. Мы стояли по колено в воде, которая катастрофически прибывала.

Схватив меня за шиворот и отбросив к корме, чтобы не нарушить равновесия, Саша принялся лихорадочно выхлестывать воду горстями. Вдруг вельбот взметнуло вверх, накрыло волной и в следующее мгновение я почувствовал под собой твердую землю.

Когда улеглись первые страхи и мы пришли в себя, Саша определил, что нас выбросило на Зеленый мыс глубоко в дельте Колымы.

Очевидно, очередным шквалом нас загнало назад в устье и мы опять налетели на бар, но на этот раз более удачно.

Как и все здешнее побережье, наш мыс был пустынен и дик. Низенький тундровый кустарник, белые скатерти пушицы на тонких островках мари, крутые, словно насыпанные из щебня сопки. В распадках скрюченные хилые листовницы, чуть тронутая розоватым пушком карликовая березка, тонкие стебли ольшаника. Тускло зеленели рваные заплаты ягеля. Сопки окружало болото.

Ничего похожего на обитание здесь человека не было. Быть может, на этом мысу мы были первыми? Но это не так.

В 1932 году, когда начал работать Государственный грест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы, была предпринята попытка доставить на прииски технические и продовольственные грузы северным путем, по реке Колыме. Осенью из Мурманска сюда пришли три парохода, и здесь создатели колымского речного флота провели одну зимовку. Вот какие записи об этой зимовке сохранились в дневнике одного из ее участников Павла Харламова:

4 сентября 1932 года.

Прибыли к устью Колымы. Пробивались к нему сквозь льды и штормы три долгих месяца, пользуясь каждой водной тропинкой. Самым тяжелым было Восточно-Сибирское море. Лавировали между айсбергами. Казалось, будто мы не на море, а в обледенелых горных ущельях. Сейчас стали на рейде в пяти-шести милях от берега. Он хмурый, неприветливый, голый. Все же это земля, на которой нам предстоит работать.

Мы у устья реки Колымы, которую должны изучить и освоить. Весной поднимаемся вверх до Нижне-Колымска и создадим там речной флот. По этой реке должен пойти грузопоток из Северного Ледовитого океана на юг Колымского края.

Но где же река, где же устье? Судя по карте, мы должны видеть впадающую в море реку — должна же быть граница между морем и рекой!

Но везде — вода... Виден только берег какой-то бухты, но из него не вытекает ни рек, ни речушек.

5 сентября.

Устье нашлось. Оказывается, здесь такая сложная дельта, что издали не сразу разберешь, где море, где река.

Берег ожил. За один день на нем вырос полотняный городок. Идет лихорадочная работа. Мы должны выгрузить и перебросить на берег более десятка тысяч тонн грузов. Организованы бригады и смены. Выгрузка должна идти день и ночь. Наступает зима. В нашем распоряжении слишком мало времени.

22 сентября.

Море беспрерывно волнуется. Штормы по несколько дней подряд. Редко выпадает день, когда можно работать спокойно. Никогда не забуду шторм, перешедший в тайфун. Шторм продолжался двое суток без перерыва. Связь берега с судами прекратилась. Ни одного катера, ни одного кунгаса, ни одного килограмма груза!

Наконец, шторм стал утихать. Но это было затишье перед бурей. Через несколько часов начал свирепствовать тайфун.

Страшно было смотреть на громадные серые валы, наступающие с моря. Вой ветра наводил невыносимую тоску и ужас. Пароходы бросало во все стороны.

Кунгасы и катера выбросило далеко на сушу. Волны заливали берег, утаскивали груз в море.

В эти дни почти никто не спал. Длился непрерывный аврал. Отдыхаем только сегодня. Люди едва держатся на ногах, засыпают на ходу.

23 сентября.

С каждым днем становится холоднее. Скользко, холодно, сыро. Палубы обледенели. Все покрывается белой пеленой.

Метеорологические наблюдения не предвещают ничего хорошего. Руководство экспедиции приняло решение сняться с якоря и уйти в Чаунскую губу на зимний отстой. Уходят загруженные наполовину «Север», «Литке» и «Ленин». Продолжать разгрузку будем весной, через девять месяцев.

Мы остаемся здесь. С нами то, что успели выгрузить: часть продовольствия и технического груза, рейдовый и речной флот, предназначенный для Колымы, — буксиры, легкие катера, пять барж в деталях, которые нужно за зиму собрать и весной спустить на воду. Еще две деревянные и две железные баржи с грузом стоят на рейде. Успеем ли их выгрузить? Жить придется в палатках.

25 сентября.

Куда ни кинешь взгляд, везде море и небо.

Повалил снег. Устье и прибрежная морская полоса забиты шугой. С морскими пароходами ушло радио, мы остались без связи.

27 сентября.

Опять штормило. Кунгасы, лодки и катера выбросило на берег и засыпало шугой и снегом. Теперь их нужно вымораживать и поднимать на клетки для ремонта. Но пурга не прекращается. В палатках холодно. Решили из деталей барж соорудить что-то вроде временных баряков. Будет теплее. Главная беда — мы почти без топлива. Где его брать, никто не знает.

18 октября.

Солнца нет, полярная ночь. Вместе с ней пришли сильные морозы и пурги. Морозы сами по себе не так страшны, но в сочетании с ветром они невыносимы.

Люди не вылезают из палаток и баряков, засыпанных снегом. Бич Севера — цинга — уже явилась. Наши медики — врач Кулешова и фельдшерица Киняпина — выбиваются из сил, но их лекарства мало помогают. Кажется, я тоже заболеваю. Или это цингобоязнь?

20 ноября.

Число больных не меняется. Одни выздоравливают, другие заболевают. Я отделался легко, пролежал только три недели. Погода сейчас тихая. Завтра будем ломать наш барак и приступать к сборке первой баржи. Снова придется довольствоваться палаткой.

3 февраля.

Время будто остановилось. Если бы я случайно не захватил с собой календарь и каждый день не отрывал от него по листку, мы даже не знали бы, какое число и месяц. Бесконечная ночь, бесконечная зима. Что творится в мире, нет ни малейшего представления. Временами кажется, что, кроме нас и этой тундры, на свете вообще ничего нет. Когда же придет весна? Утомительно сидеть без дела. Это самая страшная пытка. Но мы должны все вынести. Мы посланы сюда для решения большой и ответственной задачи...

Эти отрывочные дневниковые записи ко мне попали из третьих рук, и дальнейшую судьбу их автора я не знаю. Следов пребывания людей в устье Колымы мы с Сашей так и не видели.

Как бы ни были тяжелы испытания, а жизнь требует своего. С нас еще ручьями стекала вода, а Саша уже высказался в том смысле, что не дурно было бы перекусить. Я тоже не возражал, однако что мы могли найти в тундре съестного, не представлял, хотя где-то и читал, что в тундрах есть масса съедобных кореньев, но есть и ядовитые. Так как мы в них не разбирались, то, надо полагать, начали бы непременно с ядовитых, от чего предпочли воздержаться.

Я не сказал, что во время нашей пляски по волнам все содержимое вельбота, за исключением нас самих, было вытряхнуто и великодушно брошено рыбам. Вельбот же к дальнейшему плаванию был непригоден. Уцелело только то, что было в карманах: два коробка отсыревших спичек и пачка размокших сигарет.

Взвесив на ладони наши сокровища, Саша озадаченно вздохнул, но сказал весело:

— Пустяки, не в таких переделках бывали!

...Саша, бедовая голова, где ты бродишь теперь? Что бы я делал тогда без тебя? Туго нам пришлось, друг мой хороший. Все, что могли взять мы у тундры, — это горькие корешки ягеля, грибы да водянистая кислая ягода. Могли ли мы предположить в те дни, что спустя всего два месяца у скалистых берегов Зеленого мыса бросят якоря полярные лихтеры и за зиму на мысе встанут здания большого морского порта? Мы даже в нашу кимберлитовую трубку тогда еще не очень верили. Боялись только признаться в этом. А ее все-таки открыли. Может быть, поэтому и нет на Колыме Вали Поляковой. Видно, строит вымечтанный Костей город Любовь.

Раньше недра колымской тундры считали бесплодными. Опровергнуть это первыми попробовали геологи Магадана. И опровергли. На берегах Ледовитого океана уже работают оловянные рудники, найдены богатые залежи различных металлов, есть признаки нефти. От Зеленого мыса на юго-восток в глубь тундры, немного левее пути, по которому мы шли с Сашей Рубцовым, лежит путь к двум молодым приискам — имени Билибина и «Комсомольскому».

В Билибино за одно лето завезли сорок тысяч тонн грузов, построили больницу, школу, магазины, клуб, сотни жилых домов.

Еще не увидев все своими глазами, я восхищался этим потому, что знаю тундру и понимаю, что это значит. Происходят события величайшей исторической важности. Это уже не просто добыча драгоценного металла. Происходит нечто неизмеримо большее — завершается уничтожение последней многовековой несправедливости, когда развивались и пользовались всеми благами только те районы, где щедрая природа подарила людям все лучшее. Далеким северным окраинам нашей страны перестают быть лишь холодной пустыней да землю чаучу и кавралинов — оленеводов и зверобоев. К берегам Ледовитого океана идет индустрия. Чукотка взяла старт на громадный прыжок — из века первобытной девственности в век наивысшего расцвета.

Я был благодарен Нине за настойчивый совет лететь на Зеленый мыс и надеялся, что этот маршрут уже не изменится. Однако он все-таки изменился.

Самолет на Чукотку уходил на следующий день рано утром. Чтобы не терять времени попусту, я решил предварительно поговорить с кем-нибудь, кто побывал на Зеленом мысе недавно. Скорее всего таковыми могли оказаться местные журналисты, поэтому я и направился к ним.

За столом ответственного секретаря редакции «Магаданской правды» сидел худой, горбоносый человек. В курчавой, вздыбленной чуприне поблескивает седина. Вид с первого взгляда хмурый, но глаза приветливые.

Знакомимся. Перекинул через стол корявую, никак не журналистскую ручищу, тихим, как после долгой простуды, голосом говорит:

— Буланов, Владимир Антонович.

Разговор сразу о тундре. Услышав, что я собираюсь на Зеленый мыс, Владимир Антонович качает головой:

— Не стоит. Я только оттуда. Все время в транзитных аэропортах потеряете. В той стороне кругом нелетная погода. Езжайте лучше по Колымской трассе. Главное лицо Колымы здесь, на трассе. — Он ловко подбросил к себе лист чистой бумаги, толстым синим карандашом начертил что-то напоминающее контуры сердца. — Это наша трасса, без ответвлений. Кормилица колымская.

По ней снабжаются три крупных промышленных района: Ягоднинский, Сусуманский и Тенька. Тут все работает на золото.— Карандаш поставил жирную точку.— Совхоз «Дукча» дает молоко, овощи и яйца. Стекольный завод посуду делает. Будете ехать — увидите поселок Стекольный. У нас и курорт есть, «Талая». Немного вправо от трассы надо ехать. Везде морозы, выюжит, а в Талой теплынь. Там горячие ключи. В совхозе «Сусуман» увидите пчел, прямо над дорогой десять ульев стоит. Лето короткое, а мед дают. И себя на зиму обеспечивают. Здорово, правда? Колыма все же. Но не это главное.

Карандаш пополз по контуру «сердца», словно споткнувшись, остановился. Владимир Антонович многозначительно поднял брови.

— Оротукан. Советую побывать. Тут самый старый на Колыме и самый северный в Союзе металлургический завод. Внушительная машина, рабочих тысячи четыре. Горное оборудование делают и сталь варят.

Острие карандаша вернулось на несколько сантиметров ниже Оротукана.

— Карамкен пропустил. Вот тут он. Дорожное управление, эксплуатационники. Когда запуржит, на трассе им достается больше всех...

Не буду перечислять всего, что говорил о Колымской трассе ответственный секретарь «Магаданской правды». Наш разговор закончился тем, что предложенный Владимиром Антоновичем маршрут заменил все предыдущее, и утром следующего дня я отправился в путь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАКАЗ ПЕТРУ ЦИРКОТУ.—ШЕЛ 1932 ГОД.—ДОЛГ
НАС ОБЯЗЫВАЕТ УМЕРЕГЬ САМИМ, НО СОХРАНИТЬ
ЖИЗНЬ ТЕХ, КТО В ТАЙГЕ.—МЕНЯ ВЕРБУЮТ
В ШОФЕРЫ.—СТАРЫЙ ПРИЯТЕЛЬ ПЕТРА.—ПОСЕ-
ЛОК МЕЖДУ ГРАНИТНЫМИ УТЕСАМИ.—МЫ ШЛИ
В ПОЛНУЮ НЕИЗВЕСТНОСТЬ.—ВСЕСИЛЬНЫЕ РУ-
КИ.—СО МНОЙ НАСТОЯЩЕЕ

Н

овенький газик весело наматывал километры: то гладкие, как металличе- ская лента, то похожие на бока тощей лошади. Шофер Петро Циркот, долговязый чернявый парень, недавно демобилизованный из армии, восседал за рулем с министерской важностью. Ему наказали прокатить корреспондента по всей центральной Колыме, и он гордился таким поручением: это ведь не просто баранку крутить — Колыму показать!

Колымой гордится каждый колымчанин, независимо от того, давно он сюда приехал или только приживается здесь. Величие и красота этого неласкового края покоряют, как море.

Вдоль трассы плывут задымленные сизым туманом сопки. На самых высоких белеет снег или дремлют облака. Часто, прижавшись к дороге, подолгу провожают машину шумливые речки. В прозрачной воде, такой прозрачной, что видно каменистое дно, купают ветки-косы тальники, смотрятся в заводи грустные северные тополи. Иногда над речными рукавами, где вода чуть темнее и слабее течение, вспыхивают и быстро гаснут маленькие фонтанчики. Это танцует хариус. Рыбаки называют его лакомством богов. Его мясо кажется сдобным, а запах словно у апельсина.

Тайга на сопках и в распадках мелкая, листовницы точно игрушечные. Сопки, в осеннем наряде, багряные. На земле разместились вольно, у каждой свой надел. Все вечно зеленых юбках стланика, стелющегося кедрача.

Бордово-салатовыми коврами стелется багульник, ярким полемем горит ерник, безвольно, словно случайные слезы, роняет листья ивняк.

Природа пестра, девственна и мудро спокойна.

Не хочется верить, что в этих самых местах большую часть года беснуются вьюги, с сухим перетреском бродят шестидесятиградусные морозы, оглашают тайгу пушечной пальбой наледи.

Здесь наледи — это не то, что видел на Гилуе Валерий Каминский. На Дальнем Востоке они встречаются только на реках, а здесь всюду: и на реках, и на земле. Грунтовые наледи, пожалуй, самое скверное, чем знаменита колымская мерзлота. Летом скованная долгими зимними морозами земля немного оттаивает, обычно на полметра, а то и метр. С наступлением зимы она снова замерзает, но очень медленно. Сначала как бы покрывается тонким панцирем. Постепенно толщина панциря увеличивается, и он идет на сближение с вечной мерзлотой. Между двумя слоями — вновь замерзающим и никогда не оттаивающим — накапливается вода. Она испытывает огромное гидростатическое давление и, найдя слабое место, вырывается наверх с оглушительным взрывом, который можно принять за выстрел из пушки.

Над взорванным грунтом поднимаются мощные фонтаны, которые на лету замерзают. За зиму в тайге там и тут вырастают целые ледовые горы. Иногда им угодно вымахать прямо посреди дороги, и тогда все движение останавливается.

Но сейчас у нашего газика нет никаких преград. Дорога навстречу мчится широкая и прямая.

Кормилица колымская...

Шел 1932 год.

10 января.

Погрузились на «Сахалин». Нас четверо: директор Эдуард Петрович Берзин, начальник будущего Нагаевского порта Эрнест Оттович Лапин, доктор Ян Яныч Пуллериц и я. Мы первая группа руководства Дальстроя. Остальные приедут в Нагаево весной.

С нами на пароходе двести человек завербованных во Владивостоке рабочих и комиссия из Москвы, которая

На будущей строительной площадке

ДОРОГИЕ

МОИ

КОЛЫМЧАНЕ

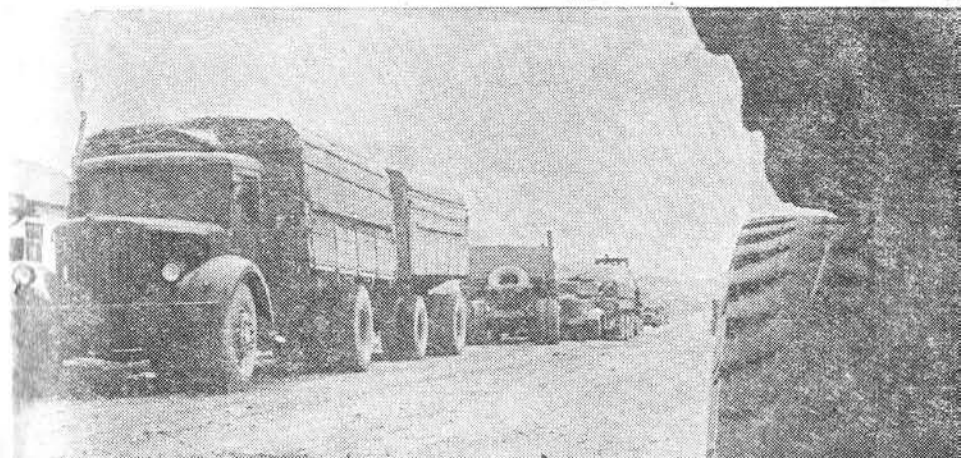
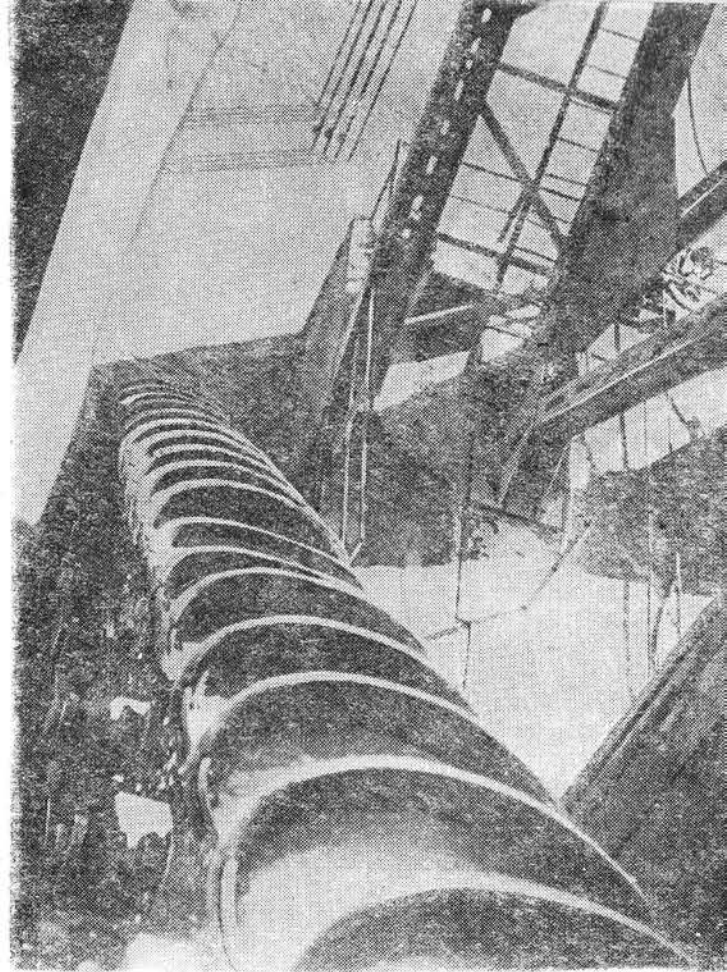
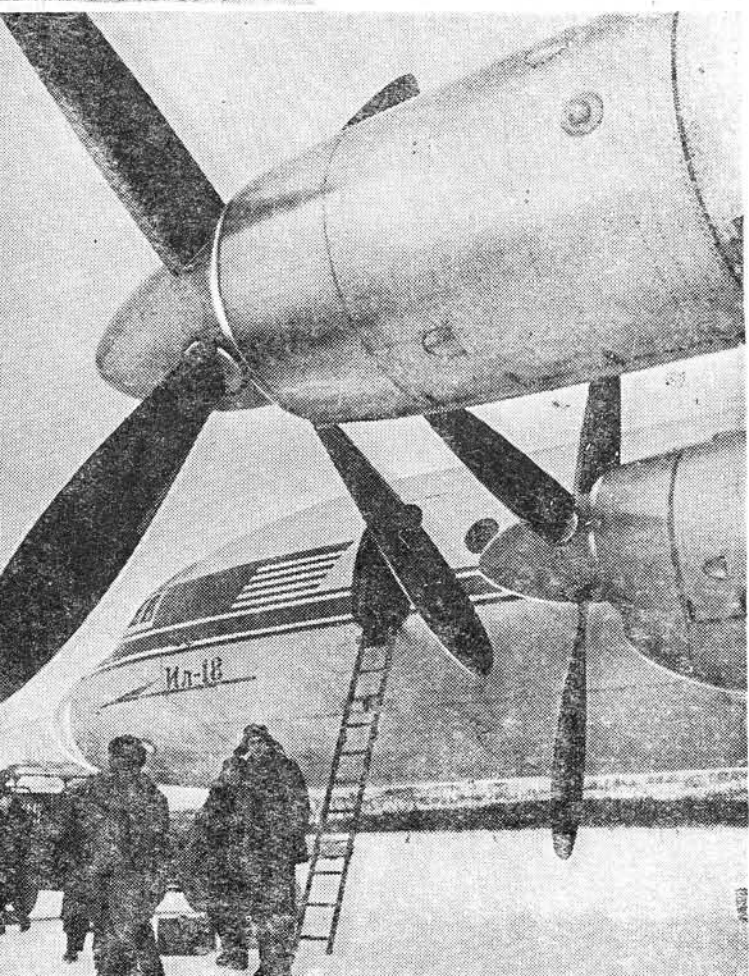

Галя Волошенко прошлого Колымы не знает. Она приехала строить Магадан, когда..

в Магаданском аэропорту приземляются гиганты пятого океана...

на колымских приисках золотоносные пески черпают вот такими ковшами. Это ковши мощной драги...

по колымской трассе мощные МАЗы доставляют на прииски грузы.

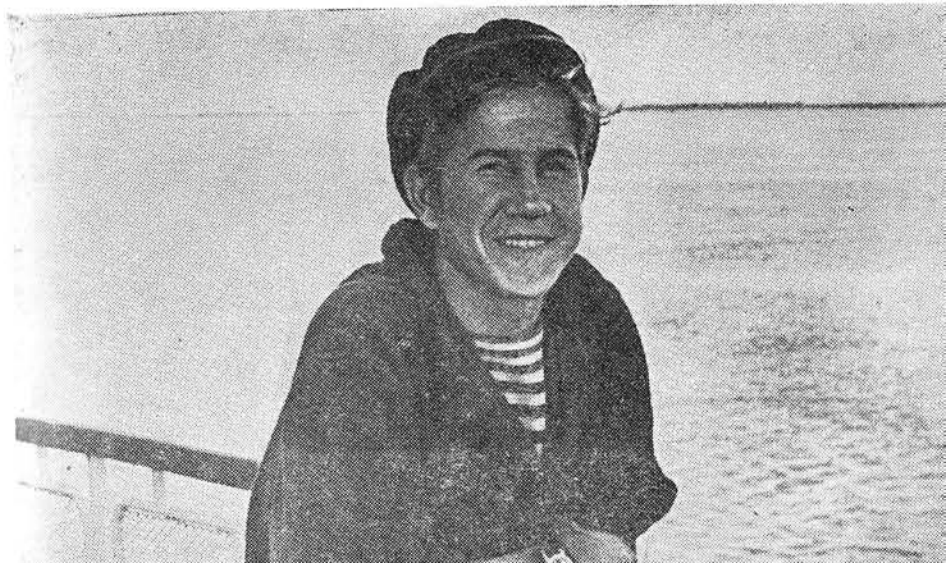
Капитан, которому «kozyряют» все рыбы бухты Нагаева,— Павел Илларионович Федоров.

Виктор Васильевич Иванов.

Человек, для которого жизнь — сумма трех чисел: интерес, плюс борьба, плюс радость,— Валерий Каминский.

Несравненный мой Юрочка Бушув.

О Людке Даниловой в этой книге не написано ничего, но она тоже колымчанка и могла бы стать одним из ее героев. Ей восемнадцать лет. Она учится в вечерней школе и работает на таежной метеостанции синоптиком.

Магаданцы любят свой областной музыкально-драматический театр им. А. М. Горького.

Хоккей у колымчан — один из самых популярных видов спорта. На льду магаданского стадиона хоккейные страсти часто бушуют до поздней ночи.

Колымский курорт Талая

должна ликвидировать колымское управление Цветметзолота и передать бразды правления в наши руки.

От причала Золотого Рога отходим в 13 часов. Говорят, что где-то в Охотском море нас встретит ледорез «Литке».

14 января.

Идем самым малым в непроглядном тумане. Капитан заметно нервничает, но все еще преисполнен гордости — на Дальнем Востоке такой поздний рейс с юга на север совершается впервые.

Настроение в общем бодрое. Гадаем о будущем. Доктор слабривает свои фантазии анекдотами. Слушаем и веселимся.

19 января.

Уже в Охотском море. Третьи сутки «Сахалин» пробивается сквозь тяжелые льды. Над морем снежная мгла и ветер.

Вчера установили радиосвязь с «Литке». Идем на встречу друг другу. Продвигаемся очень медленно, мешают льды.

Эдуард Петрович прочитал рабочим и команде судна лекцию о международном положении. Получилось с юморком и просто. Слушали внимательно.

21 января.

От 4 до 8 часов утра «Литке» сделал семь миль, мы — около четырех. Утром между нами оставалось сорок миль. Народ суетится, с нетерпением ожидая подхода «Литке».

После полуденной проверки выясняется, что расстояние между нами — двадцать миль.

Народ совсем переполошился. Каждую минуту бегут на нос парохода.

В 17 часов получено радио, что хорошо видят нас, но вышел весь уголь, сжигают мусор: «Продержусь на ходу не больше часа. Расстояние 10—12 миль».

Капитан видел с мостика дымок. Волнение достигает апогея.

Около 18.00 на палубе крики: увидели фонарь на мачте «Литке». Очередной мираж. Сбегают облака — это только звезда.

Получено радио: «Литке» остановился. Через некоторое время пускает ракету — совсем слабенький огонек.

22 января.

В 0.05 довольно четко вырисовался контур «Литке». Через 10 минут он неожиданно двинулся вперед, но еще через 20 минут остановился в конце проталины, в 300—400 метрах от нашего правого борта. Сообщает: «Больше двигаться не могу!»

«Сахалин» начинает маневрировать, но удается одолеть не больше 50 метров. Дальше все попытки разбиваются об исключительную крепость льдов. Заклиниваемся. Несколько льдин с грохотом вползают на палубу.

«Литке» опять удается поднять пары. Он с разгона обходит нас с левого борта и окончательно замирает. Расстояние между бортами несколько десятков метров.

Улучив удобный момент, перебрасываем концы и на лебедках подтягиваемся друг к другу. Наш капитан спрашивает с мостика:

— Есть привальный брус?

Матрос с «Литке» вместо ответа:

— Приперся, наконец, старая... Есть брус!

— Где команда для погрузки угля? Почему люди не приготовлены?

— Людей нет. Команда выбилась из сил.

— Дайте трап.

— Трапа нет — сожгли.

Перебрасываем свой, посылаем людей, и через час 350 мешков угля уже в трюме «Литке».

Перебираемся на ледорез. В кубрике, мастерской и других помещениях тела уснувших кочегаров, матросов и командиров. В кочегарку были мобилизованы все. Последние сутки топили шлаком, облитым маслом и краской, стойками, трапами, кормовыми грузовыми стрелами, старой мебелью и перегородками. Дошли даже до обшивки помещений.

4 февраля.

Прибыли в бухту Нагаева поздно вечером. Над сопкой, к западу от бухты, висели клочья темных снежных облаков, окрашенных по краям отблесками заходящего солнца. От этого вечерние сумерки становились гуще,

мрачнее. Маленьких домиков и разноцветных ситцевых палаток за их пеленой почти не было видно.

На льду нас ждал старый полуразбитый трактор с большими, сколоченными из бревен санями.

Проехали бухту. Дорога пошла на подъем. На вершине холма, за домиками и палатками начинается тайга. Сзади на фоне вечернего неба вырисовываются очертания Каменного Венца. Возле него, у самых ворот бухты, три слабых силуэта пароходов: наш «Сахалин», застрявший здесь еще с осени «Теодор Нетте» и красавец «Литке».

«Стальной конь» тащит за собой сани с громким пыхтением и чиханьем. На подъемах чиханье и пыхтенье усиливаются. Иногда сани останавливаются. Тогда мы соскакиваем и помогаем нашей «лошадке» взять препятствие.

По дороге то и дело попадались группы подвыпивших старателей. Одна из них преградила нам дорогу, шумно приветствуя изысканным матом.

День давно угас, когда мы достигли домика на берегу небольшого овражка, приютившего на своих склонах несколько палаток, жалкие домишки и конную базу.

Наш домик сбит из сырого леса, стены и потолок покрыты седой изморозью. Когда печка топится, изморозь тает и на нас капает вода.

Мы рады и этому приюту. Ничего лучшего мы не ждали. Каждый заранее знал, что на долгие месяцы, а может, и годы, придется забыть об удобствах.

Вечером началась пурга. Все кругом грохочет, охает и гудит. Вздрагивают стены избышки.

Мы сидим и молчим. Только наша бородатая «мамка» — Эрнест Оттович — время от времени подбрасывает в печку свежие дрова и, прислушиваясь к завываниям бури, изредка отпускает крепкие словечки из своего морского лексикона.

Когда сели пить чай, раздался стук в дверь. Зашел познакомиться с нами заведующий конной базой Луненко, невысокого роста, с обветренным лицом и серыми пронизательными глазами.

Нам он понравился с первого же момента. Познакомились. Разговорились.

Прежде всего нас интересовало положение на приисках. Луненко опустил голову, вздохнул:

— Плохо. Очень плохо. Все работы на приисках давно прекращены.

— Почему?

— Люди голодают. Совершенно иссякли всякие продовольственные запасы. Среднекан голодает уже третью пятидневку.

На Утиной положение еще хуже. Нет одежды, нет обуви. Начались разные болезни. Семьдесят процентов населения болеют цингой. Много обмороженных. В ближайшие дни и радиосвязь с приисками прекратится, потому что там нет горячего...

Стук в дверь прервал рассказ Луненко.

Открыл Эдуард Петрович. В домик ворвался ветер и снег. Свеча мигнула и погасла. Когда ее зажгли, увидели коренастого человека, одетого в черный тулуп и высокие белые валенки; на голове — добрая финская ушанка. Лицо полное, глаза узкие, немного заплывшие, но подвижные.

— Я — Домбак, сегодня еще управляющий Цветметзолотом. Кем буду завтра — не знаю. Теперь уж вы будете главнокомандовать. А я хоть завтра на паром. И так довольно тут потрудился, потерял здоровье в этом проклятом краю.

Предложив новому знакомому чай, стараемся продолжить разговор о приисках. Интересуемся, что предпринимается, чтобы спасти людей.

— А что тут можно предпринять?! — с досадой сказал управляющий. — Летом забросили на прииски продуктов только до декабря, больше продовольствия в Нагаево не было, сами сидели голодные. Ждали осенью «Теодора». Он пришел, а разгрузить вовремя ураган не дал. Начали разгрузку зимой. Опять же — пурга. Двух человек потеряли. Автомеханик Барков с жинкой замерзли на льду... Все, что в силах человека, сделали. Направили вот колонну конного транспорта. Прошел месяц, а от нее ни слуху, ни духу. Видно, тоже погибла. Шутка — пятьсот километров без дороги! Снегу до верхушек лиственниц навалило, мороз пятьдесят — шестьдесят градусов и пурга не утихает.

Эдуард Петрович спросил, есть ли автомашины.

— Есть, как же, десять штук. И десять тракторов. Ими ничего не сделаешь, говорю вам — дороги нет, тайга! Домбак ушел. Простился с нами и Луненко.

Сейчас уже за полночь. Товарищи легли отдыхать. Я дежурю у «буржуйки». Эдуард Петрович ворочается. Наверное, не спится. Я знаю, о чем он думает. Мы все думаем об одном. Слишком много ужасов рассказали нам за несколько часов.

Пурга усиливается. По временам к ее уханью и вою воображение примешивает стоны, призыв на помощь. Галлюцинация. Завтра начнется наша борьба с природой. Кто из нас выйдет победителем — мы или тайга?..

Когда начальник особого отдела Дальстроя Карл Григорьевич Калнынь делал в своем дневнике эти записи, в тайге на первых пяти золотых приисках Колымы — «Холодном», «Борискином», «Юбилейном», «Первомайском» и «Среднекане» — от голода, жестоких морозов и цинги страдало несколько сот золотоискателей. На «Холодном» люди доедали последние кожаные сапоги и ремни. На человека выдавали в день лоскутик кожи в двадцать квадратных сантиметров. Но и этот паек скоро должен был кончиться.

Посланная на помощь голодающим конная колонна бесследно пропала: либо погибла, либо застряла где-то. По непроходимой, занесенной глубоким снегом тайге можно было проехать только на собаках. Но это не имело смысла. На пятисоткилометровый путь упряжке нужно почти три центнера корма, а всего она способна увезти не больше двухсот килограммов.

Положение создалось тяжелое до крайности. Найти выход взялся директор Дальстроя Берзин.

Это был тот Берзин, который командовал Первым легким артиллерийским дивизионом латышских стрелков, охранявших Кремль и Ленина, тот Берзин, который одурачил известного английского дипломата Роберта Локкарта. Локкарт обещал ему пять миллионов рублей за то, чтобы он поднял в Москве восстание против большевиков, убил Ленина и арестовал членов Советского правительства, а потом помогал англичанам захватывать наш лесной Север. Эдуард Петрович согласился, но попросил приличный задаток. Локкарт выдал авансом один миллион двести тысяч рублей. Эти деньги вместе с планом восстания в Москве Эдуард Петрович отнес в ЧК.

«Этот красный авантюрист, — писала газета «Таймс», — запустил руку в нашу государственную кассу и теперь потешается над нами с видом невинного младенца».

Он был невысокого роста, коренастый, с маленькой круглой бородкой. Голова крупная, гладко выбрита, глаза большие, светлые, со смешинками, но взгляд цепкий, часто жесткий. У этого человека, внешне насмешливого и добродушного, была железная воля, стальное сердце и фантастическая убежденность в силе своих идей. Первый приказ, который он издал, гласил:

«Объявляю территорию Тауйского (по имени Тауйской губы Охотского моря) сельскохозяйственного района: с запада — Становой хребет, с востока — гора Хавля, с юга — бухта Мотыклей и в глубь на север — по мере возможности освоения...»

Сельскохозяйственным районом он назвал всю центральную Колыму, край, где как и в тундре, на триста — четыреста квадратных километров приходилось по одному человеку, где было много золота, но не было жилья. техники, связи, не было ничего, только пурги, злые морозы да бескрайняя дикая тайга.

В то время весь край подчинялся Дальстрою. Директор треста ведал всем и считывался только перед правительством. Он задумал получить на Колыме собственные овощи. Заставлял всех директоров приисков и начальников геологических экспедиций строить теплицы, выращивать в открытом грунте картофель, редис, капусту, создавал специальные растениеводческие совхозы и подсобные хозяйства. Уничтожить уносившую десятки жизней цингу могли лишь свежие овощи, которые на Колыму из-за большой ее удаленности завезти было трудно.

В конце концов Берзин все-таки добился своего. Распаханная вечная мерзлота стала плодоносить, давать урожай картофеля и капусты. Но это было потом, когда Колыма уже немного обстроилась. В те февральские дни 1932 года речь об этом пока не шла. Главной задачей было добраться до приисков, спасти голодающих золотоискателей.

На второй день после прибытия в Нагаево Берзин созвал всех шоферов и сказал, что необходимо добраться на автомашинах до приисков или хотя бы до половины

пути, чтобы дальше можно было перебросить продовольствие на собаках.

Машины должны были пересечь речку Магаданку и по занесенной конной тропе пробиваться к орочено-якутскому стойбищу Элекчан, возле которого начиналась вторая тропа на прииски. В пути предстояло штурмовать два перевала: Карамкенский и Яблоновый. Поскольку положение было чрезвычайным, колонна объявлялась военизированной. Комиссаром и техническим руководителем назначался молодой техник Геренштейн, командиром — опытный автомобилист Борисенко.

Из Нагаево вышли шестого февраля. Впереди простирался бесконечный снежный наст. В морозном тумане кружилась поземка. Где находится тропа, определить было трудно. Шли напролом по целику. Передняя машина зарывалась в снег выше радиатора. Мотор задышался и поминутно глох. Двигались со скоростью четырех километров в сутки. За восемь дней прошли всего тридцать один километр.

Идти дальше с такой же скоростью было бесполезно и невозможно. Начинались крутые подъемы. Машины буксовали и скатывались назад. Геренштейн и Борисенко решили возвратиться.

Услышав рокот вернувшейся в поселок колонны, Берзин выскочил из барака; бодая бородкой воздух, набросился на Борисенко:

— Вы преступник, вы с-саботажник! — Увидев почерневшие, неодобрительно нахмуренные лица шоферов, присмирел, сказал мягче: — Мы потеряли много времени, надо было сразу посылать за тракторами.

В тот же день колонна снова повернула в тайгу. Теперь дорогу прокладывали два трактора. На реке Хасын, в восьмидесяти семи километрах от Нагаево, один из них неожиданно ушел под лед. Вместе с машиной погиб тракторист.

Опять пришлось возвращаться.

Третий поход возглавил Берзин. Автомобили оставили в поселке, шли на тракторах. На сей раз добрались до Карамкенского перевала.

Перевал был наглухо закрыт четырехметровой толщей снега. Пробиваться сквозь нее тракторы не могли.

Берзин послал в Нагаево записку Калныню: «Немедленно пришлите пятьдесят человек с лопатами и па-

латками для временного жилья. Пусть возьмут также кузнечный горн, пудов десять угля и побольше канатов. Завтра поутру все должны быть у Карамкена».

Он ходил от машины к машине, улыбался трактористам:

— Ну как, батеньки, чувствуем себя?

Все за эти дни успели узнать, что нытиков он не любит, поэтому отвечать старались бодро:

— Нормально, Эдуард Петрович!

Самочувствие было, конечно, далеко не нормальным. Пурга утихла, и в тайге стало спокойнее, но пришла белая тьма. Холодное яркое солнце лило на снег столько света, что резало глаза. Защитных очков не было. Тракторист головной машины ослеп. Он крепился, переживал свое несчастье молча.

Головной трактор вел Володя Грищенко, разбитной толстячок, плясун и песенник. Весной, когда началась на Охотском море навигация, его отправили лечиться в Ленинград.

Через полгода он прислал письмо:

«Здравствуйте, ребята!

Это письмо я пишу сам. Буквы вывожу наугад, но строчки уже вижу. Врачи говорят, что зрение вернется на шестьдесят процентов. Мало, но нужно радоваться и этому. Я думал, что на всю жизнь останусь совсем темным и, честно признаться, здорово перетрусил. Если бы не Эдуард Петрович, может, ревел бы. Перед перевалом он переобувался в моей кабине, и я заметил, что у него отморожены обе ноги. Он натирал их снегом, а они и не покраснели. Я сказал ему, что может начаться гангрена, а он засмеялся: «Это ничего, батенька, перевал надо взять». Как у него ноги, целы?

Очень соскучился по вас всех, но ехать снова на Колыму, наверное, не придется. Трактор теперь прощай навсегда. Буду искать что-то другое. Я играю на гитаре, и врачи советуют поступать в музыкальное училище. Может, и поступлю. Жаль, что училища нет в Нагаево, а то бы поехал к вам. В Ленинграде скучно, не люблю больших городов. И знакомых у меня здесь нет.

А что у вас нового? Получил два письма от Геренштейна, но он интересуется моим здоровьем, а о делах не пишет. Даже не написал, кто на моем тракторе работает. Там в правую свечу вода попадает, скажите Герен-

штейну, чтобы припнал ее хорошо, а то я забыл предупредить.

Ну ладно, буду кончать. Передавайте привет Эдуарду Петровичу и пишите чаще.

Ваш Вовка».

Штурм Карамкенского перевала начался двадцать шестого февраля. За несколько минут до генерального наступления прибывшие на помощь товарищи из Нагаево и участники колонны выстроились как перед боем. Серьезные, сосредоточенные лица, полные суровой решимости глаза, на плечи, словно винтовки, вскинуты лопаты. Прихрамывая, Берзин обошел строй, заговорил сдержанно, без своей обычной усмешки:

— Хочу надеяться, товарищи, что моя агитация вам не нужна.— Пламенным оратором он не был. Фразы чеканил с трудом, тщательно выговаривая каждый слог, как человек, выучивший русский язык по книгам.— В этом необъятном и диком краю мы являемся представителями великой партии большевиков, представителями советского народа. Наши действия должны соответствовать нашей морали. Долг обязывает нас умереть самим, но сохранить жизнь тех, кто в тайге, на приисках. Так поступают настоящие товарищи, и такой вывод следует из нашей морали.— Он помолчал, как бы желая убедиться, понятно ли он говорит, окинул взглядом застывший перед ним строй и закончил уже скороговоркой:— Прошу задавать вопросы.

Вопросов не было.

— Ну, что ж, батеньки, тогда за дело!

Было 6 часов 30 минут утра. Рассвет.

Ослепшего Володю Грищенко в кабине головного трактора сменил всеумеющий Геренштейн. Он таранил лбом машины плотную снеговую стену, разрыхлял ее и отъезжал назад, уступая место рабочим с лопатами. Вдруг что-то треснуло, и трактор на глазах у всех скрылся под снегом. Люди в ужасе бросились к дыре в снегу и удивленно ахнули. Это оказалась речка Донышко. Трактор провалился под вспученный лед, но остался цел и невредим. Вода в Донышке вся вымерзла. Геренштейн стоял на сухом галечном дне и, сконфуженно улыбаясь, просил подать ему веревку, иначе из этой ловушки не выбраться.

Отогрелись остротами по адресу Геренштейна, вытащили трактор из западни и снова взялись за лопаты.

Нужно было вырвать из-под наста и отбросить в сторону примерно триста тысяч кубометров снега, обыкновенными лопатами, на ветру и лютом морозе, когда легким не хватает воздуха, а глаза слепит белая тьма. Семьдесят человек, от директора Дальстроя до повара колонны, работали не разгибая спины. Утром отмеряли четыреста—пятьсот метров, устанавливали вешку и не уходили в палатки, пока не достигали ее.

Лопались от мороза щеки, обмораживались руки и ноги. Не выдерживали даже лопаты. Металл на морозе стал хрупким, как рафинад. Лопаты разлетались вдребезги. Ковали новые. Чтобы ветер не задувал горн, его установили под ледовым куполом, в геренштейновской ловушке.

Силы таяли, но вешка с каждым днем устанавливалась дальше, дневную норму увеличивали.

Шестого марта, в полночь, месяц спустя после выхода из Нагаево первой автоколонны, вершина Карамкена была взята. Люди ликовали. Целовались, обнимали друг друга, качали Берзина. Разгоряченный, взволнованный, он забыл о своей директорской солидности, жалобно просил пощады:

— Отпустите, батеньки!

В ту ночь покорителей вершины, восхищенная, поздравляла сама природа, поставленная ими на колени. Она подарила им свою самую чудесную живую акварель — северное сияние. Сначала где-то за далекими темными сопками будто вспыхнул пожар. Красное зарево залило горизонт. Потом из его глубины выплыли сферические шары: зеленые, розовые, светло-голубые, оранжевые. Минуту постояв недвижимо, они помчались по горизонту, а там, откуда они выплыли, взметнулись ввысь гигантские огненные столбы. Небо играло всеми цветами радуги: то ослепительно яркими, то бледными, то опять яркими. По звездному морю будто тысячи рук сыпали горстями бисер. Он катился по огромному пространству, то разгорался, то мерк.

Зачарованные люди любовались величественным зрелищем, и хорошие улыбки светились на их лицах. А там, впереди, их ждал второй, еще более трудный перевал — Яблоновый...

От той победной ночи меня отделяют двадцать девять лет. Много и мало. Прошлое кажется слишком далеким и не совсем правдоподобным. Я еду по отлично накатанной дороге. Вот тридцать первый километр, откуда повернула назад первая аварийная автоколонна. Мы проскочили его, даже не заметив.

У реки Хасын, где задержалась вторая автотракторная колонна, сейчас поселок. В первый год строительства дороги на этом месте стояла палатка изыскателей. Так и осталось за поселком название Палатка.

Тротуары, широкие мостовые, зелень. Дома в основном деревянные, но есть и каменные коттеджи. Вдоль улиц тянется паутина телеграфных проводов. В центре поселка возвышаются три массивных здания: Дом культуры, детский сад и школа. На окраине протянулись похожие на ангары аэропортов гаражи. В воздухе царствует запах бензина и машинного масла.

Палатка — поселок шоферов. Народ деловой и не очень щепетильный. Увидев глазающего вокруг новичка, запросто подходят, бесцеремонно оглядывают с ног до головы, спрашивают:

— Ты откуда?

— Из Москвы.

— Чего тебя занесло?

— Да вот Колыма понравилась.

— Шоферить у нас будешь или так чего?

— Посмотрим, может, и пошоферу.

Я, конечно, шутил, но мой ответ обычно воспринимался серьезно.

— Ну-ну, смотри!

Какого-то парня в лоснящейся от мазута телогрейке привлек мой фотоаппарат.

— Рисуешь?

— Вроде этого.

— Там с Хасына видик приличный, мостик и все такое. Могу показать.

— Давай показывай.

Не спеша шагаем к виднеющемуся за поселком мосту. Идти метров двести — есть время хорошенько рассмотреть друг друга. Росточек у моего экскурсовода маленький, но вид бравый. Высоко поднятая курчавая голова, фуражка набекрень, из-под распахнутых телогрейки и пиджака выглядывает неизвестно каким чудом

сохраняющий безукоризненную чистоту галстук. Лицо смуглое, волевое и вместе с тем по-детски наивное. В прищуренных синих глазах чуть притушенный огонек. Судя по внешности, парень душа, с хитринкой только. Чувствую, что не «приличный видик» привел его ко мне. Попыхивает папиросой, осторожно выведывает:

— «МАЗ» знаешь?

— Немного.

— А насчет прицепов, спаренных например, понятие имеешь?

— Чуть-чуть имею.

— Ясно.

Сказал равнодушно, а сам исподтишка косится на мои не внушающие особого доверия руки. Потом вдруг откровенно:

— Сменщик мой, понимаешь, на «Татру» ушел. Хочешь, пару недель помощником и сразу на самостоятельную? Насчет заработка гарантирую, обиженным не будешь.

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться, но спросил серьезно:

— А не холодно?

Остановился, смотрит недоуменно.

— Чего?

— Холодно, говорю, зимой по трассе ездить.

Глаза мгновенно запольхали. Хлестко сплюнул:

— Сочи на Колыме ищешь?

Круто повернулся и гордо замаршировал в поселок. Возвращаюсь к нашей машине и вижу: стоит мой парень на крыльце магазина и, представьте себе, Петра обрабатывает.

Тут я встревожился. Чем черт не шутит, возьмет Петро да и пойдет сменщиком на «МАЗ». И останусь я у разбитого корыта.

Ускорил шаг, кричу Петру сердито:

— Поехали!

Оба заторопились мне навстречу. Ну, думаю, сговорились. Вижу, однако, что-то не то.

Парень идет смущенный, а у Петра рот до ушей, хохочет:

— Так цэ шо, Витька вас в шофэры наймав?

Оказывается, этого парня Петро давно знал. Два года назад он служил в армии в Казахстане, тоже был

шофером. Там и познакомился с моим «вербовщиком». Теперь они встретились как старые приятели, и Виктор, у него редкая фамилия — Свирепый, приглашал нас по этому случаю к себе в гости. Посмотреть, как живет один из хозяев Колымской трассы, мне было интересно, и упрашивать себя мы не заставили.

Квартира Виктора — в каменном коттедже. Маленькая прихожая, кухня и две комнаты: спальня и столовая. Обстановка подобрана со вкусом. Книжный шкаф, пианино, диван. Посреди комнаты, под люстрой, круглый полированный стол. В углу телевизор. На стене, выше гобелена — большой портрет Шиллера, а над пианино — пейзаж Левитана.

Встретила нас высокая чернявая женщина лет двадцати восьми. Одета по-домашнему, в голубое, под цвет глаз, ситцевое платье. Беременная, но стройная. Жестом гостеприимной хозяйки пригласила пройти в комнату, подала руку.

— Тая!

— Знаешь, кто это? — сказал Виктор. — Корреспондент! Он с Петькой по Колыме ездит. А Петьку помнишь? Он у нас в совхозе работал.

Она улыбнулась.

— Помню. — Обратилась к Петру без особого удивления: — Как вы сюда попали?

— Север ришыв покорять, — напыжившись, солидно сказал Петро. — А вы як?

— Мы сюда жизнь заново начинать, — ответил за жену Виктор. — Много всякого было. А теперь вот сына ждем, колымчанина...

За Палаткой, на сто третьем километре трассы, Карамкен. Подъезжаем, и в памяти всплывают картины первого штурма этого перевала. Он скрыт за поворотом, и воображение рисует его неприступно грозным. Но вот промелькнул столбик с цифрой 102, а машина мчится с той же легкостью.

За поворотом, точно из-за сорванного занавеса, — поселок. Он как бы вытеснил кусок горного хребта. Слева и справа, до самых туч, вертикально обрубленные гранитные утесы, перечеркнутый дорогой на две равные половины поселок — между ними. Вид его необычайно

живописен. Нет никакой планировки. Дома разбросаны меж лиственниц в беспорядке. Но в их размещении есть и какая-то закономерность. Площадь, занятая каждым, пропорциональна его размерам. Чем больше дом, тем больше свободного пространства вокруг него.

Обращает внимание своей массивностью двухэтажный клуб. Построить такое здание на вечной мерзлоте чрезвычайно сложно. Мне приходилось видеть разломанный мерзлотным вспучиванием двухэтажный дом в Якутске. Под врытым глубоко в землю фундаментом вырос холм, и фундамент под его давлением вылез наружу. Напор был так велик, что дом от фундамента до крыши разломился пополам, как перезревший абрикос. Оказалось, что мерзлота «задыхается» от недостатка воздуха. Первыми на Крайнем Севере ее научились усмирять магаданцы. У них она мирно ведет себя и под пятиэтажными зданиями.

Теперь опыт магаданских строителей распространяется на всю Колыму.

Единственные строения, тесно прижатые друг к другу,— теплицы. В Карамкене их много. На Колыме их всюду много. Я ехал по трассе, и мне казалось, что в придорожных поселках больше теплиц, чем домов. Сначала меня это удивляло. Хотя центральная Колыма край таежный, топливо здесь на строгом учете. Чтобы достигнуть своей зрелости, лиственница должна расти триста лет, поэтому ее порубки запрещены. Дома отапливают углем. Цена одной тонны не слишком велика, но в морозы обыкновенная голландская печь поглощает за зиму тонн двенадцать, а то и все пятнадцать. А теплицы надо отапливать и летом. Если перевести все затраты на себестоимость урожая, то цена овощей получается слишком высокой.

Но отопление теплиц предприятий и приисков стоит гораздо дешевле. В каждом поселке есть предприятия, имеющие одну-две котельных, и теплицы отапливаются отходами рабочего пара. Самое большое тепличное хозяйство у Аркагалинской ГРЭС. Отходами рабочего пара отапливаются два поселка и теплицы общей площадью в пять тысяч квадратных метров. С одного метра снимают до двадцати килограммов овощей.

Однако вернемся к Карамкену. В нем разместилось главное дорожное управление Колымы, но мы там никого

не застали. На дверях висело объявление: «Все на трассе».

Когда-то на дверях райкомов были объявления: «Все ушли на фронт». У дорожников свой фронт. С приближением зимы для них наступают самые горячие дни. На Крайнем Севере дороги нельзя покрывать асфальтом. Под плотным асфальтовым покровом вечная мерзлота вспучивается. Поэтому Колымская трасса грунтовая. Но движение на ней не меньше, чем, скажем, на такой перво-классной автомагистрали, как шоссе Москва—Симферополь. И машины идут тяжелые, автопоезда весом от тридцати до пятидесяти тонн. За лето проезжее полотно трассы здорово разбивают дожди и машины. Отремонтировать его надо до морозов и вдоль всей трассы поставить вешки, чтобы в пургу у шоферов были ориентиры. Словом, дел много, а рабочих рук мало. Потому на дверях дорожного управления временами появляется такое объявление. Готовить трассу к зиме из Карамкена выезжают все, даже семьи дорожников. В поселке остаются лишь те, кто смотрит за теплицами, учителя да работники детского сада.

Газик мчится дальше, в глубь Колымы. Мчится по-прежнему ровно и легко. Трудного Карамкенского перевала сейчас фактически нет. Строители Колымской трассы его уничтожили. Но достаточно восстановить в воображении обрубленные гранитные утесы, между которыми лежит поселок, чтобы представить, каким был этот перевал в 1932 году, когда в зимнюю стужу на его вершину карабкались первые тракторы.

Им приходилось взбираться на головокружительную крутизну высотой до семисот метров. И все-таки они взобрались на все вершины, пробились сквозь снежные заносы и таежные завалы.

И голодающие на приисках были спасены.

Во время того похода стало ясно, что Колыма без большой, способной пропускать тысячи машин дороги жить не сможет. Об этом говорили еще в 1928 году первые разведчики колымского золота. Но тогда к ним не особенно прислушались. Жила ведь сотни лет и живет до сих пор без крупных дорог соседняя Якутия. А горная промышленность там развивается успешно. Однако в

похожей по природным условиям на Колыму Якутии есть Лена, Индигирка, Яна, Вилюй и Алдан. Эти реки связывают основные промышленные центры и заменяют около пятнадцати тысяч километров дорог, чего не может сделать не везде судоходная река Колыма со всеми своими притоками. А строительство промышленности в крае намечалось гораздо большее, чем в Якутии: сразу несколько десятков приисков. Завезти туда по девственной тайге технику было немыслимо.

В 1932 году в этом уже никто не сомневался, и Дальстрой принял решение строить Колымскую трассу. Весной того же года в тайгу отправился первый отряд изыскателей.

В Магадане мне подарили дневник начальника этого отряда Василия Кузнецова, который спустя десять лет погиб на фронте под Москвой.

Тоненькая ученическая тетрадка, серенькая, с замочками краями. Один уголок обожжен. Страницы в мутной желтизне, ворсятся и хрустят.

Сделанные химическим карандашом записи поблекли, местами расплылись. Почерк мелкий, убористый, читается с трудом. Видно, ее долго носили в кармане, потом разглядели.

«...Мы шли в полную неизвестность. Никто не мог сказать, что ждет нас впереди. У нас были бодрость духа и горячее желание выполнить поставленную перед нами задачу, но не было ни географических карт, ни хотя бы приблизительного знания местности и, самое главное, — не было никакого опыта. Как-то так получилось, что в нашем отряде не оказалось ни одного таежника. Все мы выросли в больших городах и никогда не видели даже настоящего леса.

Наш поход нам казался веселым туристским путешествием. Если мы чего-то и опасались, то это хищных зверей, и вооружились до зубов, а надо было вооружиться обыкновенными инструкциями, как форсировать реки, преодолевать подъемы и спуски, распознавать мари и находить по ним проходы. Если бы у нас были такие инструкции и небольшая тренировка, может быть, нам не пришлось бы перенести тех страданий, которые выпали на нашу долю на Черной мари...»

От Нагаево до Черной мари двести тридцать километров. Теперь здесь поселок и озеро. Непроходимую марь, которая занимала свыше четырехсот гектаров, строители дороги уничтожили.

Отряд Кузнецова принял марь за обычную заболоченную долину. Высокая трава, кочки, изредка маленькие зеркальца озер. Только когда уже в центре долины неожиданно провалилась и с головой ушла в землю передняя лошадь, все вдруг увидели, что находятся на трясине. Счастливая случайность вывела отряд на крохотный твердый островок, со всех сторон окруженный гиблой падью. Не было пути ни вперед, ни назад. Там, где неизвестно каким чудом прошел отряд, будто кто-то прорыл канал. Потревоженная полоса мари осела и покрылась водой. С каждой минутой она становилась все шире. Прибывающая вода начинала затоплять островок.

«...Положение усложнялось тем, что поблизости не росло ни одного дерева, которое можно было бы срубить и бросить под ноги. Сами мы могли прыгать по кочкам или пробираться ползком. Но мы были не в силах тащить на себе лошадей и завьюченный на них груз. Я приказал разбить ящики с галетами и сделать из досок для животных что-то наподобие башмаков или широких лыж. Копыта погружались в болото не так глубоко. На таких же досках передвигались и мы. Каждый тянул за собой на поводу лошадь и, если она проваливалась, помогал ей высвободить из трясины ноги. Чужая опасность, бедные животные покорялись нашей воле. Глаза их были полны трогательной кротости, словно они просили у нас прощения за свою беспомощность. К нашему большому сожалению, всех лошадей спасти мы не сумели. Кроме утонувшей возле островка, погибло еще три. Вместе с ними трясина поглотила часть приборов и почти половину продовольствия».

Переход через Черную марь длился тридцать восемь часов. Тридцать восемь часов невероятного напряжения сил. Двое изыскателей заболели воспалением легких, Кузнецова трепала лихорадка, рабочий Федоров сломал ногу. Врача в отряде не было, помочь больным никто не

мог. Не могли изыскатели пополнить и запасы продуктов. Впереди предстояли два полугодных месяца. Надо было бросить все и возвращаться в Нагаево, но тогда бы строительство дороги началось на год позже. Отряд решил продолжать работу.

«...От Черной мари мы отошли километров на двадцать. Шли узкой долиной, прорубаясь сквозь густые заросли стланика. Было тепло и сухо. Ветер дул в лицо, и мы почувствовали запах дыма. Сначала мы обрадовались, подумали, что это дым костра. Костер в тайге — это отдых, новые люди. Таежный путник никогда не пройдет мимо костра. Но вот где-то вдалеке в небо взвился столб огня. За ним еще один, второй, третий. Запах дыма сменился вонью гари. Навстречу нам мчался таежный пожар. Кто видел это прекрасное, но жуткое зрелище, тот понимает, что это такое».

Огонь по тайге летел стремительно, захватывая громадные пространства. Поток горячего воздуха выхватывали из гигантских костров огненные головешки, поднимали их высоко в небо и швыряли на еще не охваченные пожаром участки тайги.

Там, где упала головешка, через две-три минуты вздымался столб огня. Пожар разрастался, как половодье, но во много раз быстрее.

Спасаясь от огненного урагана, бежали все ее обитатели: медведь, сохатый, сакжой, рысь, россомаха, горностай. Хищных и безобидных — всех роднило постигшее их бедствие.

Стихия бушевала четверо суток. Изыскатели укрылись от пожара на вершине гольца — голой каменной сопки.

«...Не хочу плакаться, но нам действительно было нелегко. Мы еще не оправившись от перехода через марь и едва передвигали ноги. На сопку нас вынес тот же инстинкт, что гнал от пожара зверей. Мы выскочили на вершину и, обессилев, попадали на камни. Было больно смотреть, как суровая, но все же нарядная природа пре-

вращается в черное пепелище. Прокатившись над землей, огонь ушел под землю. Горели корни деревьев, мох, торфяники. Под торфом выгорали огромные тоннели. Внешне казалось, что торфяник только слегка дымится, но стоило стать на него, и ты проваливался в адское пекло. Так погибла еще одна наша лошадь и сильно обгорел завхоз отряда Михаил Потапенко. На третий день мы его похоронили, отдав последний салют из всех наших ружей».

Приходится лишь поражаться тем темпам, какими была построена эта дорога. Двести шестьдесят километров в год! Расчищали нехоженую тайгу, прорубались через горные хребты, высушивали мари и болота, чуть ли не на каждом километре наводили мосты через речки и ручьи.

Росли придорожные поселки. За один год их было заложено восемь: Дукча, поселок на двадцать третьем километре, Уптар, Стекольный, Палатка, Карамкен, Атка, Мякит. И все это делалось топором, киркой и лопатой. Вся строительная техника — динамит. Главной силой были простые человеческие руки.

Мне жаль, что я не был свидетелем прошлого, но со мной настоящее. Вот самый большой на этой трассе Яблоновый перевал весь в полуме ерника. На вершине прошу Петра остановиться. Мимо пробегают автобусы, шмыгают легковушки, с тяжким стоном ползут автопоезда: «МАЗы», «ЯЗы», «ЗИЛы», «Татры». Везут продовольствие, двутавровое железо, листовую сталь, гидромониторы, мебель, парты, уголь. —

На минуточку пытаюсь представить, что бы произошло, если бы весь этот поток грузов вдруг замер. Тысячи людей остались бы без пищи, тепла и самых необходимых вещей.

Кормилица колымская...

Думаешь об этом и уже совсем по-другому смотришь на начерченное на листке бумаги «сердце». Как сердце дает жизнь человеку, так эта трасса несет жизнь огромному северному краю.

Наверное, те, кто, прокладывая ее, придали ей форму сердца, и не подозревали, какой глубокий символический смысл вложили в свое творение.

Идут по трассе машины. Идут, идут, идут... Какой-то шофер, заметив, что я фотографирую его автопоезд, высунулся из кабины:

— Фанты щелкни!

— Что? — не понял я.

— Та цэ вин про жертвоприношения, — отозвался Петро.

Он вылез из машины, побежал к снегозаградительным щитам и снял с них несколько полинявших лоскутков цветастой ткани.

— Оцэ воны! Тут их полно. Когда орочи или эвены едут через перевал, фанты они приносят в жертву добрым духам. Обычай такой, благодарят, что добрые духи нэ задержали их на перевале.

Добрые духи... Святая наивность!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИДОЛ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ.— БЕЗУМЦЫ ПРОШЛИ КАК
ТЕНИ.— ИХ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ДВА.— БОРОДАЧ, СО-
СЧИНЯЮЩИЙ СТИХИ.— ИЗ ТЕТРАДИ ЦАРЕГРАДСКО-
ГО.— ОНИ БЫЛИ ЖИВЫ.— ИЗ ТЕТРАДИ РАКОВСКО-
ГО.— ГОЛОДНАЯ ЗИМА.— В КАЖДОМ — ЗАЧИНА-
ТЕЛЬ ИСТОРИИ.— ЖИТЬ БЕЗ СТИХОВ НЕВОЗМОЖ-
НО.— ЛЮДИ, КОТОРЫМ Я ЗАВИДУЮ

меня на ладони маленькая
желтая крупинка. Когда я
подхожу к окну и на нее
падает луч солнца, она светится. Свет мягкий, ласковый,
как у добрых глаз. В тени он гаснет. Минуту назад свер-
кавшая крупинка становится тусклой и невзрачной.
Не выбросить ее в форточку заставляя лишь сознание,
что это драгоценность.

Золото. Идол человечества... Тысячелетиями оно по-
трясало десятки государств и народов, было причиной
бесчисленных войн и миллионов человеческих жертв.

В 1921 году Ленин по этому поводу писал:

«Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думает-
ся мне, сделаем из золота общественные отхожие места
на улицах нескольких самых больших городов мира. Это
было бы самым «справедливым» и наглядно-назидатель-
ным употреблением золота для тех поколений, которые
не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов
человек и сделали калеками тридцать миллионов в «вели-
кой освободительной войне 1914—1918 годов». Пока же:
беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже,
покупать на него товары подешевле».

Золота у нас много. Его добывают на Урале и Даль-
нем Востоке, в Сибири и Средней Азии, на Кавказе и в
Казахстане, на Северо-Востоке.

Мой путь лежал к таежному колымскому золоту.

Но сначала о прошлом.

...Его все звали Бориской, хотя настоящее его имя
было Шафигулла. Шафигулла Гайфулин. Татарин. Ро-

дился где-то под Казанью. В Охотск в 1914 году занесла судьба бездомного бродяги. Дезертировал из армии, скрываясь от властей, искал счастья на приисках.

Золотая лихорадка в охотской тайге в то время уже затухала, и счастье Бориску не баловало. Из Охотска подался на новые прииски, в Ямск. Удача не улыбнулась и здесь. Золото плыло рекой, да все мимо. Ямские золотые прииски принадлежали дальневосточным купцам, и золото нужно было сдавать им. Бориску такой оборот дела не устраивал. Он сам хотел стать купцом.

Дружки — Сафейка Гайфулин и Михаил Канов, по прозвищу Свищ, — подговаривали идти в Америку, на Аляску. Знающие приискатели рассказывали, что золото на Юконе лотком гребут.

Бориска загорелся. Он был отчаянным человеком и за золотом мог пойти на край света. Но тут по Ямску пошли слухи, будто богатейшие золотые жилы есть где-то на реке Колыме. Золота там якобы так много, что тунгусы¹ отливают из него пули. Благовещенский купец Шустов решил послать туда своего уполномоченного Розенфельда. Розенфельд искал себе попутчиков и свой выбор остановил на Бориске и его дружках.

Из Ямска выехали верхом на лошадях. Дорогу спрашивали у тунгусов. Добрались до речки Хупкачан. Бориска остался стеречь лошадей, а Розенфельд с Кановым и Сафейкой спустились на самодельных ботиках по Хупкачану до устья притока Колымы Декдекана. По слухам, золотые жилы были там. Однако золота на Декдекане найти не удалось. А между тем наступала зима. Хлебнуть колымских морозов Розенфельду не хотелось, и он торопился назад в Ямск. С ним пошел один Сафейка. Бориска и Канов уходить из колымской тайги отказались: они все же надеялись золото найти.

Прошла зима, пролетело лето, а россыпи не было. Не было и продуктов. Бориска послал Канова в Ямск за провизией, а сам пошел на речку Среднекан. На следующее лето местные якуты нашли его мертвым. Зажав в застывших руках до черенка сработанное кайло, он лежал на краю шурфа, на дне которого было богатое «гнездо» золота.

Так бездомный бродяга навеки сохранил за собой

право первооткрывателя золота на Колыме. Но судьба не дала ему ни славы, ни богатства. Желтый идол надругался над ним, как и над многими десятками тех, кто в экстазе золотой лихорадки с лотком и кайлом шел по его следам на новую гибель. Не они начали историю Колымы. Они были и ушли, как тени.

В памяти людей навсегда останутся другие имена.

Их было двадцать два: начальник экспедиции Юрий Александрович Билибин, его заместитель Валентин Александрович Цареградский, два начальника полевых поисково-разведочных партий Сергей Дмитриевич Раковский и Эрнест Петрович Бертин, геодезист-астроном Дмитрий Николаевич Казанли и семнадцать рабочих. Безусые парни. Окладистую рыжую бороду носил один Билибин. Он был уже ученым и казался старше других, но ему исполнилось только двадцать семь лет.

3 июля 1928 года японский пароходошко «Дайбошимуру», развозивший по бухтам Охотского моря рыбаков, высадил их за тысячи верст от родных мест, в устье незнакомой реки. Было десять часов вечера. Лучи заходящего солнца скользили по окнам полутора—двух десятков разбросанных по побережью тунгусских лачужек.

Тоший, как вобла, капитан-японец на ломаном русском языке объяснил Билибину, что это и есть Ола, главный порт и административный центр Охотско-Колымского края. Билибин, сдерживая ироническую улыбку, вежливо поблагодарил его, не глядя, подмахнул расчет за доставку экспедиции к месту назначения.

Двадцать два человека должны были добраться туда, где погиб Бориска, — на речку Среднекан. Но где эта речка, никто не знал. Не было карты, никто не знал тунгусского языка. Двое из экспедиции — длинноносый сорвиголова Сергей Раковский и неповоротливый молчун Степан Дураков — немного понимали по-якутски, но в Оле жили тунгусы. Был и один русский, председатель РИКа, за многие годы жизни среди полудикого племени так одичавший, что с трудом помнил родную речь. Но он дальше Олы не бывал и толком сказать ничего не мог, а поговорить с тунгусами не соглашался, ссылаясь на то, что они все равно не помогут. За несколько дней до прибытия экспедиции через Олу в тайгу ушли две группы вольных старателей-хищников. Они где-то разузнали, что на Колыму собирается государственная экспедиция,

¹ Так называли в те годы эвенков.

и всякому, кто покажет геологам дорогу на Среднекан, грозили смертью. Тунгусы боялись, и говорить с ними было бесполезно.

После многодневного похода по штормующему Охотскому морю все чувствовали себя уставшими, но спать никто не ложился. В наспех раскинутой палатке шумно праздновали долгожданное прибытие. Бородатый начальник, впервые выполнявший столь ответственную миссию и не имевший понятия, как нужно вести себя в подобной роли, экспромтом провозглашал стихотворный тост:

Тише, товарищи! Кубки наполнить.
Встанем и выпьемте враз.
Эту совместную чару застольную
Выпьет пусть каждый из нас!
Выпьем, друзья, за просторы таежные,
Выпьем за наши дела...

Он поднял указательный палец, многозначительно уточнил:

— Будущие, разумеется, граждане Колумбы!
И, сверкнув белозубой улыбкой, продолжал с прежним подъемом:

Выпьем за счастье, за стежку дорожную,
Что вдоль тайги пролегла.
Выпьем за тесное наше содружество,
Дружной работы оплот,
Выпьем за радость, за бодрость, за мужество,
Выпьем за слово — вперед!

Разгоряченные вином и весельем геологи с жаром ему аплодировали. И он был доволен. Ястребиные глаза его искрились, борода играла золотом. Он смотрел на товарищей и с победоносным великодушием, словно горсти орехов, сыпал новые рифмы:

В далеких, сказочных краях,
В горах Якутии обширной,
Где гнус живому лютей враг,
Брусника где растет обильно,
Где человек и не ступал,
Где хладом все мертвит зима,
Среди угрюмых черных скал
Течет спокойно Колыма,
Чертя изгибами узоры...

— Ваш прогноз относительно географического положения Колымы, Юрий Александрович, несколько неточен. По имеющимся у меня сведениям, она проходит восточнее границы Якутии и течение у нее довольно бурное.

Это из-за широкой спины кудрявого красавца Царградского подал голос застенчивый, как девушка, и педантичный, как английский джентльмен, Казанли. На него сразу же зашикали. А вспыльчивый Раковский сердито буркнул:

— Это тебе не твои Юпитеры — поэзия!

Он с величайшим удовольствием прибавил бы к этому смачное старательское словцо — до организации колымской геологической экспедиции Раковский гулял по Сибири «вольным» старателем, — но ругаться при Билибине себе не позволял, трепетно попросил бородача:

— Сочиняйте, Юрий Александрович...

— Правда, сочиняйте! — осуждающе глядя на покрасневшего до ушей Казанли, подхватили остальные.

И в огорченных глазах Билибина снова засветилось торжествующее мальчишеское счастье. Видимо, придумывая что-то новое, он с хитрой ухмылкой пощипал всклокоченную бороду и вдруг неожиданно заключил:

— Дмитрий Николаевич прав, стихи — вздор! Давайте лучше помечтаем!

Он любил мечтать вслух. Мечтал, как поэт и ученый, крылато и веско. Эту северную страну, с ее суровой и дикой природой, с ее нехожеными звериными тропами, с запуганными, погрязшими в первобытной нищете тунгусами, он видел краем, где в грохоте моторов и зареве электричества победно будет шествовать жизнь. Только ступив на землю Колымы, еще не зная ее недр, он сказал, что здесь таятся сокровища, в миллионы раз превосходящие то, что нашел Бориска. Борискино золото лишь зацепка, тот клубочек, который нужно взять и распутать по всей Колыме. Распутать его нелегко. Но потом все окупится.

У него не было точных расчетов и фактов. В нем говорила лишь юношеская фантазия и интуиция ученого, но товарищи верили ему, потому что тоже были молоды и тоже мечтали.

Из тридцатилетней дали мне видится на пустынном морском берегу одинокая палатка. На земле — свежие листовничные ветки, брезент. Посредине — белая простыня. На ней — открытые консервные банки, ломти зачерствевшего хлеба, походные алюминиевые кружки, недопитое вино. Забыв о нем, в тесном кругу сидят люди. Читают стихи, спорят о будущем, мечтают. А за палат-

кой, рассеивая туман белой ночи, выплывает из моря солнце — огромный огненный диск. От него к берегу бежит голубая волна. Гребень ее в лучистых блестках. Блестки катятся по морю, и кажется, будто море горит.

Наступал первый день сегодняшней Колымы.

Листики из тетради Валентина Александровича Царградского.

13 июля 1928 года.

Видно, в Оле застрянем надолго. Никак не найдем проводника. Вся надежда на Раковского. На Алдане — там формировалась экспедиция Билибина — ему говорили, что где-то возле Олы живет столетний якут Килланах, прогрессивно настроенный, сильный и хорошо знающий весь Северо-Восток. Сергей решил разыскать его и уговорить повести нас на Среднекан. Вообще-то я не представляю, какая может быть сила у столетнего старца, но на безрыбье и рак рыба.

17 июля.

Раковский все еще не возвращается. Ждем его и изучаем Ольское побережье. Ничего примечательного, но в общем район с геологической точки зрения интересный. Билибин по обыкновению поглощен сбором коллекций. Вечером возвращается с поля нагруженный тяжеленным рюкзаком и изнуренный до предела, но все равно шутит, злословит и плетет рифмы. Вчера рабочие попросили его прочитать доклад. Стал в позу, спрашивает:

— Тема? На сколько минут?

— Ну, минут на сорок, что-нибудь про золото.

Слушали, разинув рты, и ровно сорок минут. Казанли в восторге. Докладчик, как всегда, опьянен успехом.

19 июля.

Выходной. От нечего делать копался в архивах РИКа. Официально здесь установлена Советская власть, есть РИКи и Советы, но фактически верховодят всем местные кулаки и шаманы. В соседнем поселке орочей, километрах в тридцати отсюда, председатель Совета — шаман. Бедность кругом ужасающая. Все грузы, которые в навигацию доставляются морем из Владивостока, попадают в руки кулачья, а население кормится исключительно

рыбой и тем, что добудут на охоте. Если что и перепадает рядовым тунгусам, то за очень высокую плату, которую назначают сами кулаки. Откуда забитому и совершенно безграмотному тунгусу известно, что государство теперь другое и присылает сюда все за свой счет? И ему, а не кулаку. Мы пытаемся вести разъяснительную работу, но без знания языка делать это трудно. К тому же тунгусы так запуганы, что обходят нас за версту. А председатель РИКа палец о палец не ударит. Дрожит за свою шкуру и, видно, сам на чужом руки греет.

20 июля.

Наконец-то вернулся наш «длинный нос», хотели уже искать его. Грязный, как черт, и оборванный, только кожаная куртка целая. Неделю проштатался по тайге. Пришел с проводником. Доволен, хохочет:

— Ну что, каков Раковский?

Похвалили: панька, заслужил сто граммов неразведенного. Чистяков салютнул из винчестера. Билибин выдал эпиграмму.

Коль страуса находим мы яйцо,
Там, где песцы должны бы размножаться,
Лишь компетентное Раковского лицо
В вопросе этом может разобраться.

Не очень удачно, но сошло. Билибина не обидели — поаплодировали, воздали должное таланту.

Всегда колымская планета
Была прибежищем поэта,
Но Билибин — геологической науки ас —
Явил поэзий высший класс!

Ничего, тоже сошло, намек относительно «всегда» стихотворец уразумел. Встреча получилась на уровне. Проводник стоял в стороне и улыбался. Такой народ ему в диковинку.

Килланах идти на Среднекан отказался, сослался на больные ноги и порекомендовал другого якута — Макара Захаровича Медова. Раковский нашел его в Элекчанском районе. Охотник. Шестьдесят лет, но крепкий как дуб. Сносно говорит по-русски и все понимает. Деятельный, сразу спрашивает себе работу. Элекчанские кулаки-якуты заявили, что если он будет помогать красным геологам, то пусть в своем районе больше не появляется, иначе пристрелят. Не поддался старик на угрозу, моло-

дец! Заслуга, конечно, прежде всего Раковского: сумел убедить. Сергей — клад. Везде пройдет и все сумеет.

27 июля.

Новая проблема — транспорт. В Оле с трудом удалось заарендовать восемь лошадей. Капля в море, нужно в три раза больше. Макар говорит, что где-то в стойбище Маякан, километрах в шестидесяти от Олы, можно купить оленей. Для наших грузов они мало подходят, слабые, но если Раковский купит десятков пять-шесть, будет неплохо. Билибин решил поручить это дело ему. Проверено. Поедут верхом вдвоем с Макаром. Денег берут полрюкзака — полтинники. Местное население бу- мажных купор не принимает. Мы это знали по опыту Якутии и серебра захватили достаточно.

3 августа.

Раковский и Макар привели тридцать оленей. Двадцать пять из них дикие, необъезженные. Обучать их некому. Сделали загородку, загнали туда. Проблема транспорта по-прежнему остается острой.

Сергей предлагает плыть на плотях. Оказывается, до Среднекана есть водный путь по рекам Малтану, Бохапче и Колыме. Схему этих рек Сергею дали эвены — выложили спичками на брезенте. Но они предупредили, что Бохапча неславная. Макар тоже плыть не советует. При упоминании Бохапчи лицо его искажается ужасом.

— Вода быстрый, камень много — все мертвый будешь!

Показали схему ольским тунгусам. Появление в экспедиции Макара развеяло их страхи, они теперь не дичатся. Сбежались всем поселком, лопочут по-своему, но жесты понятные: на Бохапче сплошные пороги и сильное течение, сплавать по ней — самоубийство. Макар сияет.

— Макарка ходил, все видел, хороший река сам сказал бы.

Сергей стоит на своем:

— Челуха, проплывем!

Билибин его поддерживает. Другого выхода, впрочем, нет. Пока одомашним наших оленей, наступит зима и поисковый сезон будет потерян. Да олени всего груза и не поднимут. Лучше использовать их на мясо.

5 августа.

Совещались. Решили всей экспедицией не рисковать. Поплывут шестеро: Билибин, Раковский, Дураков, Алексин, Чистяков и Луненко. Седьмой будет наш общий любимчик Демка — пес Дуракова. Макар поведет их до Малтана и вернется с лошадьми назад. Мне, Бертину, Казанли и рабочим Билибин приказывает оставаться в Оле. Будем объезжать оленей и пойдем с Макаром на Среднекан санным путем.

О предстоящем сплаве от кого-то узнал председатель РИКа. Сразу примчался.

— Христом-богом молю, повесят за вас, не предупредил, скажут, погибнете!

Фрукт! Раньше говорил, что нигде не бывал и ничего не знает. Билибин доволен, спросил его театрально:

— Послушайте, милорд, вы жареный лимон когда-нибудь вкушали?

Отвесил челюсть, лупает бельмами.

— Не приходилось.

— Советую при случае вкусить. Он напомнит вам некоторые ваши личные качества.

Ушел, так и не поняв, что ему хотели сказать. Билибин торжественно провозгласил:

— Он в небывое уйдет
Для потомков бесследно, —
Над нами же слава взойдет
Даже в космос навечно!

Аплодисменты, хохот, глубокомысленное заключение Раковского: «Такое дело положено обмыть».

8 августа.

Простились с товарищами. Расставались с грустью. На душе тревожно. Что-то их ждет там?

Взяли самое необходимое: по две пары белья, легкую одежду, жесткую норму питания, оружие, инструменты.

26 августа.

Вторую неделю пытаемся с Казанли попасть на вельботе в бухту Нагаева. В лоции Охотского моря она описана как наиболее удобная на всем этом побережье. «Единственный недостаток этой бухты, — пишет автор лоции, — отсутствие человеческих поселений на берегу». Он дает и карту, грамотную и весьма подробную. Если ве-

рять ей, бухта Нагаева лучше ольского рейда, где нет подходов для разгрузки судов. Если мы откроем на Колыме большое золото и нужно будет строить порт и город, то Нагаево нам, вероятно, вполне подойдет. Хотим все посмотреть сами, но пока безуспешно. На море не прекращается шторм, баллов десять — двенадцать. Дует сильный ветер, хлещет ливень. Кругом все раскисло. Настроение соответствует погоде.

1 сентября.

Разбили вельбот. Чудом не разбились сами. Несчастный Казанли даже стал заикаться. Сидим в палатке мокрые до последней нитки и, съжившись, лязгаем зубами. Переодеваться нет смысла. Вся сменная одежда тоже мокрая, сухое только белье, которое оставалось в палатке. Бертин острит:

— Ну что, морские волки, закаляемся?

Идти в бухту Нагаева на вельботе он нас отговаривал и теперь злорадствует. В отмщение обзываем его «сухопутной черепахой».

Сегодня во всей стране дети идут в школу. В Оле ребяташек много, но школы нет. Председатель РИКа говорит, что на всю Колыму один учитель, какой-то Варрен.

5 сентября.

Вернулся Макар. Большой, по-медвежьи нескладный и трогательный. Размазывает слезы, всхлипывает:

— Сергей симбир саха, Билиба веселый, Степашка хороший, все мертвый будут, крепко уснут Бохапча.

Рассказывает, что наши построили два плота и спустили их на Малтан недалеко от Элекчана. Билибин передал записку, пишет, что в Элекчане до зимы нужно построить перевалочную базу и перебраться всем из Олы туда, ближе к Среднекану. Спрашиваю Макара:

— А ты, Макар, не боишься переезда в Элекчан?

Перестал плакать, смотрит сердито.

— Зачем, Царь-город, говоришь такое? Плохой люди пугал Макарку, не боится Макарка!

Орочи и эвены перед ним преклоняются. Все теперь на нашей стороне. Кулаки притихли.

11 сентября.

Бертин и восемь рабочих ушли в Элекчан строить

базу. Макара я просил снова вернуться, пойдет с нами к бухте Нагаева.

20 сентября.

Время тянется томительно. Работы все меньше. Ольское побережье облазили вдоль и поперек. Каждый день приходят в гости тунгусы. Сидим и молча пьем чай.

Часто вспоминаем Ленинград. Казанли читает Блока. Мне больше нравится Маяковский, Блок чересчур заумный. Казанли спорит, называет Маяковского грубияном.

Шумит ливень. Сумрачно за палаткой и в палатке. Освещает ее только раскаленная «буржуйка». Наша брезентовая конура как монашеская келья. Жизнь, любовь и человеческие страсти бурлят где-то далеко. Завидую нашим сплавщикам. Хоть путь их и опасен, зато не такой нудный, как это вынужденное сидение.

7 октября.

Третий час ночи. Отчаянно хочется спать, но уснуть невозможно. Медведи до того обнаглели, что подходят к самой палатке. Им не дают покоя наши олени. Вчера утром одного задрали, теперь покушаются на остальных. Бедные олешки сбились в кучу, жмутся к нам. Приходится жечь костер и стоять на страже.

Были на левом берегу бухты Нагаева. Лоция охарактеризовала его верно. Место для постройки порта годится. Берега гранитные, но в основном пологие. Причалы строить удобно. Сама бухта тихая, имеет форму вытянутого мешка, со стороны суши защищена от ветров подковообразной грядой сопки.

Много рыбы, тюленей и косаток. Мы были свидетелями поразительной картины: морской лев — сивуч дрался с медведем. Начала боя мы не видели, пришли в самый разгар сражения, которое проходило в нескольких метрах от берега на камне, похожем на подмостки ринга. Хищники не обратили на нас внимания. Они с диким ревом набрасывались друг на друга. Вода вокруг камня побагровела. Разъяренные хищники то отрывались один от другого и, отскочив в стороны, свирепо скалили пасти, то молниеносно сплетались вновь. Гигантский клубок из грязно-бурой шерсти и черной, лоснящейся кожи носился по возвышающемуся над водой камню с непостижимой быстротой.

Так продолжалось около получаса. Потом рев стал ослабевать. Хищники начали выдыхаться. Схватившись в последний раз, они уже не ревели, а только тяжело стонали. Медленно расползлись и, ощерившись, застыли друг против друга.

Увлеченные необычным боем, мы ждали новой атаки и были убеждены, что грозный хозяин тайги в конце концов победит. Но косолапый опозорился. Не сводя глаз с противника и не переставая щериться, он трусливо подполз задом к самому краю камня, рывкнул и вдруг, как акробат, бросился спиной в воду. Кувыркнулся, фыркнул и, оставляя кровавый след, поплыл к берегу. Лавры победы достались величественному владыке моря. С высоко поднятой головой он еще долго сидел на камне, похлопывая по брюху лапами и издавая пронзительный трубный клич. Мы были от него на расстоянии выстрела, но прониклись к нему уважением и решили не стрелять.

18 октября.

Выпал снег. В тайге он лежит уже давно. Мороз еще небольшой, но ветрено. Результаты проведенных работ в Нагаево радуют. Нет никаких сомнений, что первый город Колымы будет именно там. Во всяком случае я на этом буду настаивать. Думаю, Билибин меня поддержит.

Добрались ли они до Среднекана?

23 октября.

Ушел с тунгусами в Элекчан Казанли. Голубоглазый мой Казанли. Остались вдвоем с Макаром. Работы много, скучать некогда. Макар нашел себе помощника и в темпе объезжает оленей. Я привожу в порядок летние записки, документирую коллекции. Сделал новую карту бухты Нагаева и Ольского побережья. Когда будем говорить в Ленинграде о закладке города на Колыме, покажу их для сравнения. Такой разговор состоится непременно, даже если результаты поисков золота окажутся и не особенно утешительными. Край осваивать все равно нужно.

17 ноября.

Знакомый ороц принес на Элекчан тревожное письмо от Бертина, пишет, что, видимо, предсказание Макара сбылось. Там, где спускались на Малтац плоты, элек-

чанские охотники встретили Демку, очень изнуренного и худого. Должно быть, он возвращался от самых порогов. Бросить в тайге собаку они не могли...

Сказал Макару. Плачет.

19 ноября.

4 часа утра.

Через час выезжаем. На сборы потеряли целых два дня. С большим трудом удалось подрядить пять собачьих упряжек с каюрами и одну без каюра. Никогда не каюрил, но придется вести собак самому.

Взяли теплую одежду, спирт и продовольствие. Может быть, наши товарищи разбились на порогах и теперь сидят там голодные и холодные.

10 часов вечера.

Ехали без единой остановки, но прошли не больше шестидесяти километров. Навстречу дул резкий ветер, собаки шли плохо. Ночуем на открытом месте, в нагорной тундре. В палатке холодно, но все устали и уже спят. Не спит только Макар. Лежит с открытыми глазами и смотрит на меня. Почему-то от его взгляда мне неловко. Разве я в чем-то виноват?

20 ноября.

5 часов утра.

Натаял снегу, вскипятил чай. Каюры сейчас пьют. Мне не хочется. Нужно выпить, а то замерзну, мороз ниже шестидесяти градусов. Чувствую себя неважно, всю ночь не мог уснуть.

11 часов вечера.

Сидим в новом, пахнущем смолой элекчанском зимовье. Жарко натоплено. Бертин и Казанли поят нас крепким чаем, угощают разогретой тушенкой и горячими лепешками. Разговор не клеится. Все понятно и так.

С утра ехали густым лесом, вдоль берега реки Олы. Потом вышли на чистый, чуть запорошенный снегом лед. Моя упряжка шла первой. Двигались быстро. Собаки скользили, падали и, вскочив, рысали дальше.

Макар сидел сзади, повернувшись спиной к ветру. Неожиданно над нами пролетела кедровка. Собаки встревожились и понеслись во всю прыть. Упиваясь быстрой ездой, я не тормозил и криком подбадривал упряжку. Вдруг глухой звук взрыва, собачий визг, толчок — и нар-

та повисла над провалом. Под нами взорвалась речная наледь. Я замер над мчавшимся в полутора метрах под мной потоком воды, изумленно следя, как скользят в эту яму передние собаки упряжки, стаскивая туда и остальных. Макар стремительно перескочил на другую сторону ледового провала, ухватился за нарту. Его команда «Прыгай сюда!» прозвучала уже после моего прыжка. Рванув на себя нарту, мы выволокли собак на лед.

Когда снова тронулись в путь, Макар недовольно ворчал:

— Худое место держать надо... Ездить не умеешь, зачем нарту взял?

Я долго старался сообразить, как угадать среди чистого поля льда «худое место», но так и не решил эту задачу.

Спустя несколько часов мы пересекли кривун реки напрямик через лес. Дорожка была извилистая, заваленная буреломом. Большую часть времени пришлось бежать, поддерживая нарту и перескакивая то на одну ее сторону, то на другую. Макар тоже бежал за упряжкой. Шестьдесят лет бега по тайге, а все резвый. Когда через час-полтора мы снова выехали на лед, ласково похвалил меня:

— Когда ездить учился? Свою нарту купить надо.

Будто это и не он говорил, что я ездить не умею.

Словом, день был с приключениями. Дорога напомнила джеклендонскую эпопею: посвист ветра, мельканье собачьих лап на льду, монотонная песня полозьев и — белое безмолвие.

До порогов осталось километров сто пятьдесят. Там, по рассказам, живет какой-то якут, может быть, он знает о нашем отряде.

Казанли просится ехать с нами, доказывает, что в направлении бохапчинских порогов ему необходимо установить несколько астропунктов. Это только предлог.

Что там у Маши? Бедные жены: вся жизнь — ожидание. Когда рядом, нежные слова почему-то забываешь, а тут в груди от них тесно. Или это потому, что вокруг слишком много суровости. В двух-трех пядях от меня, за стеной зимовья, сатанеет пурга. Она так близко, что иногда кажется, будто я ощущаю ее удары. В доме — на полу, на нарах и скамейках — уснувшие люди. Кто в чем был, в том и спит. Казанли — в полушубке, Бертин — в

тулупе, Макар и каюры — в своих пестрых меховых одеялах. Только обувь сушится у «буржуйки». Душно, пахнет махоркой, овчиной и крепким настоем пота. Света копилки едва хватает, чтобы различать строчки. Когда пурга через трубу врывается в дом, мой светильник затухает совсем. Зажигать его не хочется. Долго сижу в темноте, слушаю вой пурги. И тогда кажется, словно наше зимовье несется по фантастическому бушующему океану, точно это не дом, а какая-то бочка или трюм корабля. Теряется всякая реальность. И вдруг я почти физически чувствую прилив необыкновенной нежности. Она переполняет меня до такой степени, что я задыхаюсь. Прошлое становится идеальным. Вспоминаются люди, которые, наверное, давно забыли меня. Мысленно говорю с ними, и кажется, будто в эту минуту они думают обо мне, будто во мне для них вся жизнь. Я не могу объяснить этого странного состояния.

21 ноября.

Прошли километров двадцать. Глубокий снег и беспрерывная пурга.

22 ноября.

Добрались до Малтана. На тополях видели несколько затесей с надписью: «28/VIII-28 г. Отсюда состоялся первый пробный сплав К.Г.Р.Э. Билибин, Раковский, Дураков, Алехин, Чистяков, Луненко».

Возле тополей остановились на ночлег. Ночь тихая и звездная. Морозно. По Цельсию 65 градусов. Ртуть в термометре Казанли превратилась в твердый шарик. Дмитрий все же остается верен астрономии. И меня втянул в это дело. Помогаю ему производить астрономические определения. Я сижу на ящике, склонившись над хронометром. Держу бутылку с отбитым дном, в которую вставлена свеча, и вместе со стрелкой отсчитываю доли секунд. Дмитрий с секстантом в руках стоит в стороне. Заглядывая в окуляр, он следит за движением звезды и командует:

— Приготовься!.. Есть... Есты!

Потом, положив секстант на снег, быстро ходит взад и вперед, потирая руки и с шумом выдыхая воздух. Наконец ходить ему надоедает, и мы начинаем снова. Вдруг обнаруживается, что ртуть в искусственном «горизонте»

замерзла. Идем в палатку, греемся сами и разогреваем на печке ртуть. Затем все повторяется сначала. И так много раз.

Скоро утро, а мы только закончили. Теперь надо бы соснуть хоть пару часов, но меня опять мучает бессонница. Казанли не понимает, что это такое. Уже спит. Макар тоже вроде уснул.

Не могу представить, что наших уже нет. Сергей говорил, у него «планируется» жена — Анна. Любит петь. У нее меццо-сопрано. Ветер начинает посвистывать. Кажется, снова запуржит.

Листки из тетради Сергея Дмитриевича Раковского.

29 августа 1928 года.

Вчера простились с Макаром. Сидел на берегу и сквозь слезы тянул свое якутское олонхо:

Большая да большая, страшная река Бохапча,
Плохие да плохие пороги в ущелье,
Бедные да бедные русские,
Однако все покойники будут.

На прощанье мы угостили его спиртом из нашего «расходного» запаса и заверили, что не погибнем.

У нас два плота: четыре метра на десять и четыре на двенадцать. В каждом по шестнадцать сухих бревен. Скреплены хорошо.

Груз уложили на них с таким расчетом, что если один разобьется, то останется второй.

Большой плот ведем мы с Дураковым. Нам помогает Луненко. На втором плоту кормчими Билибин и Чистяков. Помощником у них Алехин. Демка постоянной прописки не имеет: то с нами, то, улучив удобный момент, перескакивает к Билибину.

Малтан течет быстро, но спокойно. Берега красивые, крутые и лесистые. На лиственницы упала первая золотинка — осень идет.

30 августа.

Смирнёвский Малтан устроил нам веселую жизнь. Ожидали страшных бохапчинских порогов и к нему отнесли с полным доверием, а он, оказывается, фортели умеет выкидывать.

Берега вдруг сузились и превратились в хмурое ущелье. Ласково журчащая вода понеслась с оглушительным ревом. Она кипела и клубилась белыми хлопьями пены. Сначала мы приняли эту пену за обыкновенный бурун и плоты не тормозили. Сидим себе, покуриваем, когда глядь — черные лбы в пене. Псроги! Вся река перегорожена здоровенными валунами. Хорошо, что Дураков вовремя заметил справа протоку, и мы успели свернуть в нее.

О малтанском пороге нас никто не предупреждал, и мы единогласно решили окрестить его Неожиданным.

В протоке намучились. Плоты пришлось тащить волоком по пояс, а то и по грудь в ледяной воде. Так как я считаюсь начхозом, то выдал по этому случаю по двойной порции «чистого». Мной, однако, остались недовольны. Просили еще. Я сказал:

— Все. Расходный кончился, «энзэ» трогать не буду!

Тогда Билибин вспомнил, что у нас спиртом залиты анероиды. Они лежали в эмалированной кастрюле, и спирта там было литра три. Пристали с ножом к горлу:

— Давай, анероиды все равно скоро вынимать, нечего им жидкость портить.

Мне и самому хотелось выпить еще рюмку, потому что замерзли мы в протоке основательно, но в отряде могли появиться пьяные, и кастрюлю я «нечаянно» опрокинул. Рабочие сердито насупились, а Билибин расхохотался. Все кончилось чаепитием и рассуждениями насчет поведения рек и начхозовской тирании.

6 сентября.

Уже неделю плывем по Бохапче. Пустынно, сурово, берега гранитные. Растительность чахлая, кое-где стоят полуосыпавшиеся тоненькие лиственницы и зеленеют кусты стланика. Зелень тусклая, прихвачена осенью. Трава тоже совсем осенняя: бледно-желтая и жесткая. Кругом тишина и промозглая сырость.

Стараемся держаться центра реки. Она не очень широкая, метров сто — сто двадцать. Течение быстрое и бурное. Попадаются водовороты и шиверы. Есть и мели.

Пережили очередные страсти. Поздно вечером наш плот сел на скрытый под водой камень. Пока мы возились с ним, нас догнал плот Билибина. Когда он проплывал мимо, Билибин вдруг крикнул:

— Медведи!

Мы, конечно, моментально снялись с «якоря» и снова вырвались вперед. Смотрим: действительно на берегу в тумане два медведя. Я вскинул винчестер и только хотел нажать курок, но в эту минуту порывом ветра сорвало дымку и стало ясно видно, что это не медведи, а люди. Меня даже в холодный пот бросило, кричу что есть силы:

— Не стреляйте, не медведи это, люди!

Люди увидели нас и, не подозревая, что им грозило, тоже давай кричать:

— Кёр, кёр, догор! Тас бар — смотри, смотри, камень!

И тут плот Билибина налетел на шиверу.

В общем все обошлось благополучно, только груз замочило. Шиверу в честь чуть не разыгравшейся здесь трагедии назвали порогом Двух медведей.

Сидим на берегу, сушим груз и разговариваем с «медведями». Это якут Амосов и его сын. Они тут живут в юрте. Оба не понимают по-русски ни слова. Я переводчик. Старик говорит, что до основных порогов Бохачи осталось километров двадцать. Билибин спросил, плавал ли он там. Могает головой, заикаясь, кричит:

— Суол, суол! Бары ага елэххит! Дороги нет! Все утонете!

Знакомая песня.

8 сентября.

Вот оно, наше страшилище! Камень на камне. От рева воды ломит уши. Кажется, что клочья пены висят в воздухе — так сильно кипение бурунов. Река зажата в узком сумрачном коридоре. Скалы совершенно голые, темно-свинцового цвета. Над головой видишь только полоску неба. По нему ползут тяжелые серые тучи. Временами они, словно устав, ложатся на вершины утесов, и тогда в ущелье становится темно. Длину ущелья определить трудно, не видно его конца.

Нас пугали не зря. Будем все же рисковать. Кто не рискует, тот не выигрывает.

9 сентября.

Утро.

Товарищи еще спят. Я подчался первым. Погода хорошая, светит солнце и тихо. На душе немножко тре-

можно — скоро начнется сплав. Все должно обойтись благополучно. Я затеял этот сплав и сомневаться не имею права. Раньше я и не сомневался, а теперь вдруг стало страшно. Целую ночь снились всякие кошмары. И Аня приснилась. Стоит на вершине скалы в голубом платье и машет мне белым платком. Я с плота загляделся на нее и перестал управлять веслом. Плот ударился о камень и разбился. Дураков и Луненко сразу утонули, а меня подхватило течением и покатило по валунам. Я захлебывался и кричал:

— Аня! Аня!

Она бегала по скале и что-то кричала в ответ, но в реве воды я ничего не слышал.

На будущий год я обещал забрать ее на Колыму. Мы тогда сидели до самого утра и мечтали, как будем вместе ходить по тайге и жить в шалашах. Следом за нами пойдут строители. Понастроят везде городов, но мы из тайги не уйдем. Купим себе патефон и будем ездить в города только за новыми пластинками. Институт, правда, не мешало бы мне закончить, а то как ушел со второго курса в старатели, так и пробавляюсь «таежной наукой».

Если что случится, она, наверное, выйдет за другого. Одна любовь без другой, живой любви вечной не бывает. И вообще с какой стати она должна сидеть в девах? Моя злость — чистейший эгоизм...

Вечер.

Прошли пять порогов. Окрестили их нашими именами: Ивановский, Степановский, Михайловский, Юрьевский. Пятый порог был самый длинный, и в честь моего носа его назвали Сергеевским. На нем мы чуть не погибли. Мы шли впереди и застряли на камнях, а позади неся плот Билибина. Наскочит — расшибется сам и нас разобьет вдребезги. Начали лихорадочно пилить бревна. Отпилили часть сбоку — плот сдвинулся, пошел дальше.

На камни садились трижды. Снимались с большим трудом. Нужно было залезать по плечи в воду и толкать плоты впереди себя, а течение такое бешеное, что удержаться на ногах нет никакой возможности. Если говорить честно, то живы мы остались случайно, а еще честнее — единственно благодаря Дуракову. Наши «корабли» мы рубили под его руководством, так что они сидят в воде всего на несколько сантиметров. Налетают на

камень с силой страшной, а удар получается мягкий. Маленькая осадка, и бревна не ударяются о камень в лоб, а выскакивают на него и скользят.

Я Степана знаю еще по Алдану. Молчун и увалень, а нет такого дела, с которым он не справился бы. Вроде и в руках у него ничего не горит, и делает все с ленцой, а выходит быстро и, если сделает, — будь спокоен. И слово у него такое: сказал — закон! На Алдан я пришел зеленым, все таежные азы он преподавал мне. И якутский язык он заставил выучить, потому что знание местного языка — это вторые глаза.

Сегодня у Степана большое несчастье. Пьет чай, и губы дрожат, вот-вот разрыдается. Куда-то пропал его Демка. Видно, утром замешкался в тайге и не поспел к отплытию, а мы думали только о порогах и не углядели. Билибинцы считали, что он на нашем плоту, а мы решили, что он у них. Степана всем жаль. Кроме Демки, у него никого нет. Главное, мы не можем против течения вернуться назад, чтобы поискать его. И не догонит он нас: по обе стороны реки прижимы, нет прохода даже для собаки.

Траурно молчим. Седьмого товарища потеряли.

10 сентября.

Плывем с неплохой скоростью и без приключений. В Колыму впадает много притоков. По схеме, которую дали мне в Маякане эвены, определить всех не можем. Знаем, что должны быть две большие реки: Таскан и нужный нам Среднекан. Остальным даем свои названия. Одну назвали Утиной — там было много уток, другую — Запятой, так как ошибочно приняли ее за Среднекан, Эвены говорили, что в устье Среднекана большие камни, а здесь только несколько маленьких порошков.

12 сентября.

Новое устье. Как будто Среднекан. На берегу опять увидели человека. Оказалось, известный на Колыме охотник, древний старик Дягилев. Убегал от нас, едва догнал.

Спрашиваю:

— Это Среднекан?

Трясется весь:

— Хириникан... Хириникан...

Напугали беднягу.

Угостили старика чаем. Он попил, собрал в платок все, что дали ему к чаю, и — «ча, прощай, догор». Ушел в тайгу, так ничего и не сказав.

Падает снег.

14 сентября.

Идем с котомками по талому снегу. Нужно найти место для зимовки. Идти очень трудно. Юрий Александрович поднимает дух, читает нам Омара Хайяма и сочиняет эпиграммы. С ним всегда весело.

17 сентября.

Решили остановиться на каком-то ключе, окрестили его Безымянным. Лес для зимовья тут приличный. И дрова есть, сушняк много.

Встретили здесь тех старателей, о которых нам говорили еще в Оле. Две артели. Один артельный — мой давний знакомый Туркин, его вся тайга знает. В Бодайбо и на Алдане нашумел. Бандит первой статьи. Увидел нас и ленивенько так, будто ни в чем не бывало, пошел вперевалочку к шурфу:

— Как золото? — спрашиваю его.

Напустил на себя блатное удивление. Мнет в пальцах камушек и плечами пожимает, словно видит меня впервые. А я же его, красавца, насквозь вижу. Винчестер мой ему глаза мозолит. Он у меня на груди, а его оружие, наверное, в бараке было. Иначе не так бы нас встретил. Но я сделал вид, будто не понял его мимики, снова вопрос:

— Не ходил выше по ключу, лес там еще есть?

Опять плечами пожимает. Но тут вступили в разговор другие старатели. Сказали, что лес есть, и спросили, кто мы такие.

— Экспедиция.

— Откуда такая?

— Государственная.

— Золото искать, что ли?

— Не красивые глазки.

— И что, тут остановитесь?

— Где остановимся, туда просим в гости.

Такой получилась у нас разговор. Я говорил и недвусмысленно поправлял на груди винчестер, а товарищи стояли в сторонке, но были готовы ко всему. Эти голово-

резы прекрасно знают, кто мы такие. Разыграли про-
стачков.

В общем, жить придется в соседстве с волками, но
выть по-волчьи мы не будем. Они хищники, пришли сюда
грабить землю, а мы посланы властью, на нашей стороне
право. Им на закон, конечно, наплевать, они бандиты.
Но у нас еще есть сила: Чистяков и Луненко бывшие
красноармейцы, Дураков — таежник, Алехин и Юрий
Александрович тоже не из трусливых. И я не из теста
слеппен. Сумеем постоять и за себя, и за землю. Тут мы
хозяева. Пусть зарубят это себе на носу раз и навсегда.
Анархия кончилась. Советская власть пришла на
Колыму.

21 сентября.

Начали рубить барак и уже ведем поиски. Золото по-
ка не ахти какое, мы надеялись на большее, но место-
рождение явно промышленное. Билибин говорит, что это
еще не основной участок россыпи, надо прощупывать
ключ дальше.

Соседи присмирели. Сопят в две дырки, но здорова-
ются и к Билибину обращаются по имени-отчеству.
Я никогда не думал, что Юрий Александрович умеет раз-
говаривать с людьми сухо и официально. С этими он на
такой ноге, что его они боятся больше, чем моего вин-
честера.

Мучаемся с посудой. На бохапчинских порогах по-
теряли все ведра и ложки. Из посуды остались только
кружки, один чайник и кастрюля. Обед приходится гото-
вить дважды. И «буржуйку» нашу на Бохапче посеяли.
В палатке жуткая холодина.

5 октября.

Чистяков и Алехин ходили на охоту. Принесли пять-
десять белок. Из шкурок сошьем рукавицы и чулки, а мясо
я выкинул на крышу барака. Пригодится.

17 октября.

Сделал себе лоток и кое-как выменял у старателей
банку для согревания воды.

Артель Туркина намыла при мне 165 граммов метал-
ла. В другой артели работают хабаровские корейцы.
У них золото идет хуже.

20 октября.

Бьем шурфы. Земля уже окаменела. Морозы с каж-
дым днем сильнее. Вчера было 16 градусов, ночью пере-
валило за 30, сейчас — 43.

В бараке сделал каменную печь и трубу каменную.
Топится хорошо, не дымит.

У Юрия Александровича, кажется, температура. Шу-
тит и с остервенением долбит кайлом землю, но глаза
подозрительно воспалены. Этой ночью во сне разговари-
вал, звал Наташу — жену.

Поднялся раньше всех, сидел на чурке и жадно ку-
рил. Что я не сплю, не заметил. Видно, переживает.
У нас плохая одежда и слишком мало продуктов. С Ца-
реградским договаривались, что они придут сюда
первого декабря, а еды осталось недели на две.

25 октября.

Утром в градуснике замерзла ртуть. Сделал приспособ-
ление из разных смесей спирта и воды для измерения
температуры.

Действует нормально.

У Юрия Александровича лихорадка. Меня не слу-
шает, работает каждый день. Дураков заставил его вы-
пить горячего спирта. Немного ожил.

7 ноября.

Сегодня праздник Октябрьской революции. Юрий
Александрович пригласил в наш барак людей Туркина и
артель корейцев. Побычились, но пришли. Получилось
вроде производственного совещания. Обсуждали пер-
спективы и теперешнее состояние работы. Билибин пред-
ложил «вольным» сдавать намытое золото нам, предста-
вителям государства. Туркин чвиркнул слюной:

— Чихать мне на ваше государство!

Юрий Александрович ответил спокойно:

— Прошу вас удалиться.

— Чаво?

— Помещение, говорю, освободите.

— А может, я не жалаю?

— Мы желаем.

Старатели притихли. Туркина никто не поддержал.
Ушел. Сам себя оплевал. Собрание закончилось мирно.
Акт на сдачу золота все подписали.

10 ноября.

Продолжаем шурфовку. Мороз 50 градусов. Ночью вокруг луны было сияние. Наверное, к перемене погоды. Тайга вся в изморози, тихая и красивая.

Едим один раз в сутки. На обед — банка тушенки и сто граммов муки. Пару недель еще продержимся. Кореицы говорят, что где-то в этом районе есть две павшие лошади. Хотят идти туда и жить там в палатках. Думают, что обеспечат себя пищей дней на двадцать.

Предложил проект устройства промывалок для промывки шлихов.

14 ноября.

Мороз 60 градусов. Золота с каждым днем промываем меньше. Солнца уже не видно, оно освещает только противоположные горы.

Окончательно обносились. Вид у всех как у цирковых клоунов. На мне брезентовые брюки. Одна штанина сантиметров на тридцать короче другой. Кусок отрезал, чтобы положить заплату на ягодицу, а то штаны прохудились безбожно. Они вообще рвутся без всякой совести. Сегодня зашью, а завтра опять дыра. И непременно на новом месте. В Оле я проникся уважением к их брезенту и запасных не взял, а теперь в предкатастрофическом состоянии. Того и гляди в кальсонах придется шурфы долбить. А кальсоны тоже ведут себя не очень честно. Их было две пары, но одни в виде заплат ушли на поддержку других. Я надеялся, что крепость других соответственно удвоится, но вынужден признать свое заблуждение.

Примерно так же обстоят дела и с обувью. То, в чем мы вышли из Олы, давно развалилось. Ходим в торбасах. Голенища скроили из рюкзаков, а подошвы — из войлока. Дураков оказался предусмотрительным и захватил в Оле для этой цели два лошадиных потника. Но сейчас торбаса тоже в аварийном положении. Если не продержатся до прихода Цареградского, тогда придется расставаться с моей курткой. Кожа на ней прочная, можно сшить из нее для всех таежные постолы. Но я останусь в одной рубашке.

20 ноября.

Замерзла смесь воды и спирта. 68 градусов.

Тушенки осталось десять банок. Артель Туркина тоже голодает.

21 ноября.

Встретили в тайге тунгуса. Говорит, живет в поселке Сеймчан, отсюда 57 верст. Билибин и Дураков решили пойти туда. Может, добудут продуктов. Я с остальными продолжаю шурфовку.

4 декабря.

Наши еще не вернулись. Ходили на охоту, убили всего 16 белок. Хлеб закончился вчера.

Чертеж почвы: растительные торфа, ил с прослойками льда, галька с глинистым песком, то же с порфиловым валуном и щебенкой, глинистые сланцы.

7 декабря.

Вернулись хабаровчане. Лошадей съели, завтра принимают за собаку Соболюку.

Юрия Александровича и Степана по-прежнему нет. Где они застряли — неизвестно. Уже должен прибыть Цареградский. Почему он задержался — тоже не знаем.

9 декабря.

Утром Чистяков и Алехин ушли на охоту. Мы с Луненко сидим голодные. Думаем просуществовать до возвращения Билибина. На крыше нашего барака лежат тушки пятидесяти белок, убитых еще в октябре.

Мороз 67 градусов, но тихо. Все будто вымерло. Иногда только трещат в тайге лиственницы, лопаются от мороза.

Ночью опять снилась Аня. Май, цветут каштаны, которых я никогда не видел. Мы сидим на скамейке, и она шепчет: «Я не жила, я только ждала!»

Дыхание у нее горячее и руки прямо обжигают. А в жизни они всегда прохладные, точно она только что умылась. Мне уже и не верится, что мы когда-нибудь встретимся. О встрече мечтаю, но мечты кажутся несбыточными. Малодушничая.

10 декабря.

От Соболюки у хабаровчан осталось на одно варево. Артель Туркина ругает их за жадность. А в Соболюке

было фунтов тридцать, могли бы и поделиться. Мы же отдали Туркину половину своих белок.

12 декабря.

Пришли наши охотники. За три дня убили 60 белок и несколько кедровок. Другой дичи не попадалось.

Билибин и Дураков не возвращаются. Не так-то легко приводить в исполнение свои намерения. Тайга-матушка!

Положение напоминает мне Алдан, прииск «Незаметный» во время большого голода. Скверно! Хоть бы скорее Цареградский прибыл.

13 декабря.

Вернулись наши из Сеймчана. Ничего не принесли, привели только двух лошадей. В Сеймчане прошел какой-то мор, и все олени погибли. В стойбище голодно. Там почти одни старики, остальные охотятся. Одна старуха чуть ли не времен Екатерины Второй. Хлеба в глаза не видели и просят, когда придет наш транспорт, показать, что это такое.

Билибин и Дураков сильно обморозились. Юрия Александровича снова треплет лихорадка. Глаза ввалились и покраснели. На ногах держится с трудом.

Одну лошадь убили и мясо роздали. Себе взяли голову и ногу. Старатели растрогались, даже Туркин прослезился. Таскается, как пес, за Билибиным и назойливо просит прощения.

Сказал Степану, что корейцы съели Собольку. Ничего не ответил, насупился и весь день ходит мрачный. Наверное, вспомнил Демку.

17 декабря.

Мороз начал сдавать — 45 градусов. Ходил вверх по ключу, смотрел капканы и пасти. Пусто.

Старатели с голодухи набросились на лошадь и уже всю сожрали.

Сегодня пришлось убить вторую.

21 декабря.

Распределили остатки потрохов между артелями. Продержимся не больше недели. Если к тому времени транспорт не прибывает, всем нам здесь крышка.

25 декабря.

Все съедено, вывариваем лошадиные кости и кипятим чай из мха. Морозы снова усиливаются. 58 градусов. Часто пуржит. Что день, то бить шурфы труднее. Ослабли. Старатели все работы приостановили, даже не топят в бараках. Лежат на обледенелых нарах. Начинает погуливать цинга. В артели Туркина два человека умерли. Выносить из барака трупы никто не хочет, валяются среди живых.

Обе артели ждут наш транспорт. На что же они надеялись, когда шли сюда? А вдруг бы нас не было, тогда что? Погнались за наживой, нам готовы были глотки перерезать и вот результат. Золото кровь любит, самоутужкой его не возьмешь. Пора бы это всем понять.

1 января 1929 года.

Новый год. Час назад по всей стране люди слышали бой Кремлевских курантов. У нас радио нет. Лежим опухшие. Пуржило, барак замело. Так теплее, но снег придется расчистить. Когда придет транспорт, нас могут не найти. Юрий Александрович улыбается. Улыбка понятна. Трудностей много, и иногда от них крепко достается, но ведь человек сильнее всего на свете.

2 января.

Степан строгаёт топорщица, жалуется на безделье. Были бы патроны, пошел бы, говорит, на охоту. Каждый день вспоминает Демку. Вспомнит — и по щекам катятся слезы. Смешно и жалко. У него двухаршинные плечи и хмурое, с обвислыми бровями лицо. Слезы ему не идут.

Юрий Александрович перечитывает северные рассказы Джека Лондона. Быстро устаёт и кладёт книжку под голову. Вздыхает:

— Мужественный, товарищи, писатель, надо на Колыме что-нибудь назвать его именем.

Алехин и Чистяков разговаривать уже не могут, делают вид, будто спят.

Луненко ворочается. Когда лежит тихо, кусает ногти.

Я лежу на верхних нарах и вижу всех. Мы давно не умывались, трудно натаивать снег. Все стали бородатыми. Луненко среди нас самый молодой, и борода у него жиденькая. У Степана — могучая, у Алехина — клином. Чистяков отрастил окладистую и рыжую, как у Юрия

Александровича. У меня — русая, растет ключьями. Одежда на всех одинаковая — лохмотья неопределенного цвета. И глаза точно примороженные.

Вошла бы сейчас в барак Аня! Мы привыкли не замечать своего вида. Самое интересное, что когда-нибудь будем вспоминать все это как забавный эпизод. А по существу это начало новой Колымы. Какие мы ни есть грязные, оборванцы, но в каждом из нас сидит зачинатель новой истории нового края. С нашими соседями нас равнять нельзя. Их душит золото, а над нами этот идол власти не имеет, мы сами над ним хозяева. Мы Колумбы, переживающие временные затруднения. Ясно — временные. Товарищи нам не дадут погибнуть. Теперь это не просто вопрос нашей жизни. Нужно всем показать, что если за дело берется наше государство, оно не терпит поражений. И хорошо, что сейчас здесь эти гонцы за золотом. Пусть расскажут всем, как ведут себя в тайге представители Советской власти...

Еще несколько листов из тетради Цареградского.

23 ноября 1928 года.

Наконец-то спокойнее на душе. Встретили ороча. Едет на оленях от устья Бохапчи. Был там на охоте. Говорит, видел в тайге охотника Дягилева, который рассказал ему, что шесть нючка (русских) сплыли на плотах до устья Хириникана (Среднекана) и пошли с котомками вверх по реке. Это наши. Демка, вероятно, где-то отстал от них и не сумел догнать, поэтому и вернулся.

Сколько задал нам тревоги! Самое важное — мы потеряли много времени. И к нашим попадем еще не скоро. Дальше чем до бохапчинских порогов, мы не доедем, собакам не хватит корма. Надо возвращаться в Элекчан, снаряжать олений транспорт и двигаться на Среднекан уже всей экспедицией. Не знаю, выдержат ли билибинцы, продукты у них должны быть на исходе.

13 декабря.

Выезжаем только сегодня. Лошади сейчас до Среднекана не дойдут, а олени поднять весь груз не смогли. Пришлось искать еще пять упряжек. Это забрало целых две недели.

Дорога будет тяжелой. Метет — света белого не видно.

15 декабря.

Удивительное явление — горячие источники! Три маленьких лужицы. Камни и галька около них покрыты лишь тонкой корочкой инея. Снега нет в радиусе около ста метров. Дальше его много, но на тот, что я видел до сих пор, не похож. Обычный колымский снег с налетом бледной синевы, хрусткий и сыпучий, а этот мягкий и очень белый. Сугробы будто пена на парном молоке.

Местность холмистая, окруженная высокими, цепляющимися друг за друга сопками. В ложбинах и на склонах растут роскошные для Колымы лиственницы, упругий тальник и стройные тополи. Невдалеке протекает небольшая речушка, Макар называет ее Талой. Она покрыта льдом, но тонким и не везде. Температура воды в лужицах плюс 90,4 градуса. Воздух тоже довольно теплый и почти нет ветра, а в часе езды отсюда мы пробивались сквозь неистовую пургу при морозе в 62 градуса.

Уголок совершенно райский. Не ожидали найти такую прелесть на Колыме. Со временем обязательно построим здесь курорт. Было бы неплохо обосновать на этом месте и будущий центр Колымы, но далеко от моря, побережье бухты Нагаева подходит больше.

21 декабря.

Двигаемся медленно, километров 15—20 в сутки. Глубина снега больше двух метров, олени едва плетутся. Макар, Казанли и я идем на лыжах впереди, пробиваем им дорогу. Лыжи выстрогали на Талой сами. Они сырые и тяжелые. К вечеру ноги словно налиты свинцом. Если бы не пурга и мороз, было бы еще ничего. Встречный ветер отбрасывает назад и валит на землю. Если поддаться ему, покатит по снеговому насту, как сломанную ветку. И приходится постоянно помнить, что каждым осторожным вдохом можно отморозить легкие. Идти быстрее мы не в состоянии. Пусть товарищи простят нас.

31 декабря.

Подошли к перевалу на Среднекан. Дня через три-четыре будем у наших.

Одиннадцать часов вечера. Макар ушел в палатку

рабочих. Мы сидим вдвоем с Казанли и по случаю Нового года читаем стихи. Опять Маяковский и Блок. Что бы мы делали, не будь на свете поэтов? Жить без стихов решительно невозможно...

Ночь была новогодняя,
Скулила за палаткой пурга.
Человек сказал:
— Жить без стихов невозможно.
Человек сказал:
— Хорошая песня нужна! —
Ночь была новогодняя,
Плакала о покое тайга.

Начало... Губительные пороги на реках, злые морозы и пурги, безграничная, окутанная холодным таинством тайга и двадцать два человека. Как я им завидую, этим людям! Завидую всему: тяжким испытаниям, мечтам, влюбленности в стихи, удачам и неудачам, опасностям и пророчеству.

Они сказали: будет порт — и вот он, порт Нагаево, бетонные причалы, катера, трудяги-буксиры и океанские лайнеры-гиганты.

Они сказали: будет город — и вот он, белокаменный Магадан.

Они сказали: будет дорога — и вот она, опоясавшая всю Колыму автотрасса, тысячи километров и тысячи машин.

Они сказали: будет курорт — и вот он, курорт Талая, самый северный в нашей стране, бальнеологическая лечебница в районе вечной мерзлоты! Санаторные корпуса с верандами, беседками, клумбы, парк. Северную стынью взметнул на рога олень — скульптура на площади.

Едешь по Колымской трассе и невольно смотришь на все глазами первооткрывателей этого края. Плывут навстречу придорожные поселки, мелькают телеграфные столбы, уходят в тайгу линии электропередач. Часто по сторонам трассы роятся в земле драги. Они громадны, как плавучие морские дебаркадеры. С дороги видны только высоко поднятые жерла транспортеров и верхние палубы. Смотришь — и добрая радость рождается в душе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ.—МЕНЯ СУРОВО УБЕЖДАЮТ.—САМОРОДОК ВАЛИ ТАРАСОВОЙ.—ДЕЛО, КОТОРОЕ НЕ ЗАПЫЛИЛО ВРЕМЯ.—МАГАДАН ДАЕТ «ДОБРО».—ПЯТЬ РАДУГ, ПЯТЬ СОЛНЦ

Итак, мой путь лежал к золотым приискам. Теперь на Колыме их много. Чтобы побывать на всех, нужно по меньшей мере полгода. Таким временем я не располагал, поэтому выбрал один район — Сусуманский.

Не доезжая Сусумана, на шестисотом километре трассы, наш газик, кативший до сих пор с завидной легкостью, вдруг сломался. Вечерело. Моросил дождь. Попытки «вылечить» мотор успехом не увенчались. Обескураженные, мы стояли с шофером посреди дороги и уныло смотрели друг на друга. По нерушимому колымскому закону возле нас останавливались все проезжающие машины.

— Что у вас, братки? — выглядывали из кабин водители автопоездов.

Петро им что-то объяснял, они сочувственно выслушивали, разводили руками и включали скорость. Нам мог помочь только такой же, как у нас, газик.

Дождь перешел в ливень, серый полумрак — в черную темень. Из бездонной тьмы в глаза били мощные фары автопоездов, а газик не появлялся. Отупевшие от усталости, замерзшие и зверски голодные, мы потеряли всякую надежду.

— Я побуду тут, а вы поезжайте на автопоезде в Сусуман, може, там газик найдется, — выстукивая зубами чечетку, сказал Петро.

Я прытко выскочил из машины и — бывает же на свете чудеса! — у моих ног затормозил газик. И не

просто спаситель. В нем оказался один из тех, кого я непременно хотел повидать в Сусуманском районе, конструктор и наладчик автоматизированных промывающих установок Виктор Васильевич Иванов, здоровенный, почти двухметрового роста, с крупным, мужественным лицом.

После войны работал на Колыме забойщиком, заочно учился в Магаданском горно-геологическом техникуме. Учился жадно, в год сдавал экзамены за три-четыре семестра. Диплом защитил с отличием. Сразу назначили на должность главного инженера прииска.

Было лестно, но скоро разочаровался. Хотелось чего-то другого.

Поступил в политехнический институт на факультет горной электромеханики, опять заочно. Стал конструктором, впервые в Советском Союзе применил автоматику на добыче золота. Не сам, конечно, помогли инженеры — Прошин, Устюменко, Хволес, но идея его.

Остаток пути до Сусумана и дальше до прииска «Мальдяк», где была смонтирована первая автоматизированная золотопромывающая установка, мы ехали вместе.

Когда приехали, Иванов, показывая установку, объяснял мне идею автоматизации колымской золотой промышленности:

— Мы живем в двадцатом веке, штурмуем космос. Старатель с лотком и кайлом в наше время кажется парадоксом. Скоро таким же парадоксом будет и вся существовавшая до сегодняшнего дня механизация. Такую неавтоматизированную установку недавно обслуживали сто человек. А сейчас ею управляет один человек и промывает песков в два раза больше. Все делают приборы: контролируют подачу воды и песка, автоматически устраняют повреждения, даже взвешивают количество промытой породы. Хотите, продемонстрирую самоустранение неполадок?

Он подошел к трубопроводу и закрыл подачу воды. На главном щите управления что-то щелкнуло. В ту же минуту скруббер и транспортер остансвились. Прошло не более тридцати секунд, и на щите снова раздался щелчок. Закрытый клапан трубопровода медленно поднялся, и установка заработала.

Виктор Васильевич выводил из строя то один, то другой узел установки, и всякий раз все налаживалось

Воздушная карета.

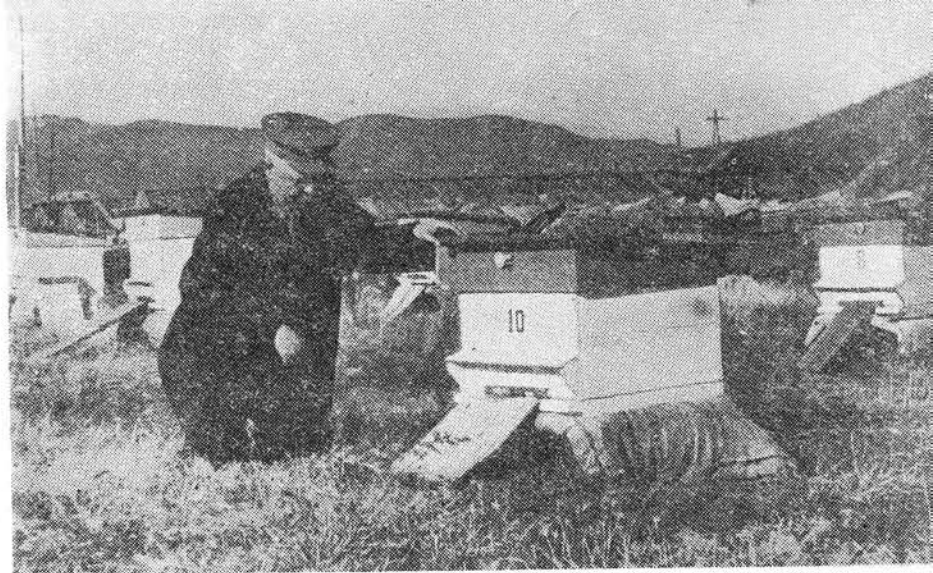
КОЛЫМСКАЯ

ЭКЗОТИКА

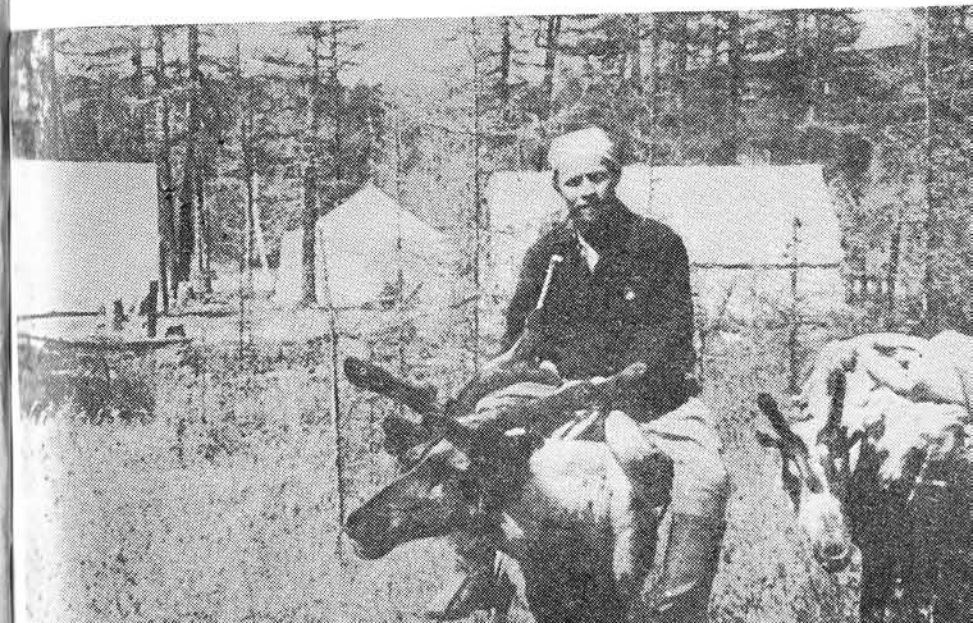
Этому рысенку от роду не больше девяти месяцев. Рабочий геодезической партии Степач Углов поймал его в тайге и теперь хочет приручить. Удастся ли?

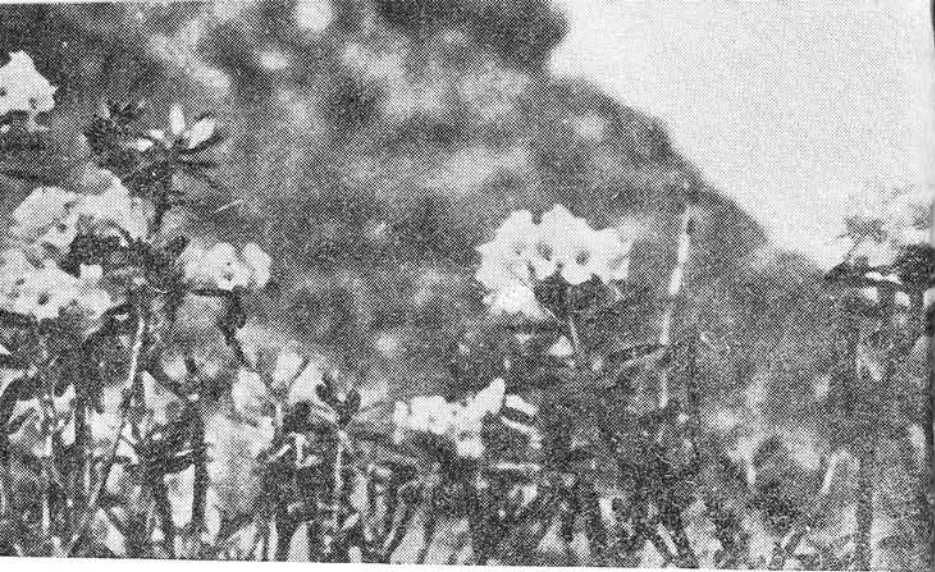
Посадили беднягу на цепь. Что ж, не все коту масленица.

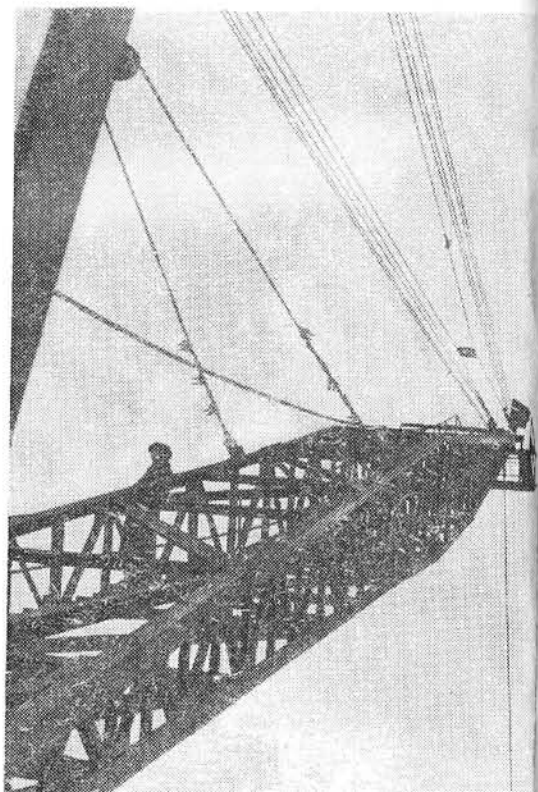
Там, где вечная мерзлота и лютые зимы, эти пчелиные ульи кажутся диковинкой. Но в совхозе «Сусуман» к ним привыкли, а пчеловод Николай Никифорович Иосипенко без них, наверное, себя даже не представляет.

Геодезист Вадим Михайлович Мерзляков сказал мне: «Если для экзотики, тогда можешь снять, а то я предпочитаю вертолет».

Колымская символика.

будто по щучьему велению. Конструктор довольно потирал большие, сильные руки.

— Мы избрали себе место на стыке горной техники и радиоэлектроники, внедряем в свою промышленность то, что достигнуто в смежных областях науки. Со временем установки будут работать вообще без присутствия человека. Управление всеми приборами перейдет к бульдозеристу, который подталкивает пески к бункеру транспортера. А лет через пять радиоэлектроника заменит и бульдозеристов. Десятком машин будет управлять один оператор. Между ним и центральной диспетчерской прииска установим коротковолновую радиосвязь, и тогда все наше производство будет выглядеть примерно так: большой овальный зал, посередине зала — стол диспетчера, у стенок — полукруг радиопультов. Каждый пульт связан с отдельным участком прииска...

Вот где-то в тайге, непосредственно на месте добычи золота, какая-то машина или прибор вышел из строя. На щите тотчас зажигается сигнал тревоги. Диспетчер снимает трубку радиотелефона и слышит голос оператора, объясняющего характер поломки.

Спустя минуту туда выезжает дежурная ремонтная бригада.

Заметив мою невольную усмешку, Виктор Васильевич хмурится, сурово меня убеждает:

— Я не фантазирую, перед вами действующие автоматы. Это уже половина задуманного. Чего мы, собственно, добиваемся? Облегчения труда и повышения производительности. Нас ко многому обязывает время. Мы не имеем права тащиться на телеге, когда все ведущие отрасли промышленности работают на реактивных скоростях. И на Колыме двадцатый век!

Он продолжал уже мягче:

— Вторая сторона нашей идеи: автоматика требует квалифицированных кадров. Чтобы управлять ею, рабочему нужно учиться. Большинство нашей молодежи занимается в вечерней школе или в техникуме. Многие поступают и в институт. Человек воспитывается всесторонне. Обратите внимание, кто обслуживает эту установку. Инженер Тарасова. Просту познакомиться.— Громко позвал: — Валентина Федоровна!

— Иду! — откликнулся за электробудкой тоненький голосок, и появилась рыженькая девчушка в теплом клет-

чатом платке, брезентовой куртке и резиновых сапогах. На вид ей было не больше семнадцати: наивные детские глазенки, курносый нос, нежные губы. С улыбкой подошла к нам, забыв поздороваться, протянула Виктору Васильевичу красноватый самородок.

— Гляньте, наверное, граммов семьсот! Я стояла на скруббере, смотрю — что-то краснеет за будкой, а это самородок. Сколько ходили там и не видели!

Иванов взвесил золото на ладони, похвалил Валу за глазасть и бросил самородок на ленту транспортера. Лента двигалась быстро, и он тут же затерялся в плывущих по ней кусках породы.

— Зачем вы это, Виктор Васильевич? — спросил я так, словно стал соучастником преступления.

Ответила Валя.

— А мы всегда так делаем! — И торжествующе засмеялась: — Все равно наш, никуда не денется.

И тут я увидел, что суровое лицо Виктора Васильевича может быть добродушным и даже веселым.

— Знаете, — с симпатией глядя на Валу, сказал он, — в пятьдесят четвертом году на подземке со мной работал один бывший старатель. В общем мужик ничего, но до того помешан был на золоте, что трепетал перед каждой блестяшкой. Однажды мы нашли кусок пирита, килограмма на два, и решили подбросить его в вагонетку Константиныча. Пирит окраской похож на золото, и хоть человек он опытный, но с налету не разобрал. Как увидел, глаза выкатил и несется по забою: «Ой, братцы! Ой, братцы! Л-лежит... л-лежит там!» Посмеялись мы тогда...

Валя слушала и огорченно грызла ноготь.

— Мой тоже пирит?

— Нет, ваш настоящий, — успокоил ее Иванов. — Так вот, шутку сыграли, а точно подменили старика. После этого он нашел около двух десятков самородков. Сначала убедится, что это самородок, потом идет в контору прииска и гордо вручает самому директору. Спрашиваем: «Чего же ты раньше боялся их?» — «Да она ж, — отвечает, — такая зараза, непременно искус возьмет». — «Ну, не берет?» — «Отшибло...»

Эту историю мне напомнил ваш, товарищ корреспондент, взгляд, когда Валентина Федоровна появилась с самородком...

Золотая промышленность Колымы за сравнительно небольшое время прошла путь от старательского лотка до мощных электрических драг и механических установок. Природа Крайнего Северо-Востока требовала не только особого мужества людей, но и особых машин, особой горной технологии. Инженер, приехавший сюда на работу, прежде всего становился экспериментатором, а потом уже производителем.

Тяжелые испытания первых лет позади. Но строительство не закончилось. Начался новый этап золотой промышленности — модернизация производства. Старые механические установки уступают место более совершенным автоматам. Широкое распространение получила и гидравлика.

Весной 1959 года я был на Алдане. Жил в городской гостинице, но часто уходил за город, бродил далеко в затаеженных сопках и как-то забрел в поселок золотомедного рудника. Возле поселкового клуба стояла толпа. Женщины, пересмеиваясь, лузгают, как семечки, кедровые орешки, мужчины курят, косятся на замок на двери клуба.

— Что тут будет?

Кто-то нехотя ответил:

— Для посторонних интереса нет.

Женщины залюбопытничали:

— На рудник к нам приехали?

— Да нет, шел мимо. Думал, вечер у вас собирается.

— От них дождешься... Директора на пенсию провозжаем.

— Стар уже?

Смеются.

— Как для кого, пятьдесят три, кажись.

— Что ж это он так рано?

— Перестарался, инфаркт заработал.

— Болен, значит?

— Зимой еще бабы заглядывались.

Щелкнул замок, и толпа повалила в клуб.

На сцене за накрытым зеленым скатертью столом сидели пятеро. Виновник торжества — в центре. Каким он был зимой, не знаю. Сейчас ему можно было дать все семьдесят.

Речей было много. Все говорили только о хорошем. На столе росла горка именных адресов и подарков. Те,

кто вручал адреса и подарки, обнимали его. Сначала он выходил из-за стола, потом, только привстав со стула, беспомощно улыбался. Губы его мелко дрожали...

Не дождавшись конца проводов, я вернулся в гостиницу и долго не мог уснуть. У меня было такое чувство, будто я присутствовал на панихиде по еще живому человеку.

Как струна на гитаре. Звенит, звенит и вдруг оборвется. Сколько ее ни вяжи, звенеть не будет. Заменяет ее другой, и ляжет на нее, безголосую, ржавчина.

По журналистской привычке я записал его имя. Дмитрий Николаевич Шевцов. Имя я запомнил хорошо, а вот человека узнаю с трудом. Открытие — он высокий! И молодецкато ладный. Лицо без прежних отеков. Морщины обмелели. В глазах искристая голубинка.

Мягко жмет руку, весело говорит:

— Далековато забрались. Как там Москва?

— Стоит.

— Давно не был. Театр Образцова работает?

— Как всегда.

— Все мечтаю побывать в нем, никак не удается.

Сели. Рассказал ему, где его видел раньше. Усмехнулся, смущенно пожал плечами.

— Было такое...

— Теперь не болеете?

— Условий для болезней нет...

В молодости у него осталось незаконченным одно дело — гидравлический способ добычи золота на вечной мерзлоте.

Сама по себе гидравлика в золотой промышленности не новость. Впервые она появилась больше ста лет назад в Калифорнии и немного позже у нас на Урале, затем в Западной Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Дмитрий Николаевич познакомился с гидравликой в 1928 году под Мариинском. Сын старателя, с десяти лет бродил с отцом по тайге. Мыл золото лотком. Гидромонитор его поразил. Против воли отца пошел работать на государственный прииск, захотел стать гидромониторщиком.

Обязанности «водяного пушкаря» несложные, но без образования приходилось нелегко. Решил учиться. Уже семейным человеком, не бросая работу, за один год за-

кончил десятилетку. Разохотился. Переехал с семьей в Иркутск. Работал грузчиком и учился в горном институте.

На преддипломную практику послали в Якутию. Гидравлики там не было. Удивился — почему? Говорят, дорогое удовольствие. Чтобы добыть на вечной мерзлоте кубометр песка, нужно израсходовать сто кубометров воды, а гидромонитор пожирает столько электроэнергии, что золото получается дороже золота.

Заинтересовался. Гидравлику на вечной мерзлоте избрал темой диплома. Теоретически обосновал снижение затрат электроэнергии на гидравлике более чем в двенадцать раз. Нужно было проверить все на производстве.

Но после защиты диплома назначили в Забайкалье главным инженером большого треста.

Особенно и не возражал. Годы молодые, сил много — все еще впереди.

А время летело. Из Забайкалья перевели в Хабаровск, из Хабаровска в Западную Сибирь, потом опять в Забайкалье и снова в Хабаровск. После института проработал двадцать лет, сменил много должностей и районов, но ни разу не попал в края вечной мерзлоты. О старом дипломе, конечно, забыл. Если бы не сын, может быть, и не вспомнил.

Парень никак не мог найти себя. Увлекался физикой, собирался стать инженером-электриком, потом химиком. Еще через несколько месяцев вдруг объявил:

— Я студент строительного техникума!

Родители в полной растерянности.

— Почему же не сказал?

— Вам скажи, сразу мильон отговорок. — Гордо: — Тринадцать человек было на одно место, я прошел!

Закончил три курса. Повзрослел. Родители успокоились — парень определился. И тут как гром среди ясного неба:

— Строительный брошу, пойду в горный.

Оказалось, всему виной забытый черновик дипломной работы.

Две толстые тетради, исписанные мелким, убористым почерком. Это была скорее научно-фантастическая повесть о покорении вечной мерзлоты необыкновенными водяными пушками, чем точное объяснение технической

мысли. Профессор все забраковал, потребовал написать заново.

Но то, что не удовлетворяло мудрого профессора, вызвало восторг у двадцатилетнего парня: надо же, отец придумал такую сильнейшую вещь и молчит!

Свой пожелтевшие тетради Дмитрий Николаевич перелистывал с удивлением. Записка действительно написана лихо, любую горячую голову вскружит. Есть и пурги, и морозы, и отважные люди. Но это шелуха, важно другое — идея тридцатых годов не устарела. Наоборот, технический прогресс последних двадцати лет сделал ее более выгодной и реальной.

Когда наша страна приступала к созданию первых гигантов отечественной индустрии, не хватало машин, оборудования, специалистов. Все нужно было брать за границей. С иностранцами рассчитывались золотом. Его тоже не хватало. Царскую казну Временное правительство разграбило и большую ее часть вывезло в Англию, Францию и Америку. Старые прииски давали драгоценного металла гораздо меньше, чем требовалось. Государство поставило перед геологами задачу: срочно найти новую валютную базу. Ее нашли на Крайнем Севере — Колыме и в примыкающих к ней районах Юго-Восточной Якутии. И тут встала вторая проблема: создать золотодобывающую технику, способную работать при низких температурах на вечной мерзлоте.

Гидравлические установки, с успехом применявшиеся в Сибири и на Дальнем Востоке, на Севере себя не оправдали. Они были чересчур дорогие, пожирали много электроэнергии, а главное, были малопродуктивны.

В то время Дмитрий Николаевич работал в Забайкалье. О неудачной попытке применить гидравлику на Крайнем Севере прочитал в «Горном журнале». Получалось, что он решал только половину задачи. Смысл его дипломных расчетов сводился к тому, чтобы каждый выброшенный гидромонитором кубометр воды стал дешевле. Но это не меняло производительности установки. Возможности повышения производительности он не видел. Поэтому к своей затее и не возвращался. И вообще забыл о ней.

Теперь старый институтский диплом снова лежал перед ним. В нем все оставалось так, как он раньше себе представлял. Но с тех пор прошло много времени, и на

Севере многое изменилось. Проблема создания так называемой мерзлотной техники решена. Северные прииски обошлись без гидравлики, моют золото электромеханическими установками. Однако сейчас, когда на всех приисках есть бульдозеры и экскаваторы, уже можно применять гидравлику. И с большей выгодой, чем электромеханику. Надобность добычи и транспортировать песок гидромонитором отпала. Добытую экскаватором золотоносную породу подтолкнет к установке бульдозер. Гидромонитор будет только загонять ее в промывочный шлюз. На кубометр песка уйдет не сто, а семь-восемь кубометров воды, то есть производительность гидромонитора возрастет в двенадцать — четырнадцать раз. Да, как подсчитано в дипломе, в двенадцать раз снизить затраты электроэнергии. Экономленная энергия окупит работу бульдозера и экскаватора. В результате выйдет, что гидравлический способ промывки золота самый производительный и дешевый. Гидравлическая установка даст золота вдвое больше, чем электромеханическая, а средств на ее сооружение потребуется намного меньше. Промывочный шлюз монтируется два-три дня, а электромеханическая установка — две-три недели. Металла на нее идет тридцать пять тонн, а на шлюз — три. Словом, преимущество гидравлики полное.

Время не заплыло задуманное когда-то дело. Оно ждало своего завершения. После стольких лет это было и откровением, и торжеством.

Шевцову шел пятьдесят второй год. Он был управляющим Хабаровского золотого треста. Добился увольнения и спешно выехал с семьей в Якутию. Сына все-таки убедили остаться в Хабаровске заканчивать строительный техникум. Председатель Якутского совнархоза назначил Шевцова директором прииска и поставил условие:

— Против экспериментов мы не возражаем, изюминка в твоих расчетах есть, но у нас сейчас прорыв на руднике «Лебедином». Ты человек опытный, тебе и карты в руки. Подымешь рудник — приходи, любой прииск дам.

Вынужден был согласиться. Коль уж приехал, назад бежать нечего, не мальчишка. Сначала было первенство «Лебедино», потом — инфаркт, лебединая песня.

...Под ногами чавкает размытая дождями темная-сивая колымская земля. Безмолвно, словно устав нести тяже-

лые тучи, плачет осеннее небо. Куда ни кинешь взгляд — сопки, сопки, сопки. Придавленные зябкой тишиной, нагие и хмурые.

Омертвевший серый океан.

Узкой тропинкой мы идем по косогору.

Впереди только молчаливая угрюмость тайги, вблизи не видно ни поселка, ни домика. Удивительная закономерность: нелюдим не только богатый человек, — даже богатая земля.

Над моим заключением Дмитрий Николаевич смеется:

— Вы, видно, устали.

Мы на территории прииска «Широкого» — одного из самых больших приисков Колымы. Он действительно широкий. Битых полдня месим грязь, а побывали только на двух участках, встретили четыре живые души. Такое же безлюдье, как на Мальдяке.

— Вам иногда не кажется, что вы живете на необитаемом острове?

— Нет, конечно. Живем ведь мы в поселке. Сами видели, там не так уж плохо. А тайга — она тоже наш дом. Кажущейся безлюдностью нужно только гордиться: техника работает.

Наверное, для него мой вопрос наивен, я в его глазах выгляжу хлипким интеллигентиком. Сорвал на ходу травинку, кусает ее и смотрит на меня с ухмылкой. Но без иронии, ухмылка хорошая. Не обидно. Мне он напоминает моего отца. Такой же рослый, широк в плечах и с такой же доброй, немножко лукавой усмешкой. И плащ носит так, нараспашку.

На «Широком» он хозяин, директор. С уходом на пенсию поторопился. Четыре месяца порыбачил на Амуре и почувствовал себя лучше. Возвращаться в Якутию не хотел. Поехал на Колыму. В Магадане сразу получил назначение на прииск и «добро» на эксперимент. Все расчеты на гидравлику оправдались. На ключе Вилор, куда ведет нас тропинка, добывает золото уже десятая «водяная пушка». Это на «Широком». Такие установки монтируют и на многих других приисках. «Широкий» теперь вроде опытной станции. Изучать гидравлику сюда едут со всего золотоносного Севера: и приискатели, и ученые. Из Магаданского научно-исследовательского института приехала целая делегация.

Одного ученого мы застали на Вилоре. Парень лет двадцати семи, белобрысенький, толстенький и длиннорукий. Рукава туго стянутой на животе кожаной куртки едва прикрывают локти. Представляется полусшепотом:

— Родиков, Семен Григорьевич.

Спрашиваю, что он думает о гидравлике. Вытащил из кармана замусоленный блокнот.

— Вас экономический эффект интересует?

— Да нет, ваше мнение.

— Ну, как вам сказать... — Сначала замылся, потом вдруг обрадованно: — Вообще дело полезное! — показывает глазами на гидроэлеватор: — Вот, технология простая.

И верно, все просто. Гидромонитор да похожий на желоб жестяной шлюз — это вся установка. Невдалеке работает бульдозер. Экскаватора нет, он нужен не везде.

Правду говорят, величие великого в простоте.

Вилор я буду помнить долго. На этом ключе я увидел то, во что не очень верил, — пять солнц.

Монотонно хлюпавший дождь неожиданно утих. Серые тучи расползлись, и из-за них выглянуло полноценное, накаленное добела солнце. Это было необыкновенное солнце. Вокруг него горели еще четыре таких же солнца! Только чуть-чуть бледнее. Их лучи, струившиеся на землю, вырисовывались в воздухе так рельефно, словно это были не лучи, а розовые нити, миллиарды тончайших строп гигантского небесного парашюта. Каждую нить окружало такое же тончайшее колечко лучей центрального солнца.

Просинь неба ширилась, воздух голубел и под необычным солнечным ливнем становился шипучим, как шампанское. Он был очень прозрачен и двигался не дымками, как обычно, а всей массой, точно кипел. В его глубине все предметы увеличились и приблизились друг к другу. К самым дальним сопкам теперь, казалось, рукой подать.

И вдруг по небосводу размашисто прокатились и, охватив полнеба, величаво замерли пять радуг. Сопки заполыхали всеми существующими в мире красками. Это была фантазмагория, богатырский разгул, феерическое пиршество цвета.

Я немало бывал на Крайнем Севере и видел разные чудеса, вызванные игрой света, но такой взрыв, такое буйство красок видел впервые. Перед этой высшей поэзией природы, перед ее гениальной фантазией мы стояли немые. Никто не смел нарушить торжественную тишину, никто не смел обронить слово.

Пять радуг, пять солнц...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА.— ТЕЗКА АФРИКАНСКОЙ
ЗНАМЕНИТОСТИ.— ЕДИНСТВЕННОЕ НЕУДОБСТВО.—
МЫ НАЗЫВАЕМ ЕЕ ЗВЕЗДОЧКОЙ.— ВЫДАЮЩАЯСЯ
ЛИЧНОСТЬ.— ПЕЩЕРНЫЙ ЖЕМЧУГ.— ЯНИК И ПА-
ВЕЛ.— СТРАНА ОЗЕР ЛЮБВИ И МУЖЕСТВА.— НЕ-
ОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ.— ВАЛЕРИЙ ОПАЗДЫ-
ВАЕТ НА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД.— ЧТО ТАКОЕ
ЖИЗНЬ.— «ВИТАМИН А ЛЯ ТАЙГА».— МЫ ДОЙДЕМ,
ВОТ УВИДИТЕ

Валерий оставался верен себе. Родители ждали от него письма, хотя бы маленькую открытку, а он снова сочинял им летопись:

17 июля 1960 года.

Конго (колымское).

Не сердитесь: выполнить обещание мне помешала не только лень, была причина и более значительная.

В Магадан мы прилетели пятого июня. Хотели посмотреть город и с дороги немного отдохнуть, но в управлении заставили немедленно выезжать в поселок Нексикан. Прямого автобусного сообщения с этим поселком нет, из Магадана выехали на управленческом газике. Неслись как реактивные — 675 километров за семнадцать часов! В экспедиции, однако, нашу скорость никто не оценил, встретили выговором: «Где вы болтались?» Это та экспедиция, в которой проходила практику Юлдуз. Бориса и Юлдуз тут ждали, собирались послать на какой-то Сибик-Тыллах. Поэтому в управлении так и торопили. Но теперь полевой сезон начался, и сибик-тыллахская партия полностью была укомплектована. В других партиях тоже свободных мест не было. Мы оказались лишними. Борис и Юлдуз хоть имели сюда официальное направление, а мы с Толиком вообще прикатили на птичьих правах.

Два дня просидели на чемоданах. Я думал, нам дадут от ворот поворот, и ничего вам не писал. Потом все устроилось, но сразу же начались сногшибательные сбо-

ры в тайгу. Полевой сезон на Колыме длится всего три месяца. Две недели из них мы потеряли и должны были спешить. В суматохе о письме я забыл. Так что не обижайтесь и, главное, не беспокойтесь. У меня всегда все хорошо.

Ну вот. Я на Колыме, в нашей «стране пяти солнц». Свыкнуться с этой мыслью пока трудно. Солнце над нами самое обыкновенное и одно. Остальные четыре появляются редко. Сейчас разгар лета — белые ночи. До конца июня солнце светило почти непрерывно: дойдет до горизонта и снова поднимается в зенит. Теперь на несколько часов прячется, но сумерки все равно светлые.

Природа суровее дальневосточной, но не такая, какой мы ее с Толиком представляли. Кругом сопки и тайга. Много цветов, есть дальневосточный багульник и голубика. Некоторые сопки сплошь покрыты оленьим мхом, а иные — кедровым стлаником и брусникой. Ее кустики похожи на барвинки, только листики помельче. Трава высокая и густая. Местами попадает и черемуха, но мало, чаще встречается наша русская рябина.

Работаем мы на речке Конго, одном из верхних притоков Колымы. Слово «конго», или «конгай», по-якутски — спокойный. Река Конго — река Спокойная. На самом деле эта тетка африканской знаменитости с характером, задиристо шумит и пенится, хотя вообще-то мелюзга, курица вброд перейдет. Мы должны изучить и васнять ее берега от устья до истока. Это примерно километров двести. Идем вверх по течению. Обследуем один участок, потом переходим на другой. Вчера перекочевали в пятый раз. Лагерь разбили в тополиной роще. Место красивое, лучше, чем на Гилюе. Роща будто искусственный парк.

Позади нас, за рощей, амфитеатром стоят каменные сопки, а впереди, по ту сторону речки, — луг, весь в белых ромашках и голубых колокольчиках. Посредине луга — развесистая береза, а дальше подпирает горизонт горный хребет. Его вершины в снегу. Одна пика блестит. Там, наверное, ледник.

Лагерь из двух палаток, двухместной и пятиместной. В двухместной живут Борис и Юлдуз. Называемся мы отдельным поисковоразведочным отрядом.

До устья Конго мы добирались водой и сухопутьем. Одна группа плыла по Колыме на илимке (длинная плос-

кодонная лодка), а вторая шла с лошадьми берегом. Лошади в отряде три: две гривастые сивые кобылицы и вороной конь Закат.

Кочуем мы на лошадях. Илимку оставили возле Колымы, по Конго она не пройдет.

Вообще мы живем без трудностей. Единственное неудобство — нет рации. Она нам не досталась — поздно формировался отряд.

Сегодня выходной. Все где-то бродят. В лагере только я и Юлдуз. Она стирает, а я пишу.

Юлдуз, между прочим, симпатичная. Невысокого роста, проворная. Косы иссиня-черные, длинные, почти до колен. Она их по-узбекски заплетает в восемь косичек и укладывает короной. Говорит немножко с акцентом, но заметно не сразу. Мы вместе ходим в маршруты, и она учит меня узбекскому языку. Ученик я плохой, за месяц запомнил десяток слов, но моими «успехами» она восхищается. Сказала, если я выучу сто слов, сошьет мне узбекскую тубетейку. У нее есть мулине. Женщины и в тайге вышивают.

С родителями она так и не помирилась. Написала им, что вышла замуж, хотела приехать домой с Борисом, а они ответили, чтобы и на глаза не показывалась. По их мнению, она опозорила всю семью.

Меня удивляет, что она рассказывает обо всем этом шутивым тоном, будто совсем не переживает. Ясно, Борис ей дороже всех, на него она чуть ли не богу молится, но ведь и родители дороги.

Юлдуз, наверное, только делает вид, что ей все трин-трава. Я ни разу не слышал, чтобы она сказала что-нибудь против Бориса, даже если он и не прав. Борис просит ее быть самостоятельнее, а иногда даже злится, но тогда она угождает ему еще больше. В этом она странная, а в остальном «парень-молодец». Носит брюки, ходит вприпрыжку, ищет самую разбогатую золотую россыпь, с восторгом обстирывает нашу капеллу. Мы называем ее Звездочкой.

Да, не написал про интересную находку. В устье Конго Толик нашел надпись на дереве, датированную 1932 годом. Буквы выцвели, но прочитать можно. Стихи.

Мы были здесь проходом на Теньку

Сего 11 мая.

Товарищи, горячего чайку

Отведать с нами предлагаем.
Откажется лишь тот, кто глух и нем, и слеп,
В ком жажда жить давно уже угасла.
У нас есть сахар, чай, чудесный белый хлеб
И даже экспортное масло.
Садитесь. Кушайте. Откуда вы? Куда?
Зачем и почему? Проходом то же иль иначе?
Ответа нам — увы! — не слышать никогда,
Но все равно от всей души желаем вам удачи.

Видно, тут проходила на Теньку (река на юге Колымы) какая-то веселая поисковая партия. По таежному обычаю, мы дали в их честь салют пятью ружейными залпами.

Выше по Конго просвещенный люд не бывал. Мы здесь первооткрыватели.

24 июля.

Ничего особенного за эту неделю не произошло, если не считать, что позавчера отметили сомнительное шестидесятилетие нашего конюха. Лупит себя в грудь кулаком и божится, что родился двадцать второго июля. Скорее всего он просто нашел законную причину хлебнуть «святой водицы» (у нас есть немного спирта).

В отряде это самая выдающаяся личность. Зовут его Свирид Пирва — мы называем Дед. Цыган свирепого вида. Хищный орлиный нос, выпученные глаза пропойцы и пиратская борода. К этому прибавьте еще пудовые кулачищи и закатанные, как у мясника, рукава. Точь-в-точь разбойник с большой дороги. Где и кем он только не был! Конокрадом — на Украине, «акулой» — налетчиком на пассажирские пароходы на Волге, «медвежатником» — взломщиком сейфов — на Урале и в Сибири, ресторанным артистом, распространителем фальшивой монеты и контрабандистом — во Владивостоке. Там же в 1922 году завербовался к колчаковскому генералу Пепеляеву. С пепеляевцами завоевывал Якутию, потом с ними же бежал от Красной Армии в Охотку, а оттуда, уже самостоятельно, — на Аляску. Там начались заморские похождения длиною в двадцать лет.

В Советский Союз вернулся во время войны. Был матросом на английском крейсере «Эдинбург». В июне 1942 года этот крейсер в сопровождении нескольких эсминцев приходил к нам в Мурманск за золотом. Взял десять тонн золотых слитков. На обратном пути на него

напали немцы. Здоровенный крейсер получил всего одну пробоину и до Англии свободно мог дойти, но его добились свои же, английские, эсминцы. Часть команды с него сняли, а часть бросили на гибель вместе с золотом. Брошенным оказался и наш Дед. Четверо суток он плавал на куске дерева, пока его не подобрал советский сторожевой корабль.

Блудный цыган Свирид Пирва всех политических интриг, из-за которых был потоплен «Эдинбург», понимает, не знал, но он видел, что англичане бросили его на гибель, а советские люди спасли жизнь и месяц лечили в госпитале, где рядовые матросы лежали вместе с офицерами и обслуживались одинаково. Возвращаться в Англию он не хотел. Рассказал о своем прошлом и просил отдать под суд, но принять в подданство России. Судить его, конечно, не стали. Выдали паспорт советского гражданина и предложили ехать на Колыму добывать золото.

Мы не даем Деду спирта, потому что он быстро пьянеет и плачет, вернее, навзрыд стонет: «Сдохну я, братишечки, как собака подзаборная! Разменял я свою жизньюшку на фунтовую стерлядь!»

А трезвым ведет себя спокойно. Говорит, что когда-то на Дальнем Востоке у него была красивая жена и два сына, которых никак не найдет. Переживает, что где-то, может быть, у него есть внуки. «Без дедовой ласки страдают, мамушечки».

31 июля.

Хотел прошлый раз рассказать еще о двух новичках нашего отряда, но Юлдуз перебила. Она собирала в тайге ягоды и нашла поразительную штуку — две жемчужины! Кроме шуток, жемчуг настоящий. Маленькие горошины цвета слоновой кости.

Недалеко от нас на берегу Конго, оказывается, сталактитовая пещера. Юлдуз увидела ее и решила обследовать. Жемчуг попался ей прямо у входа. Обе горошины лежали на кальцитовом карнизике в естественной ванночке. Они лучились, поэтому Юлдуз обратила на них внимание. Она прибежала в лагерь и слова не вымолвит. Показывает нам свое сокровище, а мы смотрим и не понимаем, что за счастье в этих горошинах. Никто из нас никогда не видел жемчуга. А Юлдуз как раз перед этим

в какой-то книге прочитала о пещерном жемчуге. Она говорит, что на земном шаре таких горошин найдено всего несколько десятков. По качеству они не уступают морскому жемчугу и ценятся так же высоко, а иногда и дороже.

Мы, ясное дело, бросили все и ринулись на ловлю жемчуга. В пещере пробыли целую неделю, но жемчуга больше не нашли. Счастье улыбнулось только Юлдуз. Она собирается послать горошины в Академию наук. Может, для такого случая Юлдуз дадут командировку в Москву. Она бы зашла к вам и рассказала обо всем подробнее. Это очень интересно. Ведь чтобы кальцит превратился в жемчуг, нужны тысячи и тысячи лет. Значит, наша пещера древнейшая и наверняка представляет большую научную ценность. Мы не спелеологи и сказать о ней что-нибудь толковое не можем. Разве только то, что это чудо из чудес. Подземные дворцы. Зажжешь факел — и сталактиты играют сотнями цветов и оттенков. Чуть тронешь молотком одну колонну, а звон катится по всей пещере. Будто кто-то пробежал по клавишам органа. Музыкальная азбука капели, таинственный сумрак и холодная торжественность. Замечательно!

Да, так я хотел рассказать об остальных новичках — старшем геологе Павле Иркутове и коллекторе Янике Петерсе. У нас интернационал: Борис, он начальник отряда, — украинец, Юлдуз — узбечка, Пирва — цыган, Павел и мы с Толиком — русские, Яник — латыш.

Отец Яника был латышским стрелком и приехал на Колыму вместе с первым директором Дальстроя Берзиным или немного позже.

Берзин в революцию командовал артиллерийским дивизионом и, когда его послали на Колыму, взял с собой некоторых своих солдат. В 1937 году отца Яника арестовали. Янику тогда было только полтора года. Отец в тюрьме умер, и его реабилитировали посмертно. Янику от отца осталось письмо.

Фотографию отца и фотокопию этого письма Яник носит с собой.

Письмо короткое, восемь строчек на листке из тетради в клеточку. Написано по-латышски. Яник нам его переводил:

«Дорогой сынок, не думай о своем отце как о преступнике и не вини людей, арестовавших меня. Рано или позд-

но все образумится. Будь честным и мужественным. Знай: самая святая правда — правда Ленина. Гордись, что в свое время партия доверяла твоему отцу охранять кремлевскую квартиру Ильича. Верь в светлое будущее. Учись. Заботься о маме. Если найдешь в себе силы, помогай Советской власти осваивать Колыму. Ее богатства нужны Родине.

Твой папа».

Датировано письмо сорок девятым годом, но Яник получил его в пятьдесят четвертом. Он жил тогда в Риге, сдавал экзамены за девятый класс. Еще год поучился в школе, потом с матерью приехали на Колыму. Мать у него учительница английского языка, преподает в старших классах.

Яник работал в разных полевых партиях и заочно закончил Магаданский горно-геологический техникум, а сейчас, тоже заочно, учится в горном институте, уже на третьем курсе. Он, как Толик, тихий и очень стеснительный. Роста маленького, беленький, щуплый. Пишет полатышски стихи, но тайно. Сильно заикается и поэтому старается больше молчать. Всегда витает где-то в другом мире.

Спросишь его о чем-нибудь, вздрогнет от неожиданности и покраснеет. А при Юлдуз стесняется даже обедать. Ни за что не дает ей стирать свое белье. Юлдуз все равно стирает, говорит, ей стыдно смотреть, как мужчина занимается женским делом.

Терзается, что забыл дома бритву и вынужден пользоваться чужой.

Борис и Павел по примеру Деда отращивают бороды, а Яник каждое утро встает на полчаса раньше всех специально чтобы побриться.

Теперь о Павле. Янику он полная противоположность. Неотразимый сердцеед. Черная с завитками шевелюра и две сияющие золотые коронки. Брюки носит по-деревенски навывпуск, пиджак небрежно, на одном плече. Где-то купил концертную гитару и таскается с ней чуть ли не в маршруты.

Правда, играет и поет хорошо. Сам он донской казак, земляк Шолохова. На Колыме второй год, приехал по распределению института. Парень неплохой. Без него в отряде была бы грусть-тоска.

7 августа.

Писать нечего. Работа изо дня в день одинаковая. Ходим в маршруты, берем шлиховые пробы, зарисовываем местность. Мы с Юлдуз идем по правому берегу Конго, Павел и Толик — по левому. Борис работает в маршрутах с Пирвой, но часто остается в лагере, документирует с Яником пробы.

Дед в такие дни «плюет в небо» или седлает Заката и едет на охоту. Иногда привозит несколько рябчиков, а вчера вернулся с росомахой. Мясо ее есть нельзя, запах противный, содрали только шкуру. В этих местах охота плохая, мало дичи.

Ночи уже темные и длинные. Изредка идут дожди. Еще лето, но трава и листья на деревьях начинают жухнуть. Чувствуется приближение осени.

Сегодня что-то разговорился Яник. Рассказал любопытную историю. На Колыме, оказывается, недавно открыли вулкан. Делали аэрофотосъемку неисследованного района Южно-Ануйского хребта и, когда проявили снимки, на одном обнаружили вулкан. А раньше считали, в Советском Союзе вулканы есть только на островах и на побережье Тихого океана. Яник говорил, что если на Ануй будут посылать экспедицию, он попросит взять и его. Я тоже пошел бы. Вулкан я еще не видел. А этот к тому же только открыт.

21 августа.

Давно не писал, не был в лагере. В спешке мы взяли на базе маловато продуктов, и пришлось пополнять наши резервы. Мы с Дедом ездили на лошадях ловить хариусов. Далековато, в горную сграну Озер Любви и Мужества. Я сам придумал ей такое имя. Там много озер с интересными названиями. Попробую вам их описать. Для этого мысленно поднимусь на вертолете и пролечу с запада на восток над всей озерной страной.

Вот кончились высокогорные ледники. Голубеет зажатое в черные пики скал озеро Пурга. Оно на две тысячи метров выше уровня моря. Здесь всегда дуют высотные ветры и гуляют штормы. Словно хищная зубастая челюсть, озеро охватила полукругом шербатая стена. Где выбит один гранитный клык, образовался огромный водопад, который с грохотом обрушивается в озеро Джека Лондона.

Нижнее озеро сиреневое. В центре оно просверлено островом. На западе острыми углами врезается в темные утесы и кажется там обгоревшим. Восточный берег пологий. Один его угол рассечен заливом. Узкая полоса воды похожа на взмах руки. Там озеро Джека Лондона сливается с озером Танцующих Хариусов.

Третье озеро, меж крутых сопок, напоминает кривое лезвие сабли. И цвет у него стальной. На его глади пляшут фонтанчики танцующих рыб, будто на булате играют солнечные блики.

Острие необыкновенной сабли держит в клюве птица озера Серой Чайки. Дальше тают в дымке озера Надежда, Разлука, Испытание, Верность... То словно целуясь, то будто взявшись за руки, то сливаясь в громе водопадов, они опоясали горы сказочным ожерельем. Если в бурю шторм с озера Пурга перекинется на озеро Джека Лондона, его отголоски прокатятся по всему громадному кольцу. А когда ясное небо и светит солнце, ожерелье кажется составленным из лучистых драгоценных камней.

Названия озер мне сказал Дед. В прошлом году он работал тут с партией геодезистов. Эта озерная часть Колымы самая высокогорная и дикая. Занимает она больше десяти тысяч квадратных километров, но изучена пока только поверхностно. На географическую карту успели нанести одно озеро Джека Лондона. Говорят, его назвали так в честь Билибина, начальника первой колымской геологической экспедиции. Джек Лондон был его любимым писателем. Я не знаю, откуда произошли остальные названия озер. По-моему, «крестил» их какой-то влюбленный парень. Кроме Пурги, Джека Лондона, Танцующих Хариусов и Серой Чайки, все связаны с любовью.

Край красивый. Сопки, скалистые горы и кольцо озер. Если бы изменить климат, я посадил бы у каждого озера розы и белую акацию.

Цвет акации осыпался бы, и казалось бы, что розы цветут в снегу. А на сопках и горах — каштаны. Белая акация, белые каштаны и белые паруса яхт на озерах. Здорово, правда?

Мы рыбачили на озере Танцующих Хариусов. За неделю поймали и засолили сто двадцать рыбин. Все мелкие. Чтобы наестся, нужно съесть штук пять.

На обратном пути пристрелили горного барана. Мяса с полпуда, ягненок. Старый баран весит пуда два.

В отряде за это время ничего интересного не произошло. Сделали еще одну кочевку.

Толик завел гербарий. Трагически вздыхает, что не подумал об этом раньше, многие растения уже увяли.

Сколько знаю его и никак не привыкну к его чудачествам. Поймал бурундука и хочет его выдрессировать. Доказывает всем, что у бурундука редкие умственные способности. Бурундук как бурундук. Не замечая на шее веревки, прожорливо грызет стланиковые шишки и бесмысленно тарасит глаза-пуговки.

26 августа.

Сенсационное событие: медвежья агрессия.

Яник чуть не получил разрыв сердца. С утра все ушли в маршруты. В лагере он остался один. Сидел в большой палатке и писал. Слышит, за палаткой какая-то возня. Вышел и обомлел — медведи! Медведица и два пестуна. С перепугу он кинулся назад в палатку, но потом понял, что это укрытие ненадежное, и, схватив ружье, бросился бежать к нам. Примчался еле живой. Тычет ружье в сторону лагеря и отдышаться не может. Насилу выдохнул:

— М-м-мед-дведи!

Когда мы прибежали в лагерь, гости были в той самой палатке, где сидел Яник. В углу там у нас стоят ящики с продуктами. Медведица угощала своих детенышей. Мы пальнули, но сгоряча стреляли дробью. Медведи удрали.

Палатка была закреплена плохо, и они, стукнувшись в стенку, сорвали ее.

Вдогонку мы еще выстрелили, только опять без толку. Агрессоры скрылись в тайге. Дробью медведя не убьешь — комариный укус. Некоторые охотники убивают из малокалиберки, но это удача или большая тренировка.

Результаты агрессии, не считая сваленной палатки и раскиданных постелей, следующие: уничтожены все наши хариусы, банка повидла и почти весь сахар, рассыпана мука и раздавлен в лепешку ящик с галетами. Все разгромлено и смешано с землей. В палатке хаос.

И без того еды было в обрез, теперь еще хуже. Ловить хариусов мы больше не поедим. Напрасная трата време-

ни. Бредня нет, а удочками много не надергаешь. Главное, если поехать к озерам, два человека снова неделю не будут работать. Застрянем тогда в тайге до зимы.

Всех беспокоят продукты, а Толик убивается о бурундуке. Медведи его съели.

У столба посредине палатки, где он был привязан, остался только обрывок веревки.

Хорошо, что мы увели с собой лошадей.

28 августа.

Вчера перекочевали на новое место. Начинаем залечивать раны. Взяли на учет все продукты и, памятуя горький опыт, зарядили жиганами ружья. Чтобы сократить время пребывания в тайге, отменили выходные. Еды нужно будет на четыре дня меньше. Постараемся сократить еще два-три дня за счет темпов. По плану на базу мы должны вернуться 25 сентября, но продуктов с натяжкой хватит до восемнадцатого — двадцатого. Будем укладываться в этот срок. Нам осталось обследовать полосу тайги в сорок километров длиной и пятьсот метров шириной. Нагрузочка на две недели (десять дней уйдет на дорогу)!

Сегодня первое воскресенье было рабочим. Настроение на уровне. Павел и Толик с утра промыли сто проб, в шлихах попадают золотые крупинки. К Павлу не подступиться. Сейчас у него лирическое вдохновение: «Играй, моя гитара, страдайте, струны звонкие мои...» Мотив на манер цыганского. Дед, Яник и Толик млеют в великом наслаждении. Борис непроницаемо ухмыляется, а Юлдуз сгорает от зависти — наши с ней пробы сегодня пустые.

Вечер сухой и теплый. Потрескивает костер, журчит речка и тихо шумит тайга. Мне чего-то хочется, а чего — не знаю. Вдруг стало грустно. Как у Надсона:

Не знаю отчего, но на груди природы,—
Лежит ли предо мной полей немая даль,
Колышет ли залив серебряные воды,
Иль простирает лес задумчивые своды,—
В душе моей встает неясная печаль...

А причины нет.

Давно я вас не видел. Зиму и два лета. Между нами расстояние в четверть длины экватора. Что там в Москве? В конце августа я всегда бегал по книжным магазинам.

Новые учебники пахли типографской краской, как поджаренный миндаль.

Теперь я совсем взрослый. Скоро двадцать. Надо учиться думать, чтобы яснее все представлять. По книгам получается, будто все продумано, делай, что тебе говорят, и будь счастлив. А в жизни, может, есть и что-то другое.

4 сентября.

Последнюю неделю льют дожди. Солнце временами выглядывает, но сразу прячется. Тучи над тайгой ползут круглосуточно. Мы продвинулись на шестнадцать километров, а должны были пройти двадцать.

Берем пробы. Вообще поиски для нас не основное, наша задача — составить геологическую карту района.

21 сентября.

Эти дни было не до летописи. В отряде несчастный случай. Девятого сентября Юлдуз сломала ногу. Я сам во всем виноват. Как всегда, мы были в маршруте вдвоем. Шли обрывистым берегом Конго. В одном месте к речке примыкает крутая щебнистая сопка. Такие сопки мы обычно обходим, особенно в дождь — скользкий щебень плывет от малейшего толчка. Но я полез на вершину. Издали нам показалось, что там интересные известняки. Юлдуз сначала оставалась на берегу, потом и она покарабкалась. Мне нужно было подождать ее, а я увидел, что она меня догоняет, и поспешил выскочить наверх первым. Остановился, только когда услышал сзади крик. Юлдуз на животе быстро сползала с сопки. Она выбросила вперед руки, старалась за что-нибудь ухватиться, но под ней все плыло: ни задержаться, ни встать.

Побежать к ней я не мог. Из-под моих ног на нее понеслась бы новая лавина щебня. Я закутал телогрейкой голову и покатился вниз по другому склону. Думал, успею поймать Юлдуз у подножья сопки, но опоздал на несколько секунд.

Побились мы оба, но у меня только ссадины, а у Юлдуз перелом ноги. Дед наложил ей «гипс» — тополиную кору. Двенадцатые сутки ждем улучшения. Пока ничего хорошего. Нога распухла, очень горячая и вся в фиолетовых пятнах. Уже не знаем, что делать. Температуру немного сбивал спиртовой компресс, но спирт кончился. Прикла-

дываем подорожники и вареную хвою стланика. Раны это залечивает, а перелому не помогает. Юлдуз, бедная, почернела. Не стонет, но искусала себе все губы. Лежа вышивает мне тубетейку — аванс за будущие сто узбекских слов.

У нас шесть тюков с образцами и битком набитые рюкзаки. Одна лошадь еле поднимает два тюка. Рюкзаки нужно нести самим. Не считая палаток, спальных мешков и ружей, на человека приходится килограммов по тридцать пять. С таким грузом мы Юлдуз не донесем. Дороги нет. Тайга и слякоть. Как только в небе держится столько воды? В океане, наверное, меньше.

Обидно: когда у нас на Гилую была рация, тогда ничего не случилось.

Главное — добраться до устья Конго: там илимка. Но туда двести километров, а мы полуголодные. Как ни экономим, продукты исчезают. Если наедаться досыта, их осталось дня на четыре: пять банок консервов, стаканов пятнадцать муки, около двух килограммов сухарей и немножко галет.

Консервы и галеты мы бережем для Юлдуз. Она, конечно, возражает. Заставляем ее есть с боем. Больше разговоров и слез, чем еды.

Полевое задание выполнили тринадцатого. Работу не продолжаем, чтобы не терять сил. Добываем только пищу. Толик и Яник, как люди сугубо мягкосердечные, собирают ягоды и орешки стланика (их любит Юлдуз), а мы вчетвером — Дед, Борис, Павел и я — ходим на охоту. Дичь попадает редко. Самый удачный промысел был вчера: убили бурундука (Толик это убийство мужественно одобрил, в бурундуке почти четыреста граммов мяса), двух рябчиков и семь кедровок. Сварили ведро жирного бульона. Мясо слопали с костями. Кедровки малость с душком, но наши желудки принимают их с благодарностью. Честно говоря, обижаться нам грех. Умереть с голоду тайга-матушка не даст.

Все свободное время из-за дождя проводим в большой палатке. Жизнь в отряде, по авторитетному заключению Бориса, в здоровой атмосфере. Ось «атмосферы» — Павел и его гитара. Репертуар колоссальный, от «Страдающих струн» и небызвестного «Чубчика» до «Жил на свете капитан» и «Пока я ходить умею». Последнюю мы избрали своим гимном.

И снег, и ветер, и звезд ночной полет
Меня, мое сердце в тревожную даль зовет...

Дед слушает, и на глазах слезы. Всегда просит повторить. Заговаривает о старости: «Отходил я свое, сынки...»

У Яника глаза восхищенные. Он тоже только слушает, петь стесняется.

Борис сидит возле Юлдуз и гладит ей руку. Поют задумчиво, будто что-то вспоминают. У Юлдуз лицо светлеет.

Мы с Толиком поем и по совместительству подкидываем в печку дрова. Это стало нашей неписаной обязанностью.

Не думай, что все пропели,
Что бури все отгремели,
Добейся великой цели,
И слава тебя найдет...

Давно знали песню, а понравилась вдруг.

23 сентября.

Ночью шел снег. Кругом все побелело. Еще потеплеет, однажды так уже было. С вечера выпал снег, а на другой день лил дождь. Но задерживаться в тайге больше нельзя.

Надвигается зима. В подмосковных лесах сейчас золотая осень, а здесь осыпаются последние листья. Ночи холодные, часто заморозки. Если досидимся, пока замерзнет Колыма, тогда и тот путь, что мы плыли на илимке, придется идти пешком. Перспективка в нашем положении не особенно захватывающая.

Все уложили. Осталось упаковать постели и палатку. Из лагеря выйдем утром. Настроение неважное. Юлдузнисколько не лучше. Нога горит, чернеет и распухает. А сама Юлдуз чахнет на глазах. Улучшения мы ждали напрасно. Нужно было выходить отсюда тринадцатого, когда закончили работу и еще не очень ослабли.

Носилки для Юлдуз сделали из куска брезента и двух палок. Нести будем попеременно: Борис и я, Павел и Дед. Толик и Яник поведут лошадей.

Рюкзаки берем с собой. Думаем как-нибудь дотащить. Павел предлагает разгрузить одну лошадь и навьючить на нее рюкзаки, а два тюка образцов бросить. Борис не соглашается ни в какую. Скандалят целый день. Павел

говорит ерунду. Это все равно что зачеркнуть треть работы отряда.

Словом, завтра в дорогу. Что-то нас ждет?

Да, чуть не забыл. Вчера в присутствии всей «общественности» Юлдуз торжественно вручила мне плод своих искусных рук — тубетейку. Отличная штука. На ободке по черному фону бело-зеленый узбекский орнамент, выше — круг зеленых листиков, а в центре — лучистые солнца, те самые пять светил, которых мы с Толиком еще не видели, но не теряем надежды увидеть.

Когда еще я усвою сотню узбекских слов, а награда уже на голове. Да еще вручена по всем правилам торжественного церемониала: речь с перечислением многочисленных заслуг и достоинств награжденного, сопровождаемая тушем (языково-гитарным), момент вручения награды, бурные аплодисменты, взволнованное слово благодарности, опять туш и аплодисменты. И как венец всему — пир.

За неимением вин и соответствующей закуски употребили ведро брусничного компота и семь ржаных сухарей.

Юлдуз нарочно все это устроила, чтобы веселее было. А что? Если подумать, ничего ужасного у нас нет. Вернемся на базу и снова будем жить нормально. На то мы и первооткрыватели, чтобы терпеть какие-то лишения. Понимаете, делаешь шаг и знаешь, до тебя здесь никто не ступал, ты первый.

Разве такое когда-нибудь давалось легко? Я еще в школе выучил слова Нансена:

«И кто хочет увидеть гений человеческий в его благороднейшей борьбе против суеверий и мрака, пусть прочтет историю арктических путешествий, прочтет о людях, которые в те времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верной смертью, все-таки шли с развевающимися знаменами навстречу неведомому. Нигде, пожалуй, знания не покупались ценой больших лишений, бедствий и страданий. Но гений человеческий не успокоится до тех пор, пока не останется и в этих краях ни единой пяди, на которую не ступала бы нога человека, пока не будут и там, на Севере, раскрыты все тайны».

Нам, конечно, смерть не грозит, и против суеверий и мрака мы не боремся. Мы не гении, и нам в миллион раз легче, но мы тоже изучаем Север, может быть, последние

его пяди, и идем навстречу неведомому. Значит, и трудности оправданны. Нам нужно не сочувствовать, а завидовать. Начало и конец всегда самое интересное. Те, о ком говорил Нансен, начинали, а мы завершаем. Их знамена мы донесем до финиша.

Потом будет что-то другое. Жизнь ведь не остановится. Завтрашний день вечный. Мне кажется, люди потому и живут, что у них есть вечное завтра. Без него бы жизнь остановилась.

А радость должна быть во всем — и в трудностях. По-моему, это самое важное. Если бы меня спросили, что такое настоящая жизнь, я бы назвал сумму трех чисел: интерес, плюс борьба, плюс радость.

Ну, пожелайте нам спокойной ночи и на завтра доброй дороги.

1 октября.

Пишу на середине пути до Колымы. Сегодня весь день отдыхаем.

Шагаем не слишком быстро; сто километров за восемь дней. Примерно тысячу шагов в час. Приличные ходки, говорят, делают на 2 600 шагов больше. Мы «слегка» им уступаем. Маловато калорий. Подножный корм отличается в основном химией — кислотосодержащими элементами. Нужно ухитриться, чтобы вместе с ними в желудок не проскакивали собственные зубы. Мадам Оскомина, оказывается, довольно кровожадная.

Таежные завалы тоже замедляют движение. Когда мы шли против течения Конго, их вроде было меньше, а теперь от них спасу нет. Без топора невозможно пройти. И эта проклятая слякоть: то дождь, то снег. А позавчера вдруг ударил мороз, градусов двенадцать. Но природа, видно, смилостивилась. Вчера и сегодня относительно тепло: пять — семь градусов выше нуля. Дождь идет с перерывами и не очень проливной. Высохнуть все-таки не успеваем. Удивляюсь, как мы не простужаемся.

Глянули бы вы на нашу процессию!

Во-первых, все оборванные и грязные. Осоловелые глаза и сгорбленные спины. Единственный человек, который, несмотря на все, продолжает пунктуально бриться, — Яник.

Движение представляет собой следующую картину.

Носилки с Юлдуз, скажем, несем мы с Борисом, он первый, я — за ним. Впереди ведут лошадей Толик и Яник. Им же вменяется в обязанности быть впередсмотрящими, выбирать места для привалов и корма лошадей. Попутно они кормятся и сами — пасутся на ягодниках и кустах стланика. Этому же посвящают свой передых Павел и Дед. Потом они несут Юлдуз, а мы с Борисом пасемся. Каждый собирает также ягоды для общего стола — вечером и утром греем душу компотом, вернее кислой брусничной похлебкой. Если по дороге удастся что-нибудь убить (два дня назад я подстрелил жирного орла), в эту похлебку мы бросаем мясо и с полстакана муки. Получается неплохой суп под названием «витамин а ля тайга».

Для Юлдуз у нас еще есть три банки тушенки, граммов семьсот сухарей и пара пригоршней галетных крошек.

Значит, идем. Вот путь перегородил завал. Толик или Яник поднимают красный флажок (цивилизация): стоп! Мы с Борисом ставим носилки и садимся, разговариваем с Юлдуз, а Толик и Яник ищут проход. Если прохода нет, Толик зычно хрипит:

— Пол-лундра!

Все сходятся к завалу, снимают рюкзаки и ружья, достают из-за поясов топоры.

Пока мы прорубаем тропинку, Юлдуз ворочается на носилках, смотрит на нас со слезами и кусает губы. Тогда слово берет товарищ Гитара. Гитара немного отвлекает ее. Юлдуз лежит спокойно, подпевает нам или только слушает и улыбается. Поэтому мы и хотим, чтобы Павел всегда играл. Борис тоже не против, но Юлдуз его жена и ему неудобно.

Завал прорублен. Если еще не стемнело и не совсем валимся с ног, шестивие продолжается. Обычно идем молча, с разговорами быстрее устаешь. Иногда только Юлдуз толкует мне новые узбекские слова.

Говорим на привалах, у костра или в палатке. Кто о чем. Юлдуз занимает неразрешимая в теперешних условиях проблема стирки нашего белья, тайна сотворения пещерного жемчуга, неудовлетворительное качество окраски мулине (моя тюбетейка линяет), мужество колымских листовниц, памятники древнего Хорезма и агротехника возделывания хлопка, балетное искусство

Галины Улановой и Майи Плисецкой, непонятная музыка Шостаковича, выгоды газового отопления и так далее. Павел и Дед в этом смысле более собранны. Они целенаправленно размышляют о достоинствах ресторанных блюд. Большой популярностью эта тема у нас сейчас не пользуется, и мы их частенько обрываем.

Толика до сих пор волнует безвременно погибший в медвежьей утробе бурундук и ряд других вопросов того же уклона. В частности, он никак не может примириться с поступком Нансена, который безжалостно выстрелил в такое чудесное создание природы, как розовая чайка.

Яник предпочитает вести беседы о высоких материях из области поэзии, космологии, вулканологии и недостижимых океанских глубин. Хочет отправиться в геологическую экспедицию на дно океана. Говорит, что когда-нибудь на суше будут открыты все полезные ископаемые и тогда геологи перейдут на дно морей и океанов. Там построят необыкновенные глубоководные рудники. Ученые изобретут машины, которые смогут работать на любой глубине. Управлять ими будут с плавучего диспетчерского пункта. Людям придется опускаться в рудники только в случае аварии или чтобы выбрать новый рабочий участок.

Павел авторитетно возражает. Он убежден в бесперспективности своей профессии. По его мнению, все, что веками добывалось из недр земли, со временем заменят пластмассы и геологам будет нечего делать. Мы с ним не согласны. Павел забывает другие планеты.

За Луной — Венера, Марс, а там и Юпитер, Сатурн. Пока устареет профессия геолога, пройдет еще не один век, а может и не одно тысячелетие. Плохо только, что не придумают таблетки или какие-нибудь уколы для бессмертия, чтобы дожить до всего.

Жить, жить и жить. Увидеть, как землю насквозь пробурят, как построят рудники на дне океанов, как полетят геологи на Луну...

Я обо всех сказал, а про Бориса забыл. В этом походе он ведет себя не по-своему. Раньше любил рассказывать всякие невероятные истории, а сейчас держит марку глубокомысленного мужа. Когда мы спорим, загадочно улыбается, изредка вставляет одну и ту же реплику:

— М-да-а, ребята, таков круговорот событий...

3 октября.

Видели, наконец, пять солнц, в четыре часа дня. Неожиданно получилось. Подробно описать не могу, не различаю букв.

Костер не разводили, в сумерки полил сильный дождь.

7 октября.

Сегодня снилась ты, мама. Столько времени мучаю вас неизвестностью! Вы к этому должны привыкать. Такая у меня работа. Письма будете получать часто только зимой. Какие вы теперь? На будущий год постараюсь приехать в отпуск.

Больше писать некогда, утро, трогаемся в путь. За эти дни прошли шестьдесят пять километров.

Погода вчера и сегодня сносная, без дождя.

За неделю убили и съели пять белок, пять кедровок и горностая. Бурундуки не попадают. Наверное, успели попрятаться в свои берложки. Они, как медведи, зимой спят.

11 октября.

Вот и незваная белая гостья. Двое суток кружит снег. Днем мороз градусов восемнадцать, ночью холоднее — двадцать три — двадцать пять. С едой дела скверные по-настоящему. Выковыриваем из-под снега мороженую ягоду, щелкаем стланиковые орешки и пьем на привалах кипяток. Как назло, ничего не удается убить.

Не думал, что первым расклеится Дед. Такой здоровый, а выдохся, еле бредет и ловит ртом воздух. Сегодня подкормили его из запасов Юлдуз. Тушенки осталась одна банка.

У других вид ничего. Павел канючит пристрелить лошадь. Говорит, рубит последние концы. На гитаре все-таки бренчит, даже на морозе. Потерпит.

Юлдуз, по-моему, хуже. Она уверяет, что чувствует себя неплохо.

Конго замерзла. Боимся, и на Колыме лед. Тогда шагать осталось километров сто двадцать. Семь до устья Конго и там больше сотни.

Мы дойдем, вот увидите. И я еще кому-нибудь скажу, что такое жизнь. Помните, как я придумал? Интерес, плюс борьба, плюс радость.

И снег, и ветер, и звезд ночной полет
Меня, мое сердце в тревожную даль зовет...

Это Павел играет. Над нами сейчас тоже звезды, высокие и холодные.

Они не дошли. Нет, не погибли. Живы. Утром двенадцатого октября к Конго вылетел вертолет. Он застал отряд на привале, в семи километрах от Колымы, там, где Валерий сделал свою последнюю запись.

В тот же день они были в Нексикане, и в тот же день я отправил в Москву телеграмму Каминским:

«Сын бодр и весел. Везу вторую таежную летопись. Подробности при встрече».

Убегали назад километры, падал снег и грустно пело сердце:

До свиданья, до свиданья,
Я к тебе еще вернусь...

ГЛАВА ПРОЩАЛЬНАЯ

ЛУНА НЕ ПОДХОДИТ ПО МАСШТАБАМ.—ЮРКА
БУШУЕВ СОГЛАСЕН НА ОБМЕН.—НИНА И АН-
ДРЕЙКА ХОТЯТ НА ОРБИТУ.—ПИСЬМО ИЗ НЕКСИ-
КАНА.—ТРИ ЖИЗНИ.—ЛЕТАЮЩИЙ АВТОМОБИЛЬ.—
ВЫМЕЧТАННЫЙ ДЕНЬ НАСТАНЕТ!

не казалось раньше, что этой главы в книге не будет. Но вот поставлена последняя точка, а сказано не все.

Книга писалась почти год. Для нашей страны этот год был годом величайшего триумфа.

12 апреля. Ошеломляющее сообщение ТАСС:

«...в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич».

Давно ожидаемый и такой неожиданный День космической эры начался!

С утра в Москве сеял мелкий дождь. К полудню прояснилось, из-за сизых туч, словно приветствуя торжествующую столицу, выглянуло по-весеннему яркое солнце. На улицах бушевали праздничные толпы. В высоко поднятых руках были все цветы московских оранжерей, все мимозы Крыма и Кавказа. Тысячи скорописных транспарантов — на листах ватмана, на склеенных в длинные ленты газетных полосах, на красном и белом полотне, на цветастом ситце и обоях. Тысячи флажков и флагов, тысячи с космической быстротой отпечатанных портретов Героя. Миллионы человеческих голосов скандировали:

— Га-га-рин! Га-га-рин!

Эфир захлебывался музыкой. На всех языках и наречьях земного шара повторялись слова: Советский Союз, космос, «Восток», Гагарин.

Великий День начал мой ровесник.

Я сидел у радиоприемника, замороженно слушал бурю всемирного ликования. Поздравления, поздравления, поздравления...

Когда диктор прочитал поздравление космонавту от рабочих колымского прииска «Мальдяк», сердце забило чаще. Будто далекая Колыма вдруг переместилась в Москву.

Только подумал об этом, как в дверь постучали.

— Телеграмма!

«Прибавьте летописи восьмого челсека. Юрий Борисович Кривенко. Чернявый, курносый, весит четыре семьсот. Собирается лететь геологом Венеру. Луна не подходит масштабам.

Валерий».

Через час опять телеграммы, две одновременно.

«Кричу ура тезке. Узнайте Москве насчет матросить космическом корабле. Готовлюсь рейс Ледовитый океан, могу кем-нибудь поменяться космос.

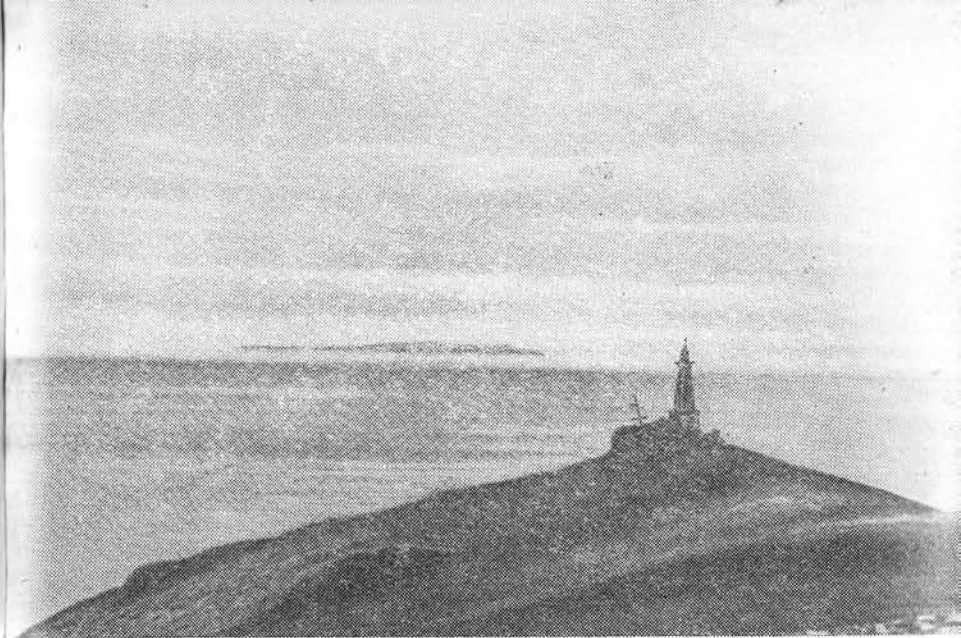
Бушув».

«Поздравляем праздником Космоса. Завидуем дяде Юре. Хотим орбиту «Востока».

Нина, Андрейка».

Потом еще известие по радио: в Магадане появилась улица Гагарина.

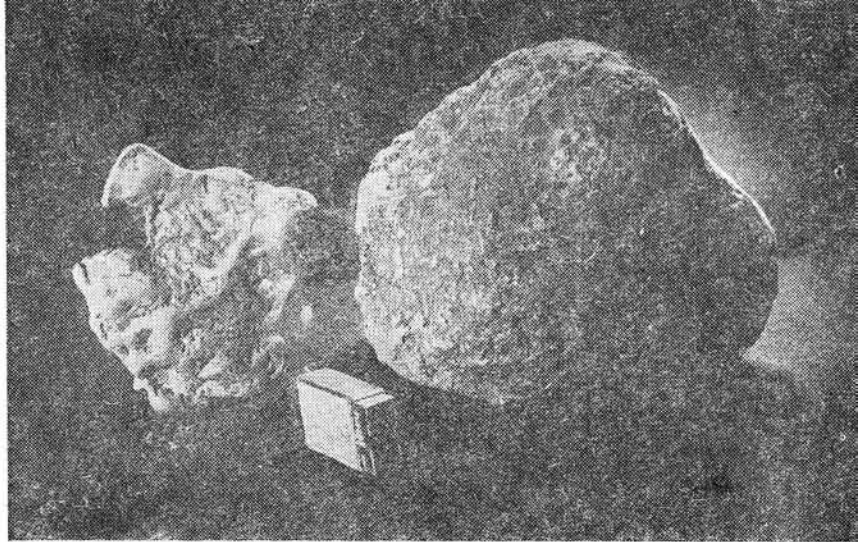
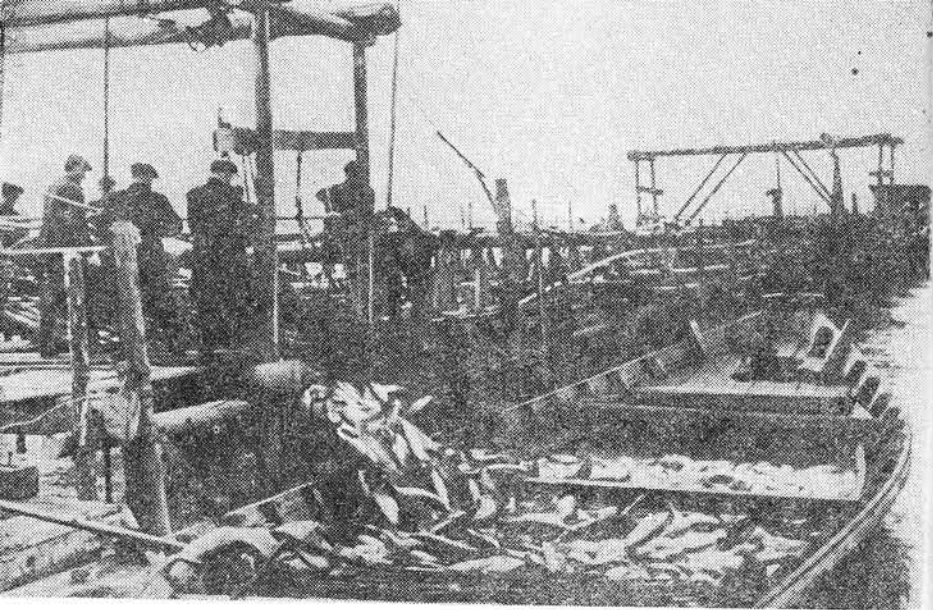
30 июля. Все газеты — под крупными красными заголовками. Опубликован проект новой Программы партии. Я послал телеграммы моим колымчанам, просил их поделиться своими мыслями и чувствами. Первый ответ пришел из Нексикана, но теперь не от Валерия: он был в тайге. Отвечал Александр Семенович Столыпин, талантливый ученый-геодезист, один из зачинателей сегодняшней Колымы. Он мой большой друг и, как другу, места в этой книге ему не нашлось, но он много сделал для

Мыс Дежнева — край земли.

ЧУДНАЯ

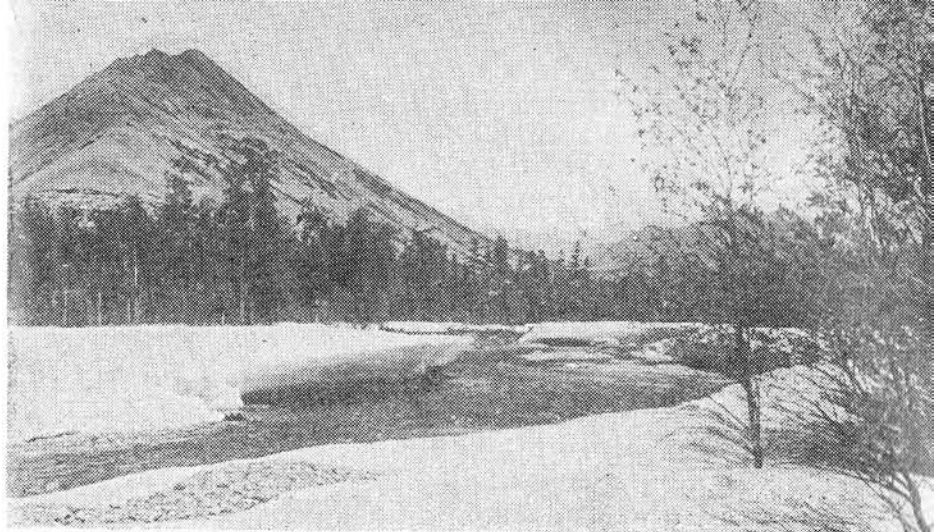
ПЛАНЕТА

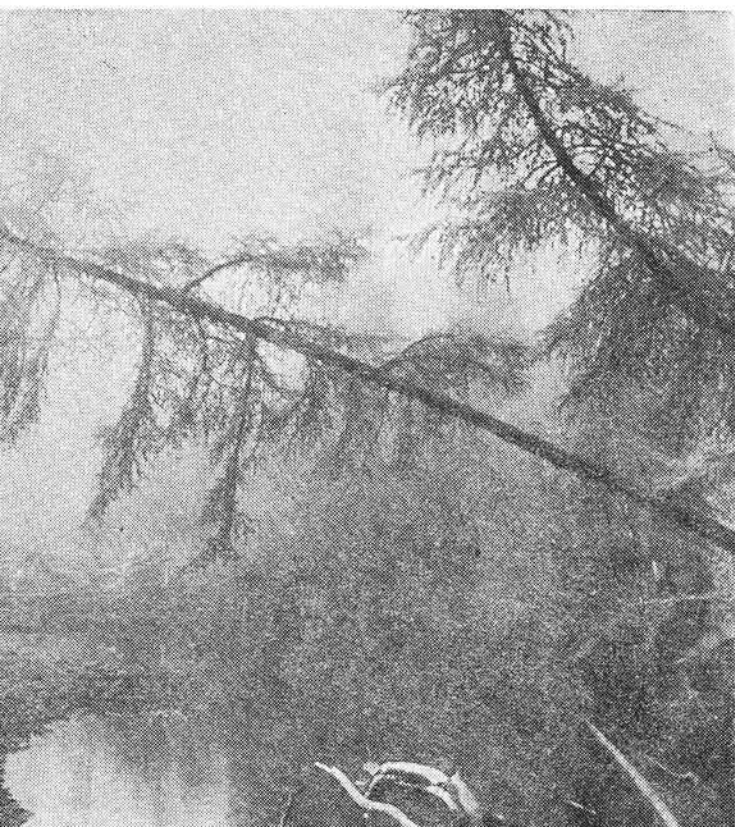
Золотые самородки и капуста — дары колымской земли.

Рыба и громадные кашалоты — дары омывающих Колыму морей.

Осенний пейзаж.

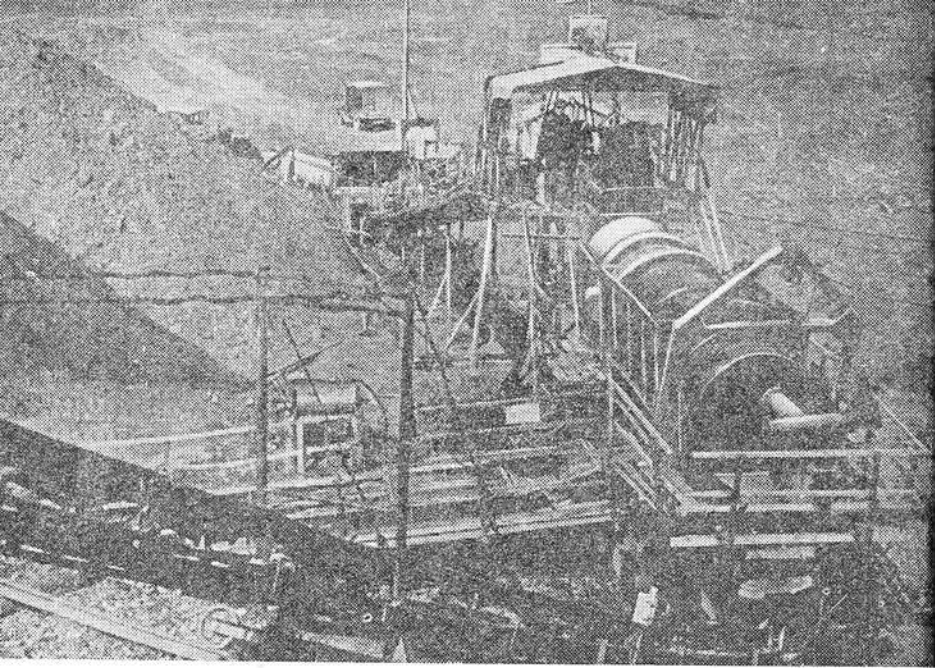

Нашел!

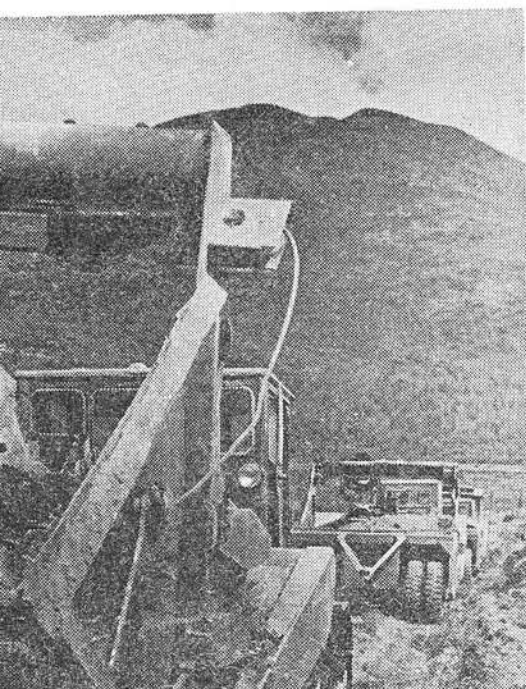
Суровое северное море.

*Таежное
утро.*

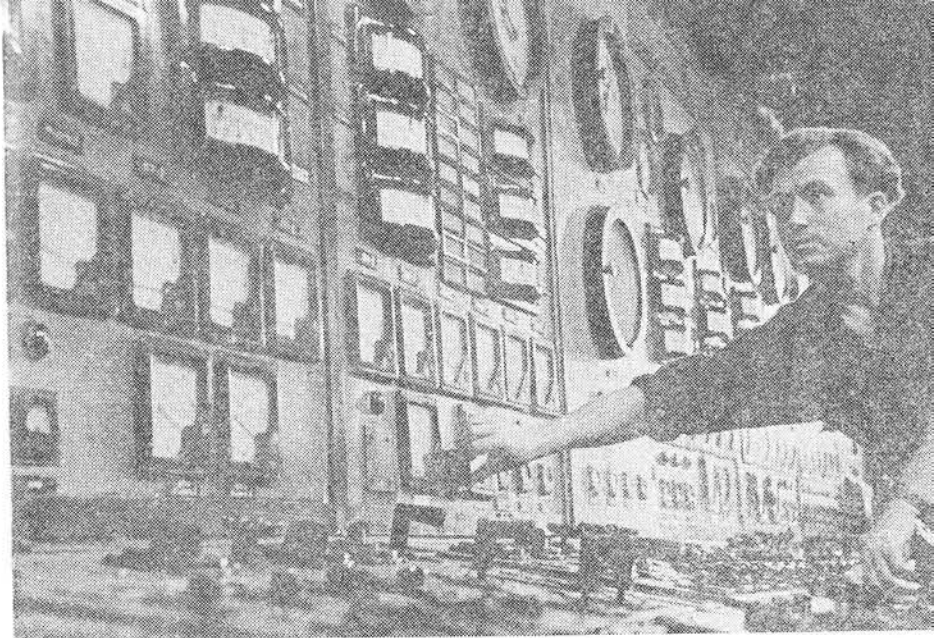

Промприбор.

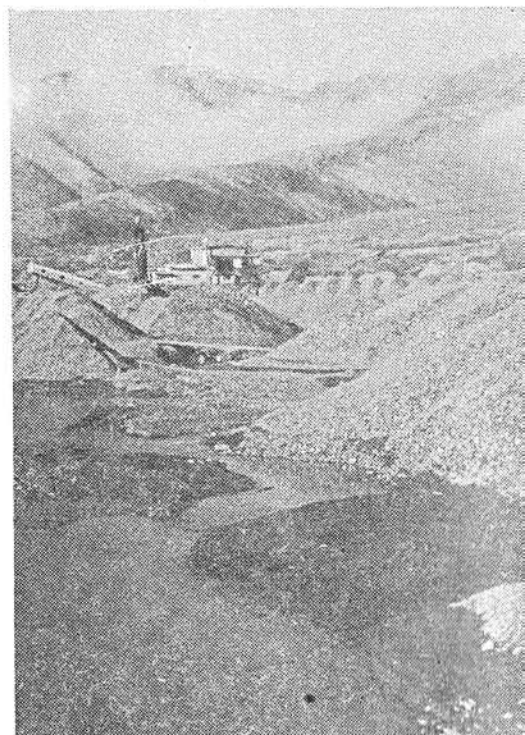

Тяжелые испытания первых лет освоения Колымы позади. Для колымской промышленности и сельского хозяйства начался новый этап — полная механизация и модернизация производства.

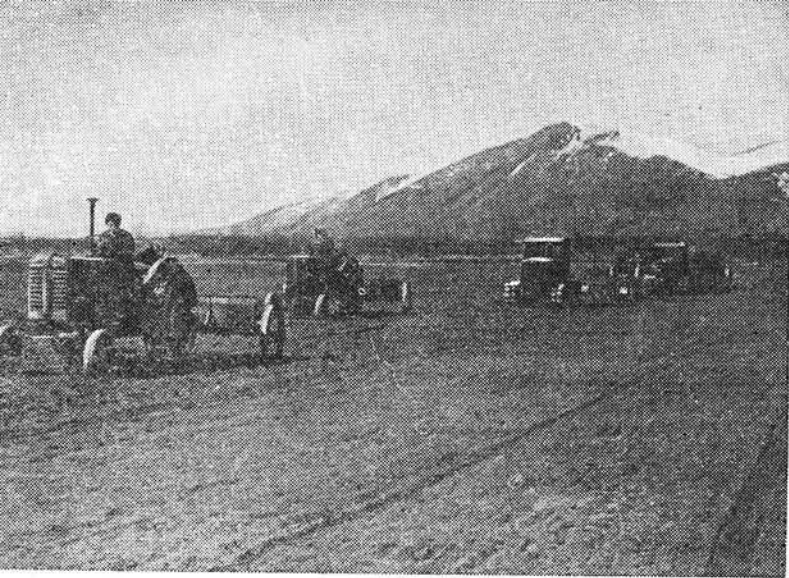
Скреперы снимают торфа.

У пульта управления на электростанции.

На дражном полигоне.

В совхозе «Сусуман».

Дашь изобилие, северная земля!

того, чтобы она была написана, и его письмо я хочу здесь привести.

«Спрашиваете, что думал и чувствовал, читая проект Программы. Что чувствовал... Враз и не скажешь. Во-первых, гордость, что я коммунист, во-вторых, гордость за наш народ, способный ставить такие цели и задачи, если хотите, даже головокружение от гордости. Словно поднялся на высокую сопку, откуда виден весь пройденный путь и весь грядущий. Мы часто говорили и писали: «Вперед, к победе коммунизма!» А спроси, что же такое коммунизм, не всякий и ответил бы. Теперь все обрело четкие контуры. Необыкновенно далекое приблизилось на расстояние видимости. Ты видишь конечную вешку и твердо знаешь, что к ней дойдешь, что хватит и сил, и воли.

Вот полет Гагарина. По-моему, мы даже полностью еще не осмыслили всего величия совершившегося. Только представить себе: мы тут, на Земле, а где-то в пределах Вселенной летает человек, наш русский парень, спокойно делает свое дело в столь невероятных условиях и глубоко убежден, что он вернется на Землю, что он не один — «Родина слышит, Родина знает...»

У меня седая голова, но я отлично помню, как мне далась простая грамота. Чтобы научиться читать, я прислуживал сельскому фельдшеру. Школы в нашей деревне никогда не было. Грамотеем считался человек, умеющий расписаться. А вот теперь сын колхозника полетел в космос. Какая силища, а?

Допустим, освоение Колымы. Я здесь уже двадцать два года. Видел изнурительный ручной труд, когда сотни людей гнули спины за дедовскими тачками. И взять теперь. Драга — современная фабрика золота, где и людей-то не заметно. Сейчас строится для Колымы драга, которая заменит труд двенадцати тысяч старателей, а управлять ею будут пятнадцать — двадцать человек. То же своего рода космос.

Или другое. В 1958 году я был на одном ручье — Большой Хатыннах. Глушь, бездорожье, болото, ни единой живой души.

Буквально через месяц снова увидел я этот ручей. Там уже поселок. Живут люди, кругом электричество, двухэтажные здания, ходят автобусы. В поселке школа, кино, больница, все, что нужно.

Так будет и с коммунизмом. Он идет, мы видим и слышим его шаги. Выдвинутая партией Программа не фантазия, а наполовину сделанное дело, очередное производственное задание. Настанет день, и мы скажем: «Добро пожаловать в наш дом, товарищ Коммунизм!»

Конечно, коммунизм вырастает в нашу жизнь постепенно, как корни растений в землю. Сейчас главное не дать прорасти сорнякам. Есть еще такие, что им только дай, а от них и не заикайся. Иногда и партийный билет носит, а сам так и норовит где бы урвать. Все на свете объясняет личной заинтересованностью. А какая, скажите на милость, личная заинтересованность у нашего старшего инженера Тимофеева? Человек он немолодой, под пятьдесят, и никто его не обязывал посадить и поливать несколько сот деревьев и цветы возле поселкового клуба. А он посадил и много сил и даже личных средств затратил на это. Теперь его сквер в поселке самое излюбленное место отдыха взрослых и детей. Вот это уже черты коммунистической сознательности.

А наш вертолетчик Куратов. Вы, кажется, его знаете...»

Куратов, Григорий Степанович. Я встретил его в Валеркиной стране Озер Любви и Мужества. Помню, мы добирались к ней заброшенным таежным зимником. Потом ехали вдоль кромки какого-то ледника. В пути нас застала дождливая ночь, без звезд и луны. Мы все же продолжали двигаться. Газик карабкался на неведомую нам то вязкую, то каменистую возвышенность. Неожиданно что-то заскрежетало, газик накренился и, словно наткнувшись на непреодолимую стену, остановился.

Было темно, и причину внезапной остановки мы увидели не сразу. Только когда вылезли из машины и очутились чуть ли не по пояс в воде, поняли, что заехали в лужу. Газик налетел брюхом на скрытую под водой каменную глыбу и плотно уселся на ней. Колеса, вращаясь в воздухе, лишь чертили поверхность лужи.

Мы попытались столкнуть машину с камня, но тщетно. Нужны были бревна, а нас окружала голь: выполосканный дождями ледник, размытые осыпи, грязь и камни.

Легко представить нашу радость, когда вдруг раздалось в ночи:

— Огов, люди, кто будете?

— Свои, горемыки! — крикнул я в ту сторону, откуда послышался голос.

— Кто свои?

— К озерам едем.

— Что ж остановились за три версты?

— Застраля. Да вы подходите, не бойтесь.

— Я не пугливый.

Слегка прихрамывая, из темной вразвалку вышел плечистый верзила в черном комбинезоне.

— Вечер добрый, — став у края лужи и осветив нас фонариком, миролюбиво поздоровался он. — А я вижу — фары горят, дай, думаю, гляну, кого это сюда на машине занесло.

— Вы охотник? — спросил я.

— Летчик вертолета. — Присев на корточки, он направил луч фонарика под колеса газика, с улыбкой покачал чубатой головой. — Ловко вас! Теперь до утра не сдвинуть.

— Бревен не найдем. Лес тут есть?

— Километрах в двух отсюда начинается спуск к озеру Джека Лондона, там на склоне сухостой хороший.

— А мы переживали, думали — заблудились.

— Все правильно, не волнуйтесь, машину утром вертолетом подденем. Прошу в гости, у нас палатка, это недалеко.

У этого человека поразительная судьба.

На вертолет он сел в тридцать семь лет. В ранней молодости, когда шла война, летал на истребителях. Сбил двадцать девять фашистских самолетов, трижды горел сам, но оказался «огнеупорным».

После фронтовых полетов, полных отваги и захватывающего риска, мирная служба в авиационном полку показалась невыносимо скучной. Сногшибательные виражи и отчаянные воздушные трюки, вызывавшие раньше всеобщий восторг, теперь назывались нарушением воинской дисциплины. Из летчика-героя он превратился в летчика-лихаха. Его имя склоняли на всех офицерских собраниях.

Искренне каялся, давал обещания исправиться, но в воздухе обо всем забывал. В конце концов от полетов его отстранили, перевели набираться ума-разума на наземную службу.

Без неба жить не мог. В свободные от службы часы занимался парашютным спортом. Однажды парашют не раскрылся. Падая с трехкилометровой высоты, но при падении зацепился за дерево, и это спасло жизнь. Но разбился здорово. За два года врачи едва собрали кости.

Жена от него ушла. Ушла с плачем. Сам прогнал. Детей у них не было, и он решил, что так будет лучше. На кой черт ей возиться с калекой?

Порвав с женой, вернулся на попечение госпитальных нянек и равнодушно ждал конца.

Конец не приходил. Как-то утром он с удивлением обнаружил, что начала работать левая рука. Потом — правая. Попытался тренировать ноги. Они тоже подчинились его воле. И вдруг он поймал себя на мысли, что очень хочет жить.

В день выхода из госпиталя ему исполнился тридцать один год. Он снова жил и, как голодный хочет есть, хотел работать. Однако врачи вынуждали его к бездействию. С их точки зрения, всякий нормальный труд был ему противопоказан.

Товарищи советовали поступить в институт. Не согласился. Тратить пять лет на учебу, когда не уверен, протянешь ли вообще столько, слишком расточительно. Если уж взялся за что, так чтоб сразу видеть: вот оно, твое дело. Впервые он понял цену отпущенного человеку времени.

Все определилось неожиданно. К нему в Иркутск приехал из Бодайбо бывший фронтовой дружок. Он работал на золотом прииске драгером и на все лады расхваливал свою драгу. После его отъезда Куратов начал собирать все, что ему попадалось о драгах. Увлёкся дражным строительством. У него были склонности к конструированию, сообразительность и время. К тому же из летного училища вынес неплохую математическую подготовку.

За год проект драги вчерне был сделан. В проектном институте его нашли удачным. К автору тоже отнеслись благосклонно: то ли прониклись уважением к звезде Героя (за сбитые немецкие самолеты), то ли действительно увидели в нем толкового инженера-самоучку. Его послали на дражную верфь, разрешили руководить постройкой своей драги.

Это была махина высотой в пятиэтажный дом. Строил

ее как одержимый. Не давал отдыха ни себе, ни рабочим. Заложенная в мае на стапеля драга в сентябре была спущена на воду. Случай в дражном строительстве по тем временам небывалый. Куратова поздравляла вся верфь.

В тот же день его пригласили на экстренное совещание инженерно-технических работников. Начальник верфи зачитал письмо из Главка. В письме говорилось, что в Якутии открыты алмазные россыпи, и объяснялась необходимость постройки алмазодобывающей драги. Таких драг в Советском Союзе не было. За границей же их продавали баснословно дорого. Главк просил инженеров подумать, нельзя ли обойтись без помощи иностранцев. Алмазодобывающая драга того же типа, что и золотодобывающая. Нужно лишь реконструировать оборудование.

Письмо взволновало Куратова. Чем-то оно напомнило ему фронт, те минуты, когда он получал боевой приказ. Он понял, что выбор должен пасть на него. Все строящиеся драги стояли на стапелях, а его детище уже покачивалось на воде. Можно было приступить к монтажу оборудования.

Реконструкция и монтаж оборудования его крепко подкосили. Изучив всю необходимую литературу по алмазному драгостроению, он выполнил задание Главка и окончательно выдохся. Может, еще немного продержался бы, но...

Готовую драгу нужно было сплавлять по Лене и ее притоку — путь почти в две с половиной тысячи километров. Драга — не настоящий корабль и провести ее на такое расстояние, тем более через бесчисленные вилюйские перекаты, пороги и мели, не так-то просто. Куратов надеялся, что проводку поручат человеку опытному. Драгу же приехала принимать девица, только закончившая институт. Он, естественно, запротестовал. С дьявольским трудом построенная драга — все, что он сделал в своей жизни. Он не мог отдать ее в пухленькие ручки вертлявой кокетки, пусть даже с дипломом инженера.

Но сказать об этом прямо не решился, а других доводов не нашел. Протесты получались голословными, и с ними не посчитались. Нервы не выдержали. Слег и думал, уже не поднимется. Однако вскоре в больницу принесли радиограмму: «Пробойна днище драги. Имеются повреждения осадочных машинах. Находимся районе вилюйского порога Улахан-Хан. Сообщите ваше мнение».

Поднялся. Врачи ужаснулись, заставили лечь опять, отобрали костыли. Ночью сбежал без костылей. В больничной пижаме под ливнем добрался до своего дома и утром вылетел на Вилюй.

Откуда взялись силы, он не знал. Видно, расставаться с этим миром не наступил срок. Прошел сквозь жестокие испытания, горел, падал с трехкилометровой высоты и еще накануне, казалось, отжил свое, но судьба не хотела его смерти. Жить ему судилось трижды. Одну жизнь дала мать, другую — страсть к жизни и третью — жажда сберечь созданное жизнью.

Снова поставив на воду разбитую «пухленькими ручками» драгу, провел ее через все вилюйские пороги и мели к месту назначения и не покинул, пока не убедился, что больше ей не нужен. Он сделал невозможное и поверил в свою третью жизнь. Теперь он все мог, все было в его власти, даже беспощадная высь неба.

Вернувшись в Иркутск, добился приема в школу вертолетчиков, закончил ее, второй раз женился и уехал на Колыму. Стал воздушным картографом.

Я помню его лицо: резко очерченный подбородок, тонкие губы, нос с горбинкой, серые глаза под низко нависшими бровями и борозды морщин на лбу. Удивительно: на его взлохмаченной черной голове не было ни одной серебряной блески.

Куратов показал мне карандашные наброски придуманного им летающего легкового автомобиля. Не фантастического, нет. Он его уже построил, осталось только испытать.

— Изобретателем хотите быть?

Иронически усмехнулся:

— Я летать люблю.— Неторопливо закурил, глубоко втянулся, выпустив кольца дыма, сказал как давно решенное: — Геологам эту штуку подарю, им пригодится...

Ответ из Нексикана пришел пятого августа. А на следующий день почтальон опять носил мне телеграммы. Был новый прыжок в космос, и Колыма снова была в Москве.

Сегодня двадцатое октября. Я пишу последние страницы своей книги и в перерывах слушаю радио. В Кремле

четвертый день работает съезд строителей коммунизма. Там, на великом форуме будущего, есть и колымчане. Они там, и вся Колыма верит: вымечтанный народом день настанет!

Вот здесь, пожалуй, и можно поставить точку. Но прежде мне хочется поблагодарить тех, кто помог мне в работе над этой книгой.

Сердечное мое спасибо министру геологии и охраны недр СССР Петру Яковлевичу Антропову, начальнику Северо-Восточного геологического управления Израилу Ефимовичу Драбкину, журналистам Александру Григорьевичу Баулину и Василию Васильевичу Губареву, сделавшим возможной мою поездку на Колыму.

Спасибо за добрую науку редактору «Смены» Анатолию Васильевичу Никонову и редактору журнала «Вокруг света» Виктору Степановичу Сапарину.

Особая благодарность Сергею Дмитриевичу Раковскому и Эльзе Яновне Берзиной, позволившим воспользоваться своими записками, фотографиями и личными архивами. И, конечно же, спасибо дорогому моему Петру Циркоту, отличному шоферу и товарищу.

*1961 год, октябрь.
Магадан — Москва.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Страна пяти солнц	5
<i>Глава вторая.</i> Именем любви	25
<i>Глава третья.</i> Через море штормовое	37
<i>Глава четвертая.</i> Священный ключ	55
<i>Глава пятая.</i> Магадан — город приморский	65
<i>Глава шестая.</i> Куда поехать?	81
<i>Глава седьмая.</i> Кормилица колымская	97
<i>Глава восьмая.</i> Поверженный идол	129
<i>Глава девятая.</i> В сопках Сусумана	161
<i>Глава десятая.</i> Вечное завтра	179
<i>Глава прощальная.</i> Настанет день	201

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также свои пожелания автору и издательству.

Пишите по адресу: Магадан, 8, книжное издательство.